

Беззубов А.Н.

ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

Учебное пособие

Санкт-Петербург, 1997

Цель настоящего учебного пособия – обучение студентов простейшим операциям литературного редактирования: распознаванию ошибок, их исправлению и аргументации такого исправления.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ОСНОВАНИЯ МИКРОРЕДАКТИРОВАНИЯ

1. Цель учебного пособия
2. Литературный редактор в издательском процессе
3. Понятие текстовой ошибки

ЧАСТЬ II. ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

ЧАСТЬ III. ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

ЧАСТЬ IV. РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ

1. **Нормативно-языковые ошибки**
 - 1.1. Орфографические ошибки
 - 1.2. Пунктуационные ошибки
 - 1.3. Лексико-семантические ошибки
 - 1.4. Грамматические ошибки
 - 1.5. Фразеологические ошибки
 - 1.6. Редакторский комментарий к теории языковой нормы
 - 1.7. Авторская речевая вольность
2. **Нормативно-стилевые ошибки**
 - 2.1. Внутрителиевые ошибки
 - 2.2. Межстилевые ошибки
3. **Нормативно-эстетические ошибки**
 - 3.1. Фонетические ошибки
 - 3.2. Лексические ошибки

ЧАСТЬ V. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЧАСТЬ VI. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЗАДАНИЙ

Часть I.

ОСНОВАНИЯ МИКРОРЕДАКТИРОВАНИЯ

1. Цель учебного пособия
2. Литературный редактор в издательском процессе
3. Понятие текстовой ошибки

1. Цель учебного пособия

Учебного предмета под названием «Введение в литературное редактирование» не существует. Это не предмет, а угол зрения.

Литературное редактирование очень условно можно разделить на два уровня: микроредактирование и макроредактирование, иначе говоря: редактирование на уровне слова и словосочетания и редактирование на уровне текста или его фрагмента. На практике оба уровня редактирования тесно переплетаются. При обучении по традиционным учебникам они тоже не разделяются: упор делается на работу с текстом, а микроредактирование выглядит как тривиальное исправление ошибок.

В учебном процессе базой микроредактирования служат русский язык и практическая стилистика. Казалось бы, ситуация здесь совершенно простая: студенты лингвистически подготовлены для такого рода работы с чужим текстом и обязаны уметь исправлять все его языковые и стилистические недочеты. Но практика обучения показывает обратное: студенты в своей массе даже при отличном усвоении базовых лингвистических знаний обнаруживают полную беспомощность при редактировании самых простых текстов.

Во-первых, они плохо видят текстовые ошибки, ибо не знают, что нужно считать ошибкой и, соответственно, что нужно исправлять. Ведь перед ними, как правило, реальные тексты, написанные авторами достаточно грамотными и профессиональными. В таких текстах очень редки грубые, явные ошибки, чаще всего это какие-то промахи, шероховатости, незамеченные автором. Для иллюстрации –

Задание 1. Перед вами фрагмент газетного текста из еженедельника «Аргументы и факты». В нем одна-единственная ошибка. 1. Найдите ее. 2. Попробуйте объяснить, как она возникла, как автор ее допустил. 3. Исправьте ее. Обратите внимание: вам заданы три вопроса, на которые нужно дать три ответа. После выполнения задания сверьте три ваши ответа с «Ответами на вопросы заданий» в конце учебного пособия.

«Впервые как штатная единица палач появился в Египте. Казненный сам принимал яд. В средневековой Европе, в частности в Германии, казнь осуществляли судьи, родственники убитых или самый молодой супруг в общине. Позже к этой цели стали привлекаться преступники. Узники, согласившиеся взять на себя роль палача, сами освобождались от казни. Одежда палача – черный плащ с красной каймой, желтый пояс. В Испании палачи могли жить только за городской чертой, их дом красили в красный цвет.

Должность обычно наследовалась. Во французской семье Сансон с 1688 по 1847 г. палачами служили 7 поколений».

Если вы нашли и исправили ошибку, то вы относитесь к лучшей половине студентов, если вы еще и объяснили ее происхождение – вам цены нет.

Во-вторых, даже при работе с малограмотным текстом студенты показывают непрофессионализм, стараясь переписать текст заново, вместо того чтобы исправить каждую отдельную, конкретную ошибку: где нужно заменить слово – заменяют предложение.

Задание 2. Перед вами пример малограмотного текста 1. Устно или письменно отредактируйте его, то есть исправьте все ошибки и погрешности. 2. Сосчитайте, сколько исправлений вы внесли в текст (точное число будет вас дисциплинировать). 3. Определите уровень и характер образования автора. 4. Попробуйте объяснить, почему так много ошибок в тексте. Сверьте свои четыре ответа с «Ответами» в конце учебного пособия.

НЕ ДОПУСКАЙТЕ:

- Зачеркивание более шести знаков;
- Исправления и подчистки на игровом поле;
- Отделение части «А» с нарушением игрового поля;
- Несовременное опускание частей «Б» и «В» в ящик «Спортлото»;
- Одну из частей карточки незаполненной

БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ!

После этих двух небольших заданий можно еще раз утверждать: микроредактирование должно быть выделено как первый этап обучения литературному редактированию. А это невозможно без полного обзора тех ошибок, погрешностей, шероховатостей, которые встречаются в текстах и которые не сводятся к орфографическим, пунктуационным, грамматическим и стилистическим ошибкам. Основой такого обзора будет по возможности всеохватывающая классификация текстовых ошибок с точки зрения редактора.

Но это одна сторона дела. Вторая же заключается в том, что редактор не просто исправляет некий изолированный текст, но и должен объяснить автору текста необходимость такого исправления. В противном случае автор останется при своем мнении, а ошибка неисправленной. Редактор работает не только с текстом, но и с его автором.

Резюмируем: цель учебного пособия – обучение студентов простейшим операциям литературного редактирования: распознаванию ошибок, их исправлению и аргументации такого исправления¹.

2. Литературный редактор в издательском процессе

Литературный редактор – только один из редакторов, участвующих в издании текста. Иногда его для краткости называют просто – редактор, но это упрощение, способное запутать начинающего издательского работника. Редактор – слишком широкое понятие: «специалист, выполняющий редактирование произведения»². Термин «редактирование» имеет два значения: 1) руководство изданием, редакцией, программой (на ТВ), 2) «процесс совместной работы редактора с автором над авторским оригиналом», направленный на его совершенствование. Литературное редактирование – часть этого процесса. Итак, литературный редактор не руководит изданием текста, а работает с текстом (вместе с автором). В издании участвуют и другие редакторы: научный, специальный, художественный, технический (см. «Словарь издательских терминов»). У каждого своя работа. И при выполнении второго задания вы уже видели, к каким результатам приводит отсутствие в полиграфическом производстве текста литературного редактора и типографского корректора.

Вообще издательский процесс с интересующей нас точки зрения полезно изобразить в виде такой упрощенной схемы:

В схеме многое опущено. Она отражает классическую, но уже устаревшую технологию полиграфического производства с линотипным или фотонабором. В ней не разграничены набор и верстка. Не указаны обратные связи типографии с издательством³. Для наших целей это неважно. Важно другое: при издании текст дважды подвергается правке: в издательстве – редакторской и в типографии – корректорской.

Редакторскую правку осуществляют в основном два редактора – научный и литературный. Научный редактор – это специалист в данной области знания. Научное редактирование основано на научной оценке «правильности излагаемых фактов,

выводов, результатов и т.п.». Литературный редактор – филолог (или журналист). «Литературное редактирование – анализ, оценка и совершенствование формы произведения в композиционном, стилевом (языковом) отношении».

После научного, литературного, художественного и технического редактирования авторский оригинал превращается в издательский оригинал и поступает в типографию для подготовки печатной формы. В процессе печатания – и при наборе и при верстке – в текст попадают ошибки, для устранения которых нужны корректоры.

Корректурa – «процесс исправления ошибок и устранения технических недостатков в корректурном оттиске набора и печатной форме...» Корректоров тоже два. Вычитка исправляет орфографические и пунктуационные ошибки и унифицирует названия, сокращения, таблицы, сноски и т.п. Подчитчик проверяет соответствие набранного текста издательскому оригиналу – исправляет опечатки. Важное различие: ошибки автора – явление лингвистики, ошибки наборщика – явление психолингвистики⁴ и к собственно литературному редактированию имеют побочное отношение.

Редакционных правок насчитывают четыре вида. Самая серьезная – правка-переделка – коренное изменение авторского текста, который профессионально слаб или не соответствует издательским нормам. Такой правкой часто занимаются редакторы популярных изданий, переделывая сугубо научные статьи авторов в научно-популярные.

Правка-сокращение нужна или при нехватке места (в газете, например), или при авторском многословии. К этому типу правки относится известная шутка: телеграфный столб – это хорошо отредактированная сосна.

Правка-обработка – «установление смысловых, логических, стилистических недочетов без коренных преобразований текста».

И наконец, правка-вычитка состоит из устранения технических погрешностей при подготовке к набору. Это завершающий этап редактирования. В нем больше редактирования технического, чем литературного.

В нашем учебном пособии будет представлена в основном правка-обработка, наименее трудоемкая из правок, что обеспечивается высоким уровнем авторского профессионализма.

Разумеется, жизнь богаче схемы. Есть небольшие типографии без корректоров, работу которых принимают на себя литреды. Сохранились еще маленькие типографии с ручным, музейным набором, где нет не только корректора, нет даже редакции, и автору приходится выполнять обязанности и литературного редактора, и технического, и корректора.

Есть, наоборот, солидные редакции специальных журналов, где осуществляется только научное редактирование, а литературное отсутствует напрочь. Главный редактор одного такого журнала рассуждал приблизительно так: если автор может написать серьезную статью по онкологии, то уж с русским языком он как-нибудь справится; если же и проскочит какая-нибудь погрешность, то за нее автор ответит сам. Уважаемый редактор, конечно, не прав.

Во-первых, грамотность хромает даже у очень крупных специалистов. Во-вторых, за погрешности в печатном тексте несет ответственность не автор, а издательство –литературный редактор и корректор прежде всего.

Встречаются и особые, нетипичные случаи. Мемуары Майи Плисецкой вышли в 1994 году в авторской редакции, то есть балерина запретила исправлять свои ошибки. А как редактировать тексты классиков XIX века? Никак! При издании их произведений не нужны литературные редакторы. Нужны редакторы-организаторы и редакторы-составители, задача которых выявить канонический текст и составить комментарий к нему.

До сих пор речь шла о классической схеме издательского процесса. Вторжение в него компьютера изменило технологию, но не принципиальную схему. Была провозглашена эра безбумажной технологии. Машинистка в редакции перепечатывает авторский текст на своем компьютере и передает его на редакторский компьютер. Редактор редактирует текст на дисплее, отредактированный текст возвращает обратно на компьютер машинистке, а машинистка вносит в оригинал редакторскую правку. Так может происходить несколько раз, пока редактирование не будет закончено. Затем здесь же в редакции на более мощном компьютере компонуется электронный макет, с него распечатывается несколько экземпляров текста, один из которых подписывается «в печать». Печатная форма, пленка для офсета готовится тоже в редакции на фотонаборном автомате. Пленка проявляется – и только теперь наступает очередь типографии⁵.

Одно но: при электронной издательской технологии редакторы очень быстро убедились, что читать текст на экране дисплея труднее, чем на бумаге: хуже выявляются ошибки и опечатки. Поэтому появился второй вариант электронного редактирования: машинистка после набора авторского текста на своем компьютере распечатывает его на бумаге, и редактор правит бумажный текст. В любом случае скорость издания текста возрастает во много раз. По электронной технологии в 1987 году во Франции сборник стихов в 110 страниц издан за 8 часов. Это рекорд в книгоиздательском деле⁶.

Кстати, новая технология сделала возможной автоматическую вычитку текста. Первый электронный корректор появился в 1986 году в мюнхенском издательстве «Ланген шайдт»⁷. Автоматизирована самая рутинная работа в издательстве.

Литературный редактор – профессия редкая. В 1988 году в СССР было около 300 разного рода издательств (в США – 25 тысяч), и не в каждом нашем издательстве была штатная должность литературного редактора. Видимо, это соответствует общемировой тенденции: в специализированных издательствах обходятся редактором-организатором.

Например, в солидных научных американских издательствах основные отделы – рекламы и распространения. «А редакторов немного, авторские тексты там фактически не редактируются. Функция у редактора совсем иная, организаторская... Редактор – это своего рода разведчик. Он вращается в научных кругах, посещает

конференции, симпозиумы, выставки и постепенно выявляет некое новое поле, где еще нет книги, но потребность в ней ощущается. Он старается выяснить, не перебежало ли ему дорогу другое издательство и т.п. В конце концов, он приходит с идеей: заказать такую-то книгу такому-то ученому. Кроме того, редактор должен заранее прикинуть ориентировочный тираж, сферы и темпы распространения книги (сколько – в первый год, сколько – во второй), цену и процент прибыли... Значительную часть времени редактор находится в вольном поиске. Но он обязан вести процесс издания от начала до конца, следить за компьютером: как движутся все дела вокруг книги, включая денежные расчеты, и как она печатается. Квалификация редактора определяется соответствием его проекта результатам. Если идеи редактора дают сбой, с ним расстаются»⁸.

В Советском Союзе картина была прямо противоположная. «...Развелась масса некомпетентной, профессионально немощной редакторы... Разрослась тихой сапой длиннющая иерархия должностей: младший редактор, просто редактор, старший редактор, зам. зав. редакцией, зав. редакцией, зам. главного, главный, а над ними снова – редактор редакции, главная редакция, главный редактор главной редакции... Помилуйте, и это на одну мою рукопись?»⁹ Здесь еще не упомянута цензура – Горлит.

Авторы стонали от произвола редакторов. Вот несколько голо-сов.

А.А. Любищев, член-корреспондент, лауреат Государственной премии (Д.А. Гранин написал о нем повесть «Эта странная жизнь»): «...Современные редакторы исходят из презумпции (справедливой для многих начинающих авторов, в особенности беллетристов), что они знают гораздо больше, чем автор, что они лучше владеют слогом, чем автор... Мне же думается, что если работа заслуживает публикации..., то это значит, что автор по данному вопросу проделал большую работу, и маловероятно, что редактор лучше понимает вопрос, чем автор... В отношении стиля следует предоставить свободу автору и не пытаться всех стричь под одну мою гребенку, устанавливая, например, обязательный коэффициент тупословия»¹⁰.

В.Л. Гинзбург, академик: «...Редакторы (вообще работники редакций и издательств) наделены, на мой взгляд, слишком большими полномочиями, нередко диктуют свои требования, считают, что «лучше знают», как нужно и как нельзя писать... Ограничусь призывом к взаимной терпимости. Нарушений норм и правил русского языка, морали допускать нельзя. В остальном же свобода мнений в выборе стиля и формы совершенно необходимы»¹¹.

А. Цюрупа, научный сотрудник Института вулканологии в Петропавловск-Камчатском: «Редактор одного большого, известного издательства с высоты своего командного положения требует от просителя-автора (автор, увы, всегда проситель!) указать отчество Альберта Эйнштейна. Так, положено – с отчеством... На мой взгляд, нужно было бы немедленно, «на месте преступления», составлять акт о полной профессиональной непригодности дремучей дамы – с немедленными оргвыводами...»¹²

Это эпоха уходит в прошлое, но еще не ушла, ибо сильна инерция и не сменились кадры, подготовленные и воспитанные на идеологических, партийных принципах. Принцип должен быть другим: «Сотворчество – вот краеугольный камень в работе редактора и автора над рукописью»¹³.

Работа литературного редактора внешне сводится к исправлению недостатков авторского текста. Но она базируется на глубочайшем понимании этого текста и этого автора. Языковую сторону произведения настоящий редактор видит лучше, чем автор. Вы заметили, что в цитатах А. Любищева и В. Гинзбурга есть одно общее, очень важное слово – «свобода»? Наверяд ли. А это ключевое слово. Редактор своим острым глазом должен это заметить. И объяснить. В обоих случаях речь идет об ущемлении свободы автора. С позиций нашего времени мы можем сказать, что это был частный случай ущемления свободы граждан вообще.

3. Понятие текстовой ошибки

3.1. В лингвистических работах об ошибках авторы очень редко используют обобщающее понятие «текстовая ошибка». Изучаются речевые ошибки как сугубо лингвистические. А ошибки смысловые – фактические, логические и т.п. – как ошибки экстралингвистические для лингвистов интереса не представляют. Вспомните школьные годы. Учителя-словесники выделяли в ваших письменных работах три типа ошибок: орфографические, пунктуационные и, так называемые, стилистические.

А между тем, в практике других лингвистов – литературных редакторов – встречаются все типы текстовых ошибок. Но нет их теоретического обобщения и даже простой классификации.

Рассмотрим кратко две специальные классификации речевых ошибок.

Ошибки школьников С.Н. Цейтлин¹⁴ подразделяет на три больших класса:

1) ошибки, свойственные только письменной речи: орфографические и пунктуационные;

2) ошибки, свойственные только устной речи: фонетические (у автора неверно: орфоэпические) и акцентологические, объединяемые в словарной практике в класс орфоэпических ошибок;

3) ошибки, не зависящие от формы речи. Здесь автор выделяет шесть типов ошибок: три грамматических типа – словообразовательные, морфологические, синтаксические (первый тип входит во второй), два лексико-семантических типа – лексические и фразеологические ошибки, а один тип – стилистические ошибки – стоит особняком и нарушает классификацию по уровням языка.

Перед нами типично формальная классификация. Она очень удобна в методических целях, но научной критики не выдерживает.

Классификация ошибок наборщика проведена Ю.В. Красиковым¹⁵ на обширном материале, но это тоже формальная классификация. Автор выделяет два больших класса ошибок наборщика: 1) орфографические и пунктуационные, 2) семантические. Это означает, что в класс семантических ошибок попали все неорфографические и непунктуационные. Например, пропуск слова считается семантической ошибкой, а пропуск слога или буквы – ошибкой орфографической, хотя это явные модификации одного психологического типа ошибки, связанного с дефектами внимания.

Таким образом, классификация ошибок упирается в их теоретическое осмысление. Теория и типология – две стороны одной медали. А с теорией речевых ошибок дела обстоят неважно. Показательный факт. В лингвистических словарях нет терминов «ошибка», «речевая ошибка», ибо это не термины. Нет их и в «Словаре издательских терминов», хотя есть термины «опечатка», «правка», «редакторская правка». А что правит редактор в тексте, как не текстовые ошибки в широком понимании?

Зато отражено понятие «ошибка» в «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова, поэтому на логическую терминологию можно ссылаться.

Общая типология текстовых ошибок нужна. По сути дела, это редакторская типология. И печатные выступления редакторов дают отдельные фрагменты такой типологии¹⁶. О практическом разнообразии текстовых ошибок, пропущенных редакторами и корректорами, можно судить по разделам в журналах «Крокодил» и «Журналист» и в «Литературной газете», в которых публикуются подборки ляпсусов из печатных текстов, преимущественно газетных. Только один журнал «Крокодил» еще недавно получал ежегодно до пяти тысяч писем дотошных читателей с такого рода наблюдениями¹⁷. В них представлен весь спектр текстовых ошибок.

3.2. Ниже предлагается подход к созданию редакторской типологии текстовых ошибок и ее первый набросок.

Текстовые ошибки – это в общем-то ошибки, встретившиеся в тексте, то есть в закрепленном на письме произведении речи. Текст – это сообщение, иначе – элемент в информационной цепи, в которой информация получается, обрабатывается, хранится и передается дальше. Поэтому текстовые ошибки – это также информационные ошибки.

Между источником информации и читателем находится целая фабрика, выпускающая текст. Как было уже показано, текст создается в два этапа. Упрощено: на первом этапе автор печатает текст на машинке, а редактор вносит в него исправления; на втором этапе наборщик набирает типографский текст, а корректор устраняет огрехи наборщика. Эти два этапа можно представить в виде пропорции:

автор : редактор = наборщик : корректор.

Текстовые ошибки – это ошибки автора и наборщика. На них можно смотреть с точки зрения их порождения, возникновения и с точки зрения их исправления. Сперва посмотрим на текстовые ошибки с точки зрения их происхождения.

Можно выделить четыре типа ошибок, порождаемых автором текста:

1) ошибки восприятия; 2) ошибки памяти; 3) ошибки мышления; 4) ошибки вербализации.

Ошибки восприятия – результат плохих условий получения информации автором будущего текста. Обычное дело: чего-то не разглядел, чего-то не расслышал.

*Ошибки памяти (lapsus memoriae)*¹⁸ – это весьма распространенное произвольное забывание части информации или ее искажение.

Ошибки мышления имеют две причины. Во-первых, это ошибки в понимании, оценке информации из-за недостатка знания или из-за достатка предубеждений (концептуальные или идеологические шоры). Психолог сказал бы: это результат неадекватной установки. И, во-вторых, ошибки мышления – это ошибки в умозаключениях, выводах, рассуждениях из-за дефектов логического мышления автора текста.

Наконец, *ошибки вербализации* – это хорошо известные речевые ошибки, ошибки в речевом ходе, с помощью которого вербализуется информация.

Ошибки наборщика совсем иного рода. В принципе все они могут быть сведены к одному типу ошибок, причина которых не лингвистическая, а психологическая – дефекты внимания. У автора такие ошибки встречаются тоже, поэтому ошибки наборщика, набирающего текст, не представляют собой ничего принципиально нового по сравнению с ошибками автора, печатающего текст на машинке.

Итак, все авторские ошибки попадают в текст и становятся подотчетны редактору. А для редактора классификация ошибок по их происхождению имеет второстепенное значение, ибо на первом плане у него – исправление ошибок.

3.3. С точки зрения редактора ошибки восприятия, памяти и мышления – это смысловые ошибки, ошибки плана содержания. При этом ошибки восприятия и памяти дают в тексте ошибки фактические (искажение факта), а ошибки мышления – логические ошибки (нарушение законов формальной логики). Добавим: юристы издавна выделяют и разделяют два типа ошибок – ошибку в факте (error facti) и ошибку в форме (error in forma).

Ошибки вербализации – это речевые ошибки, ошибки плана выражения.

Фактические и речевые ошибки можно разделить на два типа: ошибки по небрежности и ошибки по незнанию. Такое деление понадобится в дальнейшем.

Речевые ошибки – это лингвистические ошибки, ошибки в коде. Смысловые ошибки – это экстралингвистические ошибки, ошибки в информационной стороне сообщения, не затрагивающие кода. Смысловая ошибка остается при переводе текста на другой язык, ибо это ошибка не в языке. В свою очередь, речевая ошибка, как правило, не искажает смысла сообщения. Если же искажение информации происходит, то это означает, что на основе первичной, речевой ошибки возникла вторичная ошибка – смысловая.

Такова общая, редакторская типология текстовых ошибок, но без детализации – она появится в дальнейшем. А пока несколько конкретных иллюстраций для более полного понимания.

Начнем с примера фактической ошибки. Попробуйте найти ее сами в тексте информации из газеты «Известия» (12 февр. 1998):

«Внеочередные президентские выборы в Армении, назначенные на 16 марта, потребуют серьезных усилий по их организации и привлечению средств. В 1996 году они обошлись казне в 200 миллионов драмов (400 тысяч долларов), но они были изначально включены в смету избирательной кампании. Теперь же финансировать выборы приходится по статье «Непредвиденные расходы», и с учетом инфляции они будут строить на 110 тысяч долларов дороже».

Не нашли? Попробуйте еще раз.

Ошибка малозаметная. Заключается она в том, что инфляция армянской денежной единицы – драма – никак не отражается на долларе (инфляция которого микроскопична). И если расходы на президентские выборы в Армении в долларовом исчислении выросли более чем в полтора раза, то причина этого не в удешевлении драма, а в чем-то другом.

Как такую ошибку исправить? Можно выбросить сочетание «с учетом инфляции». Но лучше предложить автору исправить погрешность самому, потому что возможно и то, что в контексте скрывается какой-то дополнительный смысл, который автор не сумел выразить словами.

Теперь чисто речевая ошибка: «Лучшей кандидатуры, чем она, не сыскать» (районная газета). Конечно, кандидатура – не «она», кандидатура – «ее». Обычная языковая неряшливость, которая не влияет на понимание, но характеризует уровень речевой культуры автора.

Третья ошибка тоже из газеты (1980 г.): «За 53 рубля он отгрохал такую домовину, которая годится не только для стоянки автомобиля, но и для жилья». Нашли курьез? Наверяд ли. Но есть подозрения? Надо проверить по толковому словарю значение слова «домовина». Это редкое, старое слово, в словаре С.И. Ожегова его не найдете, нужен 4-томный, в нем: домовина – гроб. А автор был уверен (да и вы, наверное, тоже), что домовина – большой дом.

Получилась двойная ошибка: первичная – речевая, а вторичная – смысловая: некто «отгрохал» гроб, который годится «не только для стоянки автомобиля, но и для жилья». Один читатель ошибку не заметит, другой заметит и улыбнется, но никакой путаницы в понимании текста в обоих случаях не произойдет.

Получила широкую известность логическая ошибка В.В. Жириновского: «У меня мама русская, а папа юрист». Она цитируется в нескольких вариантах, но нарушение остается везде, и каждый человек его остро и обязательно комически ощущает. Нарушен один из законов формальной логики – и неважно какой. Заметим, ошибка возникла в устной речи, в письменной речи такую ошибку найти трудно: она будет отредактирована.

3.4. Осталось ввести еще два понятия, без которых литературному редактору не обойтись. Но без которых он обходится.

Сперва пример – четыре строки из песни Юрия Визбора:

«Мы перешли такие беды,
Какие вам не перейти.
Мы не попали в домоседы,
Но и в пиратов не пошли».

Вопрос поставим нейтрально: есть ли в этих стихах нарушение норм русского литературного языка? Надо признать, что есть. И целых два. С точки зрения лингвиста-педанта «перейти беды» – это как-то не по-русски. Лучше бы сказать: пережить беды, преодолеть беды – такие словосочетания в русском языке есть, они традиционны и привычны.

Кроме того, «пойти в пиратов» – это явное нарушение грамматической сочетаемости слов. Такие ошибки обычны в детской речи.

Теперь поставим вопрос иначе: а нужно ли исправлять, редактировать эти ошибки? Дружный ответ: конечно же, нет. Объяснение: это вовсе не ошибки, это сознательные, намеренные нарушения речевых норм – обычное явление в художественной речи, особенно в поэзии. И с этим объяснением мы переходим из литературного редактирования в теорию литературы, где с древнейших времен существует важнейшее понятие поэтической речи – *licentia poetica* – вольность поэтическая.

В современных словарях это понятие трактуется с легкими вариациями¹⁹, за которыми скрывается его история. Общее во всех определениях: поэтическая вольность – нарушение в поэтической речи норм литературного языка. Видимо, первоначально это было связано с соблюдением стихотворного размера, но быстро, уже в античное время, стало художественным приемом. Гораций в «Искусстве поэзии» употребил для объяснения такого явления слово «вольность», а Сенека в «Естественнонаучных вопросах» (I в. до н.э.) – словосочетание «поэтическая вольность» – так родился термин.

За две тысячи лет термин несколько устарел, ибо явление, им обозначаемое, давно проникло из поэзии в прозу и должно называться не поэтической вольностью, а художественной вольностью. Откройте любой томик Андрея Платонова, и вы там найдете в изобилии очень необычные словосочетания:

«Поезд... находился неизвестно где в сером пространстве». («Возвращение»);

«Фома Пухов не одарен чувствительностью, он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки». («Сокровенный человек»);

«На вокзале он исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления». (Там же).

Это составляет прелесть платоновского стиля. Все эти псевдоошибки выполняют художественные задачи, которые в научных целях можно проанализировать и сформулировать, но непосредственное эстетическое восприятие в таких операциях не нуждается.

Но и термин «художественная вольность» тоже ограничивает явление, которое в наше время встречается и в бытовой устной речи,

особенно у интеллигенции, и в письменной воздействующей речи – в публицистике, прежде всего. Необходим термин «авторская вольность», обозначающий намеренное нарушение норм литературного языка с целью получения эффекта речевой экспрессии, речевой выразительности независимо от типа, вида речи.

Могут нарушаться нормы произношения, нормы сочетаемости слов – грамматические и семантические, а также законы формальной логики. Попробуйте сами определить, что именно нарушено в приведенных ниже примерах:

- «его ушли с работы» (из бытовой речи);
- «Будем посмотреть» (любимая бытовая фраза М. Горького);
- «Я сплю, я сплю со всех сторон» (Саша Черный);
- «И самовар у нас электрический, и мы довольно неискренни» (Михаил Жванецкий);
- «В сельском хозяйстве можно использовать удобрения в лице навоза» (фельетон, С. Нариньяни);
- «Вы смотрели «Маски-шоу» – Это очень хорошо» (телепередача).

Вы, наверное, заметили: во всех примерах использованы различные выразительные средства речи и вдобавок с комическим эффектом, который в общем-то не обязателен.

Обратимся к другому ряду примеров.

В 1982 году была популярна одна песня в исполнении Юрия Богатикова. Два стиха из нее:

«Вот и мне пора настала
Поселиться в новый дом».

Ваша реакция должна быть мгновенной: поселить можно в доме, а в дом вселяются – нарушение глагольного управления. Но посмотрите внимательно на эти строчки, это ведь не авторская вольность, это обыкновенная ошибка, распространенная к тому же. Вот еще одна – из стихотворения для детей:

«На свой скворечник сел скворец:
Кто поселился в мой дворец?»

Для таких случаев М. Горький придумал термин «авторская глухота», означающий «явные стилистические и смысловые ошибки в художественном произведении, не замеченные автором»²⁰. Добавим: во всяком произведении.

Примеры авторской глухоты можно найти у любого писателя, у любого поэта. Две маленьких иллюстраций:

М. Лермонтов:

«И Терек, прыгая как львица
С косматой гривой на хребте».
У львицы нет гривы, грива только у льва и только на шее.

А. Фет:

«О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей».

Когда появляется ландыш, снега уже нет. Фет имел в виду подснежник.

Причины авторской глухоты различны: незнание, небрежность, невнимательность, неграмотность. Не ошибается тот, кто не пишет. Весь вопрос в том, как часто ошибается автор.

Литературный редактор должен очень четко различать авторскую вольность и авторскую глухоту и быть в работе с автором деликатным: ведь задевается авторское самолюбие. К тому же есть два момента, усложняющие ситуацию. Во-первых, не всегда авторская вольность и авторская глухота легко различимы. Во-вторых, сама авторская вольность может быть дефектной, неудачной.

Главное: понятия авторской вольности и авторской глухоты – это два инструмента в руках литературного редактора.

3.5. И прежде чем перейти к типологическому описанию текстовых ошибок, сформулируем правила редактирования текста. В наиболее полном виде это сделал А. Мильчин²¹. Перескажем их кратко:

1) прежде чем править текст, его нужно прочитать весь, целиком;

2) прежде чем исправить фрагмент текста, вызвавший ваше неудовлетворение, нужно найти в нем ошибку, назвать ее и объяснить ее возникновение;

3) исправление должно быть минимальным;

4) для больших поправок нужно пользоваться авторскими речевыми средствами (или предоставлять это самому автору);

5) подвергать критике нужно не только авторский текст, но и свою правку;

6) нужно согласовывать правку с автором, доказывая ему необходимость каждого исправления.

И добавим еще одно правило:

7) исправляют ошибки автора, а не его стиль, то есть авторскую глухоту, а не авторскую вольность.

Далее в трех главах рассмотрим три большие группы текстовых ошибок: фактические, логические и речевые.

Часть II.

ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Искажения фактического материала меньше всего можно найти в изданиях научных и специализированных издательств. Почему? По двум причинам. Во-первых, для таких издательств текст пишет автор-специалист. Уж он-то знает свою тему! Во-вторых, текст редактирует тоже специалист – научный редактор, а уж после него литературный редактор. В ведомственных издательствах такой редакторский тандем обычен.

Но в сфере массовой коммуникации – в издательствах массовой литературы, в издательствах широкого профиля, в художественных издательствах, в журналах и газетах – невозможно иметь ни научного, ни специального редактора, ибо такой редактор должен быть, по сути дела, энциклопедистом – знать все. Выход – внештатный рецензент-специалист. Но часто и такого выхода нет. И тогда литературный редактор отвечает за все, а за все он ответить не может – в этом парадокс.

Издательская практика знает универсальных редакторов с филологическим или журналистским образованием. Их основная особенность – широкая общая культура, помноженная на опыт редакторской работы. Но таких редакторов немного²².

Вернемся к истокам текста: почему сами авторы допускают фактические ошибки? Выше уже было отмечено, что в основном по двум причинам: по небрежности и по незнанию.

Ошибки по небрежности, из-за ослабленного внимания обычно без труда выделяются из общей массы фактических ошибок.

Например, совершенно курьезная ошибка из журнала «Огонек»: «У меня за плечами семь войн, – отвечает генерал, – две мировые, шесть локальных. Не хочу, чтобы была седьмая» (Из коллекции журнала «Журналист». 1979. № 6).

Другая, не столь заметная ошибка. В «Литературной газете» (12 октября 1983 г.) преподаватель литературы с большим опытом приема вступительных экзаменов пишет в статье «Зачем Чичикову мертвые души?»: «Я задаю этот вопрос восьмой год. Каждый год в среднем шестнадцать раз. Опрошено было более тысячи человек...» Но 8 на 16 будет 128, а не «более тысячи». Обидная путаница в интересной статье. Возможно, она принадлежит не автору, а машинистке или наборщику, но для читателя это не имеет значения.

И еще такая деталь: обе эти ошибки редактор должен увидеть, но не сможет исправить. Это дело автора.

Задание 3. Очень легкое. В предлагаемых фрагментах текстов найдите и исправьте фактические ошибки, причина которых – обыкновенная авторская неряшливость.

1. «У нее был поразительно ясный выговор, казалось, она отчеканивает каждую букву». (Переводной роман).

2. «Кстати, о лиде. «Лид» происходит от слова «лидер». (Журнал «Журналист»).

3. «Температура воздуха минус 10 градусов. Ветер юго-восточный, давление 750 атмосфер». (Газета).

4. «Свергнутый в результате военного переворота и изгнанный из страны президент Гаити отбыл в поездку по США и другим западноевропейским государствам». («Известия»).

5. «В целях борьбы с шумом в Алма-Ате заменили устаревшие вагоны трамваев на бесшумные, старые рельсы – на железобетонные.» («Литературная газета»).

6. «Сейчас у Зайцевой в активе семь побед, три ничьих и одно поражение». («Вечерняя Москва»).

7. «Весь западный участок неба запылился красками от бледно-розовой до ультрафиолетовой.» (Газета).

Ошибки по незнанию – замаскированные ошибки памяти. Это основной по количеству подкласс фактических ошибок. Газеты дают их богатый набор, наверное, по той причине, что журналисту в своей работе часто приходится быть всезнайкой, а это невозможно. Как тут не вспомнить афоризм Марка Твена: журналист – это человек, который знает все, только не совсем точно.

Судя по читательской почте, авторы допускают, а редакторы пропускают большое количество фактических ошибок. Создается впечатление, что редакторы массовых издательств просто не могут поставить им заслон. Лучший редактор – это читатель-специалист. Юристы находят ошибки в детективных кинофильмах и романах, в которых следователи уголовного розыска ведут дела, отдают виновных под суд, хотя в реальной жизни они называются инспекторами и занимаются оперативно-розыскной работой. Железнодорожники высмеивают автора, у которого вагонные слесари постукивают молотком по *чугунным* колесам – *колесастальные*.

«Литературная газета» в 1970-е годы давала подборки ехидных читательских писем такого рода:

Герои повести Е. Языковой «Однажды, когда мы расстанемся...» обсуждают достоинства перевода на русский язык романа Лонга «Дафнис и Хлоя»:

«– Наверное, «Дафнис и Хлоя» по-латыни все-таки лучше?

– Нет, милая, – вкладывает он какой-то особый смысл в ответ» («Аврора», № 12, 1976, стр. 24).

Может быть, он знает то, чего не знает «милая»? Что роман Лонга написан не на латинском, а на древнегреческом языке.

А. Щетинский. Москва

«...События льются друг за другом таким потоком, в который, по выражению Геродота, нельзя вступить дважды» («Знание-сила», № 12, 1976).

А не вернуть ли это выражение Гераклиту?

А. Ямпольский. Саратов
(«Литературная газета», 15 июня 1977 г.)

Для журналистов камнем преткновения в фактическом материале будут специальные области, специальные предметы, деталей которых он может не знать. Два примера.

«Моим соседом в салоне воздушного лайнера оказался черноротый священник в церковном облачении». *В лайнере*

священник был в рясе, а в церковном облачении он может быть только во время службы.

«Аэростат – огромная гондола, наполненная водородом, – поднимался вверх». *Гондола – подвесная корзина у аэростата.*

У писателей и поэтов положение еще труднее: надо знать очень точно то, о чем пишешь. В истории литературы существует такая закономерность: вершинные писатели часто выступают как редакторы произведений своих менее выдающихся коллег. Но не наоборот.

А. Чехов пишет в письме Н.А. Лейкину (7 октября 1987 г.):

«...У Вас «На охоте» охотники стреляют куропаток в лесу. Куропатки бывают на опушке леса, а в лесу по деревьям никогда...»
Почему Чехов это знает, а Лейкин нет?

А. Пушкин в письме А. Рылееву (май 1825 г.): «Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: «Таже повеси щит свой на вратах на показание победы»?²³ В этом попутном замечании Пушкина проявилась не только глубина его образования, но и профессиональный, редакторский подход к чужому тексту. Наверняка, Пушкин навел справку в «Истории» Карамзина.

Читая «Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова» (1817 г.) Пушкин делал редакторские пометы на полях. Напротив стихов

«Так ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет...»

он написал: «Не под серпом, а под косою. Ландыш растет в лугах и рощах – не на пашнях засеянных»²⁴. А ведь в лицее Пушкину этого не преподавали. Большой писатель – это всегда большой эрудит.

Когда-то Антон Чехов дал хороший совет своему старшему брату Александру (в письме от 6 апреля 1886 г.): «Не выдумывай страданий, которых не испытал, и не рисуй картин, которых не видел...»

Если следовать этому совету, то можно избежать многих фактических неточностей... Хотя и не всех. Поэтому ошибки встречаются даже у классиков.

А что же делать редакторам-составителям с ошибками наших классиков? Прочитируем целую заметку из журнала «Русская речь»:

«Сколько рук было у Кити Левиной? Станный вопрос, не правда ли? Однако прочтите:

«Он взял ее руку и протянул ее к своим губам, но, как бы боясь, что это ей неприятно будет, выпустил и только погладил ее. Кити взяла эту руку обеими руками и пожала ее» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). Выходит, что *Кити взяла двумя руками третью свою руку.*

Влияют ли такие описки на качество гениальных произведений Л.Н. Толстого? Думаю, ни один человек не ответит на такой вопрос утвердительно.

В книге К. Паустовского «Повесть о лесах» читаем: «В воде канавы острым огнем загорелся Юпитер... Он посылал свой огонь к Земле через сотни световых лет». А ведь *Юпитер находится в нашей солнечной системе. Свет к нам от него идет немногим более получаса*. Паустовскому редактор не помог избежать ошибки. А теперь исправлять? Считаю недопустимым.

В романе А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» встречаем такую фразу: «...у воды сидел Роллинг и, пригорюнясь, глядел на океан, откуда сто миллионов лет тому назад вышел его предок в виде человекообразной ящерицы». *Никогда таких ящериц не существовало*. Явная описка. Но у кого сейчас поднимется рука править А.Н. Толстого?

Подобных примеров можно набрать множество. Ну, здравствующим авторам может помочь внимательный редактор. А как быть с ушедшими, а в особенности – с классиками? Между тем, есть очень простой выход. И он уже давно применяется. Но почему-то только при редактировании мемуаров. Если автор воспоминаний в чем-то ошибся, что-то напутал – об этом сообщается в сноске. Так почему бы не делать того же и с другими книгами? Скажем, так: «Описка Л.Н. Толстого: Кити пожала руку Николая Левина»; «Паустовский ошибся: свет от Юпитера до Земли идет всего полчасика» и т.п.»²⁵

Исправление фактических ошибок вырастает в серьезную кадровую проблему для издательств. Высококвалифицированный, эрудированный редактор столь же редок, как и талантливый писатель.

Поток читательских писем с подмеченными текстовыми ошибками, чаще всего курьезными, в «Литературную газету» много лет питал ее «Почту крохобора», а в 1977 году заставил редакцию ввести рубрику «Точность – вежливость писателя». Литературоведы вспомнили о двух старых, забытых, но, как оказалось, актуальных терминах: акрибия – фактическая точность и акрибология – лексическая точность²⁶. Потом рубрика незаметно исчезла. Наверное, ее погубило однообразие материала и чувство безнадежности. Вечная проблема.

В те годы в «Литературной газете» и реже в других изданиях появлялись материалы под рубриками «Реплика», «Читатель недоумеает» и т.п., которые можно было бы отнести к жанру фактографической критики. Речь в таких материалах шла не об отдельных огрехах, а о массовых ошибках в какой-нибудь книге, посвященной специальному вопросу, но написанной журналистом: читатель-специалист критиковал автора-дилетанта.

Чаще всего читательская критика была посвящена трем обширным темам: армии, флоту и природе. Почему? Ответ простой: об армии пишет гражданский человек, о флоте – сухопутный, о природе – горожанин. А кто редактор? Городская женщина с филологическим образованием.

А читатели негодуют. Армейские офицеры уличают авторов в незнании оружия: у пистолета ТТ нет предохранителя, у браунинга нет барабана. Артиллеристы объясняют, что в их родной артиллерии углы измеряются не в градусах, а в делениях угломера и т.д. Один дотошный читатель, офицер, прочитал внимательно книгу очерков «Еще не все награды вручены» (Донецк, 1975) и нашел там такое количество фактических ошибок, что сам удивился: «...Что же это получается? Значит, почти каждый из тех, чьи очерки помещены в сборнике, не знает военного дела? Трудно предположить такое. Но даже если это и так, то все (или, по крайней мере, многие) ошибки должен был заметить и поправить редактор сборника...»²⁷

Особенно велика путаница в воинских званиях и должностях. Некоторые, сугубо штатские авторы не знают, чем отличается патрон от пули. Персонаж романа Юлиана Семенова «Горение» «набил карманы пулями» к револьверу; спортсмен в заметке из газеты «послал в мишень 60 патронов».

Флотская тематика с точки зрения акрибии, может быть, самая трудная. Одних морских терминов существует порядка 20 тысяч. А расстояния на море измеряются не в километрах и метрах, а в милях и в кабельтовых, а скорость в узлах. Инженер-кораблестроитель прочитал биографию академика А.Н. Крылова, написанную литератором В. Липилиным и прислал в газету разбор книги, в котором доказал, что книга – компиляция, что автор полностью некомпетентен в вопросах судостроения и вольно обращается с историческими фактами, искажая их²⁸.

Но самые обидные и непростительные ошибки мы встречаем в статьях, книгах, стихотворениях о природе. Один внимательный читатель с биологическим образованием нашел ошибки в стихах, которые мы знаем наизусть с детства. Вот некоторые из них²⁹.

А.Н. Плещеев, «Сельская песенка»:

«Травка зеленеет,
Солнышко блестит.
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...»

«А ведь ласточки зерно не клюют, это же насекомоядные птицы!»

Сергей Есенин:

«Выткнулся над озером алый цвет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло».

Даже Есенин опростоволосился. «...Иволга в дупле не живет. Всю жизнь она проводит в кроне дерева, где и прячется и гнездится...»

С. Маршак, «Дом, который построил Джек»:

«А это веселая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу...»

Пшеница синице совершенно не нужна. Синица, как и ласточка, предпочитает насекомых, а зимой – подсолнух и коноплю.

В.А. Жуковский, «Птичка»:

«Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты,
Там и поешь ты
Песню свою».

«Сейчас нам уже известно, что *перелетные птицы вьют гнезда и выращивают птенцов только на родине*». Здесь же они и песни поют.

Профессиональный журнал «Журналист» иногда печатает обзоры таких ошибок³⁰, показывая тем самым важность темы.

Если редактор пропустит искажение рядового информационного факта, особой беды не будет. Совсем другое дело, если публикуется искаженный факт, имеющий историческую значимость. В заметке А.Р. Палея уже упоминались вскользь ошибки мемуаристов, требующие обязательного комментария. Как показала практика, очень непросто редактировать ошибки памяти в воспоминаниях живых участников Великой Отечественной войны³¹.

В советскую эпоху существовала сильнейшая тенденция превращать исторические факты в идеологически разукрашенные легенды. Это носило массовый характер и исказило историю России советского периода настолько, что ее надо писать заново, а для этого исторические факты надо очистить от случайных искажений и намеренной дезинформации. Больше всего легенд связано с Октябрьской революцией и с Великой Отечественной войной. О некоторых из них надо обязательно сказать, ибо не только любой литературный редактор, но и любой журналист должен знать эти хрестоматийные примеры искажения правды.

Самая первая легенда относится к самому первому дню советской власти. И это символично. Эта ложь вошла во все учебники, ее все знают, как таблицу умножения. Вот ее, пожалуй, последняя публикация: «...На «Авроре» ждали сигнала с Петропавловской крепости, чтобы выстрелом возвестить о начале штурма Зимнего дворца. В 21 час 40 минут на крепости замерцал огонь. Грянул исторический выстрел бакового орудия». Эта красивая сказка была придумана для того, чтобы показать революцию как организованный процесс – организованный большевиками. На самом деле все революции стихийны и анархичны, и Октябрьская не исключение. Не было никакого сигнала к штурму Зимнего. Был выстрел холостым зарядом, и эхо от него раскатилось по всему городу. Кстати, пусть поклонники этой красивой версии организованной революции попробуют осенним вечером разглядеть с того места, где стояла «Аврора» в октябре 1917 года Петропавловскую крепость. Не получится! Как же моряки разглядели, что «на крепости замерцал огонь»?

Но зачем стреляла «Аврора»? Сами матросы крейсера и объяснили это в газете «Правда» 27 октября 1917 г. Это письмо авроровцев замалчивали 40 лет, его удалось опубликовать только в хрущевскую оттепель, в 1957 году. Но и вторую публикацию официальные историки замолчали – очень неудобный документ. Вот что писали матросы «Авроры» в «Правде» (в сокращении):

«Ко всем честным гражданам города Петрограда... Печать пишет, что «Аврора» открыла огонь по Зимнему дворцу... Не верьте провокационным слухам... Был произведен только один холостой выстрел из 6-дюймового орудия, обозначающий сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающий их к бдительности и готовности»³². И ни слова о штурме Зимнего.

Из таких искаженных фактов и состоит официальная история России XX века. Были даже изобразительные подделки. Много десятилетий в печати воспроизводилась фотография штурма Зимнего, сделанная фотохроникером И.С. Кобозевым днем 26 октября, то есть на следующий день после события. На самом деле это фото сделал В. Булла во время инсценировки штурма Зимнего днем 26 октября 1920 года. В кадре был и кинооператор на деревянном помосте. В 1922 году его заретушировали, и фото пошло гулять по изданиям как документальное³³.

Особенно много легенд в истории Великой Отечественной войны. И только в последние годы историки стали разбирать их завалы и выяснять настоящую правду. Вот только два примера.

Первым закрыл грудью амбразуру вражеского дота Александр Панкратов 24 августа 1941 года под Новгородом. За два дня до Александра Матросова. Но Сталину доложили о подвиге Матросова. Случай и услужливые историки исказили историческую правду³⁴.

Первое знамя над рейхстагом (над входом в рейхстаг) водрузили разведчики 674 полка Г. Булатов и В. Проваторов 30 апреля 1945 года, о чем Г.К. Жукову было доложено к 15 часам. А знамя 756 полка М. Егоров и М. Кантария водрузили на куполе рейхстага вечером того же дня³⁵. Они стали героями.

Речь не идет о принижении героизма одних за счет других. Речь идет о правде, которая не должна искажаться. А она может искажаться самыми разными способами – даже с помощью художественного вымысла. Все мы со школьных лет знаем знаменитую фразу комиссара Клочкова, сказанную им при отражении панфиловцами танковой атаки немцев на Москву по Волоколамскому шоссе: «Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва». Лучше не скажешь. Но комиссар Клочков этой фразы не говорил. Вообще неизвестно, что он говорил. Ибо он погиб, поле боя осталось за немцами. А фраза комиссара – художественный вымысел журналиста, а не исторический факт.

Исправлять историческую неправду стало возможно лишь недавно. А о том, чем это заканчивалось раньше, можно судить по рассказу В. Сидельникова, журналиста газеты «Социалистическая Якутия», который вздумал редактировать книгу Л. Брежнева «Малая земля», печатавшуюся в этой газете «по многочисленным

просьбам трудящихся». Журналист оказался начитанным и, когда читал в книге Брежнева эпизод о спасении будущим генсеком двух матросов после подрыва катера, то вспомнил, что в очерке Героя Советского Союза Сергея Борзенко «Малая земля», опубликованном в «Правде» в 1943 году, описано, как *матросы после подрыва катера на mine спасли из воды потерявшего сознание полковника Брежнева...* Отредактировать ложь не удалось. «...Парторг Гусев... примчался сразу после моего звонка и... отстранил меня от дежурства... Через неделю... бюро горкома... исключило меня из рядов КПСС. Через 62 дня, после выхода из отделения кардиологии, меня уволили из редакции. Так я стал рабочим по заготовке деловой древесины...»³⁶

Напомню: все книги Брежнева написаны журналистами, которых он не видел и не знал. Все рукописи уничтожены, настоящие авторы нигде не упоминаются, и даже труд их не оплачен. Ленинскую премию за эти книги генсек принял без смущения. Раскрыл свое авторство только Александр Мурзин, написавший «Целину» (в программе «Альтернатива» на Ленинградском телевидении 8 декабря 1991 года). Кстати, вождь сам и не смог написать ничего вразумительного, потому что был малограмотен. Читать его дневниковые записи без улыбки невозможно. «Грамматику, судя по всему, Брежнев вообще не знал, о знаках препинания понятия не имел»³⁷.

У нынешних редакторов таких проблем нет. Профессия стала безопасной.

Задание 4. Найдите в трех реальных текстах фактические ошибки. Используйте «Энциклопедический словарь».

1. «Техника – молодежи», 1978, № 11:

Галилей взорвал небо! Он раздвинул рамки Вселенной, нашел на Солнце пятна, у планет – спутники, поколебал вековые устои церкви. На него ополчились не только иезуиты, но и Лютер.

2. «Известия», 20 мая 1987 г.:

Археологическая находка

Итальянские археологи обнаружили древнейшее захоронение племени самнитов, проживавшего на Апеннинском полуострове в I веке до н.э. Возраст захоронения, расположенного в 160 километрах к юго-востоку от Рима, оценивается в 2,5 тысяч лет.

3. «Ленинградская правда», 12 января 1988 г.:

Впервые в эфире – 150 лет назад

«Железнодорожные вагоны только что прибыли, 345 пассажиров». Это – текст первой телеграммы, вышедшей в эфир на нашей планете 150 лет назад. Сегодня американские радиолюбители празднуют знаменательную годовщину в развитии радиотелеграфного дела. 11 января 1838 года в городе Морристаун (штат Нью-Джерси) состоялась первая публичная демонстрация электромагнитного телеграфного аппарата Морзе.

Часть III.

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

1. Прежде всего надо разобраться в терминах, потому что, с одной стороны, логическими ошибками занимается логика, и их описание можно найти в учебниках логики и в логических словарях. Но с другой стороны, и лингвистика не может обойти речевые ошибки, имеющие логическую основу или порождающие логические ошибки как вторичные. Кроме того, есть еще и третья сторона – теория литературы, которая занимается художественными эффектами нарушения логических законов и правил. Двумя терминами теории литературы – поэтическая вольность и авторская глухота – вы уже владеете.

Основных терминов в этом разделе всего три.

Алогизм – в полупереводе на русский – нелогичность. Более подробно: *рассуждение, противоречащее логике*. Это общенаучный термин. Его можно найти в самых разных словарях: в «Логическом словаре» Кондакова, в «Энциклопедическом словаре», в «Словаре иностранных слов». В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» такого термина нет, и это странно. В «Поэтическом словаре» Квятковского термин «алогизм» обозначает не логическую ошибку (авторскую глухоту), а стилистический прием (авторскую вольность). В «Краткой литературной энциклопедии» тоже есть подобная статья.

Паралогизм – термин логики, и за ее пределами не встречается. Он находится в паре с другим логическим термином – **софизмом**. Паралогизм – *логическая ненамеренная ошибка в умозаключении*, а софизм – *преднамеренное нарушение правил логики, формально кажущееся правильным*. Такое антонимическое противопоставление очень важно: паралогизм говорит о заблуждении автора, в основе которого – недостаток образования, а софизм – о логическом обмане, о нечестности автора.

На паралогизмах строятся «Основы политической экономии» Т. Мальтуса, многие работы В.И. Ленина: о пролетарском интернационализме, о закате капитализма в XX веке, о невозможности Соединенных Штатов Европы в условиях так называемой буржуазной демократии и т.п. Адвокат, сдавший экзамен экстерном, не имел настоящей научной подготовки. Паралогизмы – обычное дело там, где публицистика претендует на роль науки.

«Логические ошибочные рассуждения непременно появляются в тех случаях, когда сила разума начинает уступать силе эмоций.

Но особенно, конечно, истоки логических ошибок надо искать в социальной позиции того или иного человека»³⁸.

Увлеченность теорией, слепая вера в нее заставляют человека смотреть на мир сквозь теоретические очки: видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть. В этом причина идеологической зашоренности многих публицистов во всех идеологических лагерях.

Когда же ложная теория начинает дискредитировать себя на практике, когда ее нелепости становятся понятны многим, а не только единицам, тогда пропагандисты берут на вооружение приемы софистики: пропаганда переходит от логических ошибок поры увлеченности к логическому обмену поры охлаждения.

Типичный пример.

В 1979 году на закате советского социализма в журнале «Журналист» (№ 11, с. 36–38) доктор экономических наук заместитель главного редактора газеты «Правда» Дмитрий Валовой опубликовал статью «Совершенствоваться значит идти вперед» об успехах советской экономики. В качестве аргументов он приводил статистические данные о среднегодовых темпах роста промышленной продукции США и СССР за 1951–1978 годы – соответственно 4,3 и 9,2%. Это говорило, якобы, в пользу социалистической экономики: она же в два раза быстрее развивается и рано или поздно обгонит американскую. В то время это был излюбленный аргумент многих советских пропагандистов. И это было сознательное манипулирование числами (точными!), сознательный обман читателей и слушателей.

Дело в том, что для экономики США, несмотря на периодические кризисы производства, характерна стабильность усредненных показателей темпов роста промышленной продукции. Вот уже 120 лет этот показатель колеблется около 4,2%. А для экономики СССР такой закономерности не существовало. У нас картина была совсем иная – постепенное падение даже официальных (приукрашенных, то есть завышенных) показателей прироста промышленной продукции. За этот же период – 1951–1978 гг. – он упал по опубликованным данным с 13,5 до 3,6%. А в среднем – действительно 9,2%! Но *усредненная статистика партийных пропагандистов скрывала тенденцию*. Именно о таких аргументах сказано: есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика.

Д. Валовой восхвалял советскую экономику, когда она уже свалилась в глубокий кризис, когда она была уже ниже американской не только по объему, но и по темпам роста. Доктор экономических наук мог бы построить график, проэкстраполировать полученную тенденцию на ближайшее будущее и увидеть, что в середине 1980-х годов страну ожидает нулевой прирост промышленности. Он, при известной фантазии, мог бы даже предсказать будущую перестройку. Правда, опубликовать такие выводы в советской печати ему бы не удалось – даже в «Правде», где он был заместителем главного редактора. Но это уже другая история. Д. Валовой предпочел дезинформацию, которую никакой редактор не посмел бы отредактировать.

Но вернемся к настоящим логическим ошибкам. В логическом доказательстве три части: 1) *тезис* – суждение, истинность которого следует доказать, 2) *основания (аргументы)* – истинные суждения, обосновывающие истинность тезиса, 3) *демонстрация* – форма способа доказательства. Логика соответственно выделяет три больших класса логических ошибок: 1) подмену тезиса, 2) подмену аргумента, 3) ошибки способа доказательства, то есть различные нарушения правил умозаключения.

В тексте логические ошибки могут быть очень простыми, но могут приобретать изощренные формы, требующие специальных доказательств своей ошибочности.

Логические основы редактирования текста разработаны подробно. Есть специальные работы³⁹. Есть учебники и учебные пособия и даже научно-популярные книги со специальными разделами, в которых разбираются логические законы, логическое построение текста и анализируются типичные логические ошибки, иногда дается свод основных логических ошибок⁴⁰. Но полной и строгой классификации логических ошибок с точки зрения литературного редактора нет.

Должен ли литературный редактор быть логиком и использовать в своей работе логическую терминологию? Наверяд ли. Он может и, наверное, должен знать, что существуют четыре логических закона: закон *противоречия*, закон *исключенного третьего*, закон *тождества* и закон *достаточного основания*, и понимать, когда они нарушаются. Но объяснять автору, что он нарушил закон исключенного третьего да еще в логических терминах – это пустое занятие: автор обязан быть логичным, но он не обязан знать теорию логики.

Логика – наука древняя. Ее основания разработаны еще в античную эпоху. Старая латинская терминология до сих пор находит место в словарях. И некоторые из латинских терминов, обозначающих логические ошибки, неплохо знать. Вот некоторые из них с переводами и объяснениями:

Non liquet – «неясно». По происхождению это формула римского судопроизводства. Судьи, голосуя приговор, выражали одно из трех мнений: оправдываю, осуждаю и неясно (то есть воздерживаюсь).

Qui pro quo – «одно вместо другого». Смешение понятий, путаница, недоразумение.

Contradictio in adjecto – «противоречие в определении». Например, сухая влага. Внутреннее противоречие, противопоставляемое внешнему противоречию – **contradictio in subjecto** – «противоречию в предмете».

Post hoc, ergo propter hoc – «после этого – значит по причине этого». Временная последовательность событий принимается за причинную зависимость.

Idem per idem – «то же посредством того же». Доказательство какого-либо положения посредством самого этого положения.

Petitio principii – «предвосхищение оснований». Аргумент, основанный на выводе из положения, которое само требует доказательства.

Circulus vitiosus – «порочный круг». Приведение в качестве доказательства того, что еще само нуждается в доказательстве.

Ignotum per ignotius – «неизвестное через более неизвестное».

Consequentia non valet – «вывод не имеет силы». Из правильных посылок делается вывод, который из них не вытекает.

В публицистике все виды этих ошибок встречаются. Кроме того, многие публицисты страдают логической болезнью делать выводы на основе нескольких эффектных фактов. Это самый простой и самый распространенный паралогизм. Вот как он высмеян в газетной статье «Вегетарианцы против мясоедов»:

«Полемика «хищников» и «травоядных» стара как мир и, в общем-то, столь же абсурдна.

– Мы, вегетарианцы, поголовно гуманисты и пацифисты. С нами Пифагор, Плутарх, Сенека, Вольтер, Лев Толстой, Бернард Шоу, Пол Маккартни...

– А как быть с видным «гуманистом» Адольфом Гитлером – ведь он тоже был вегетарианцем?

– Коренное население Южной Америки не ест мяса.

– А вот масаи, также проживающие в Африке, после 14 лет бросают есть растительную пищу и питаются одним молоком да мясом.

– А вот Лев Толстой в 67 лет научился ездить на велосипеде, а в 70 – прекрасно катался на коньках, в 82 – стал «качаться».

– А вот известный полярник Фритьеф Нансен всю полярную ночь питался медвежатиной. И дожил до глубокой старости...

Короче говоря, недостатка в фактах как за вегетарианство, так и против него не ощущается. Все дело в их грамотном подборе. Если вы подбираете их «правильно» – вы вегетарианец. Если нет – то закоренелый «мясоед!»⁴¹

Публицист, работающий с фактами, должен уметь с ними обращаться.

Задание 5. Вам предлагается логическая шутка, в которой логический обман доведен до абсурда. Постарайтесь определить детально. В чем логическая несостоятельность этих выкладок? Сколько здесь логических ошибок?

«Сколько дней в году мы работаем?

Будем вычитать из 365 дней те, которые мы не работаем. Останутся рабочие дни.

- 1) 8 часов в день – сон. Это 122 дня ежегодно: $365 - 122 = 243$.
- 2) 8 часов в день – нерабочее время. Это тоже 122 дня ежегодно: $243 - 122 = 121$.
- 3) В году 52 воскресенья и 52 субботы. Итого 104 выходных дня: $121 - 104 = 17$.
- 4) В году 8 официальных праздников: $17 - 8 = 9$.
- 5) Отпуск 24 дня: $9 - 24 = -15$ »

2. Логики выделяют три причины логических ошибок: 1) психические нарушения, 2) сокращенное умозаключение и 3) плохое владение языком⁴². Первые две причины порождают ошибки в умозаключениях, а третья – ошибки в речи, ведущие к нарушениям логики. Иначе говоря, логические ошибки можно разделить на два класса:

- 1) ошибки собственно логические, ошибки мышления, ошибки плана содержания;
- 2) ошибки речи, ошибки плана выражения, вторичные логические ошибки.

До сих пор речь шла о первичных логических ошибках, теперь речь пойдет о речевых ошибках, порождающих логические ошибки. Можно считать их переходным, промежуточным типом ошибок – одновременно и речевыми и логическими.

Речевые логические ошибки могут быть двух типов: лексические и синтаксические.

2.1. Лексические ошибки будут подробно рассмотрены в разделе «Нормативно-языковые ошибки». Здесь же нужно сказать только то, что они возникают по двум причинам: или из-за незнания значения слова, или из-за небрежного словоупотребления. Но в любом случае они создают некую логическую неувязку, часто комического свойства: «Он облокотился спиной на холодную батарею» (В. Катаев). Облокотиться можно только локтем, а спиной прислониться. Типичный пример смещения словосочетаний – ошибка по небрежности, по невнимательности, а не по незнанию. В результате на спине вырос локоть.

Небрежность, приблизительность словоупотребления – частое явление в газете. Оно распространяется и на газетную метафору. Статья о бытовых кондиционерах была названа – «Фабрика свежего воздуха». Фабрика – это целое предприятие, а кондиционер помещается за окном: сопоставление несоразмерно, а поэтому нелогично. Вообще нужно заметить, что метафора поддается логической оценке, в том числе и сочетание метафор. Есть старый термин – «ломаная метафора», обозначающий логическую несочетаемость двух метафор: «Пусть акулы империализма не протягивают к нам свои лапы». (Из газет 20-х годов).

2.2. К логическим дефектам речи следует отнести и *речевые излишества на основе плеоназма*. Многие из них выглядят безобидно: самый лучший, толпа людей, сжатый кулак, идти пешком, в общем и целом и т.д. И не так-то просто доказать иному автору необходимость редактирования таких словосочетаний. Но возможен и комический эффект, понятный любому: «Он был в берете, напыленном на правое ухо головы» (газета), «Приемный пункт по приему стеклотары» (вывеска).

Особый тип плеоназма связан с неточным знанием значения иноязычного слова. Это уже несомненные ошибки – и грубые: своя автобиография (авто и есть своя), памятный сувенир (сувенир – подарок на память), период времени (период – промежуток времени), преysкурант цен (преysкурант – текущая цена) и т.п. Хотя есть и узаконенные ошибки: пойти ва-банк от французского *va banque* – идет банк (из речи картежников).

Задание 6. Список общеупотребительных плеонастических выражений огромен. Среди них есть вполне нейтральные словосочетания, а есть явные ошибки. Какие из них вы считаете ошибками?

– нижнее белье, верхняя одежда, полное право, отличительная особенность, любимое увлечение, численной меньшинство, огромная масса людей, огромное множество, военная оккупация, огромная махина, глубокая бездна, серьезное ЧП, народный фольклор, курносый нос, легкое облегчение, сегодняшний день;

– коллега по профессии, экспонаты выставки, квартал домов, хронометраж времени, час времени;

– приятно порадовать, отступить назад, пропасть даром, собрать вместе, зримо видеть, бежать бегом, окружить со всех сторон, опубликовать в печати, простаивать без дела, демобилизоваться из армии;

– дефекты и изъяны, просчеты и ошибки, цели и задачи, надежды и чаяния, целиком и полностью, сплошь и рядом, четко и внятно, основная и главная мысль.

2.3. Но, пожалуй, самой грубой лексической логической ошибкой является, так называемый, *логический скачок*. Пример из литературоведческой статьи: «Сложный и оригинальный внутренний облик Катерины нашел свое отражение в ее языке, самом ярком среди всех действующих лиц «Грозы». Язык оказался среди действующих лиц: автор соединил понятия из разных логических рядов, это и есть логический скачок, точнее проскок.

Разновидность логического скачка можно считать и неправильное употребление конструкций с предлогами «кроме», «наряду», «вместе», «помимо» и под. Пример – брачное объявление в германской газете (перевод): «Ищу мужа. Я еще молода. Рост высокий, талия тонкая. В хозяйстве кроме того имеется трактор».

Нагромождение логических скачков в одной фразе делает ее неясной. Пример из ученой статьи: «Любой элемент функционального стиля писателя выполняет прежде всего эстетическую функцию, и в силу своей эстетической значимости он обладает разной степенью информативности.» Не поленитесь, прочитайте еще раз, найдите два логических скачка в этом предложении.

2.4. Встречается также ошибка, которую можно назвать *повествовательным алогизмом*. Чаще всего это связано с тем, что повествователь (писатель или журналист) отличается такой небрежностью, что не помнит, что он написал в предыдущей фразе.

«Вдоль строя шел генерал. Под фуражкой блестела на висках проседь, но держался он молодцевато, да и форма – высокая курчавая папаха, плотно облегающая шинель, лампасы – красила, молодила генерала.» (Повесть). Нашли алогизм?

«В лесу было тихо. Рядом пела звонким голосом лирическую песню, перелетая с дерева на дерево, иволга. Где-то далеко куковала невидимая кукушка.» (Газета). Не очень-то тихо было в лесу.

Такая небрежность может привести к нарушению логической последовательности повествования: «Марьино... Здесь 18 января 1943 года, прорвав долговременную полосу противника глубиной 14 километров и форсировав Неву, соединились войска Волховского и

Ленинградского фронтов – кольцо блокады Ленинграда было прорвано». (Газета).

Из этого фрагмента следует, что войска Ленинградского фронта прорвали оборону противника, затем форсировали Неву и соединились в Марьино с войсками Волховского фронта, наступавшими им навстречу. Но Марьино находится на левом берегу Невы... Наши войска сперва форсировали Неву, потом преодолели немецкую оборону. Место встречи двух фронтов было восточнее Марьино. У журналиста во фразе полная неразбериха, которая показывает его профессиональный уровень. По этому поводу можно вспомнить афоризм другого журналиста – Анатолия Аграновского: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает».

2.5. Логическая погрешность текста, которую древние римляне называли *non liquet* – неясно, возникает по двум причинам: из-за недостатка образования и от его избытка.

Объявление: «При наличии денег на пункте АО МММ выплата будет производиться в порядке: Рассмотрение заявлений по смерти состоящих в основной очереди и больных онкологически и сахарным диабетом в соотношении через 5 человек основной очереди. По 1 акции не более 10 человек»⁴³.

Это образец текста на грани патологии. Текст настолько неясен, что без помощи автора не может быть отредактирован. Здесь не только глубочайший пробел в лингвистическом образовании (плохое знание пунктуации, придумывание несуществующих слов – «онкологически»), но и явный дефект мышления, который выражается в неумении логично построить предложение.

К неясности изложения можно прийти и с другой стороны – от ультраучености. Вот два примера из коллекции доктора филологических наук П. Пустовойта⁴⁴.

Из работы о А. П. Чехове: «Умножение и взаимоналожение смысловых планов детали создает динамику все более углубляющегося проникновения в сущность явления; соотнесение, варьирование деталей, обнаруживая связи между явлениями, проясняет закономерности процессов, выражаемых сюжетом произведения».

Из учебника по общему языкознанию: «Мутация бывает двух видов – коммутация и пермутация. Коммутацией называется корреляция в одном плане, которая имеет реляцию к корреляции в другом плане языка; инвариантами являются корреляты с взаимной коммутацией, т.е. мутацией между членами парадигм. Пермутацией называется реляция и сдвиг в цепи, которые имеют соответствие в другом плане языка; вариантами являются корреляты с взаимной субституцией, т.е. отсутствием мутации между членами парадигмы, но наличием ее в цепи».

Эта неясность – от сложности. Авторы не умеют изъясняться просто, они думают, что просто – значит ненаучно. Их научный воляпюк⁴⁵ очень похож на пародию. И вторая цитата не раз звучала в юмористических концертах и передачах.

2.6. И наконец самая распространенная речевая логическая ошибка – *амфиболия* (греч. двусмысленность).

Со школьной скамьи нам всем известна фраза-приговор с пропущенной запятой: казнить нельзя миловать. Это и есть простейший случай амфиболии – речевой двусмысленности. Один смысл: казнить, нельзя миловать; второй смысл: казнить нельзя, миловать. Это искусственные примеры, а вот реальные.

Задание 7.

1. Сколько и каких исправлений нужно внести в это неряшливое газетное объявление, которое некому было подправить?

«Пропал курцхаар. Кобель 3 года (охотнич.), корич., с белым крапом в р-не Московского пр. Крупное вознагра.»

2. Внесите нужные изменения в текст рекламы в метро.

Анонимный кабинет при кожно-венерологической больнице № 6. Обследование на все виды инфекций, передаваемых половым путем на современной американской аппаратуре «Эбботт», в день обращения.

Очень редко двусмысленность возникает на чисто лексической основе, когда неясно, в каком из двух значений употреблено многозначное слово, или в контексте подходят значения двух омонимов. Некогда знаменитый политический журнал назывался «Проблемы мира и социализма», и рядовым гражданам было непонятно, какой мир здесь имеется ввиду – мир – Земля или мир – состояние без войны? Оба омонима были вполне уместны. Или заголовок в газете – «Преданные земле». О чем это? О похоронах? Нет, об отношении крестьян к земле.

Обычно амфиболия порождается синтаксическим несовершенством фразы. Например: По окончании вуза отец подарил мне свою библиотеку. (Кто окончил вуз?) Ассистенту приходилось много объяснять. (Ассистент объяснял или ему объясняли?) Мешки беспрерывно заполняются пенсионерами и женщинами. (Пенсионеров и женщин засовывают в мешки?).

Иногда синтаксическая неряшливость устраняется простой перестановкой слов, как в примерах следующего задания.

Задание 8. Устраните амфиболию, изменяя порядок слов.

- 1) Скорая в тяжелейшем состоянии увезла женщину в больницу.
- 2) Главная редакция программы центрального телевидения для детей.

Сверьтесь с «Ответами».

Разновидностью амфиболии является синтаксическая ошибка, называемая *слабым управлением*. Прочитайте внимательно строку из стихотворения М.Ю. Лермонтова:

«В чугу́н печальный сторож бьет».

Теперь ответьте: кто печальный – чугу́н или сторож? Синтаксис не дает ответа. Настоящее управление ослаблено, и стих можно интерпретировать двояко:

- 1) «В чугу́н печальный / сторож бьет»;
- 2) «В чугу́н / печальный сторож бьет».

Определение «печальный» и синтаксически и семантически может относиться к обоим существительным. Причем, заметьте, эта проблема возникает не у автора: он-то интонировал без сомнений (и наверняка в первом варианте), но он не заметил двусмысленности конструкции, не заметил той трудности, с которой столкнется читатель. Проблема слабого управления возникает у читателя, потому что в тексте нет знаков для правильного интонирования фразы. Автору надо было лишь поставить тире в нужном месте, и со знаком паузы стих для читателя становится однозначным.

Еще несколько типичных примеров на слабое управление. Разберите их сами:

- 1) Приказали им доставить топливо.
- 2) В других работах подобного рода цифровые данные отсутствуют.
- 3) После возвращения рукописи в редакцию поступили новые материалы.

Мастерство пишущего кроме всего прочего заключается также и в том, чтобы уметь поставить себя на место читателя. Или хотя бы быть элементарно внимательным и не допускать синтаксической неряшливости. В низовой печати широко распространены два типа синтаксической неряшливости, порождающие двусмысленность, часто комическую.

Первый – уже упоминавшийся *неправильный порядок слов*:

- 1) Цех № 4 изготовил 700 демисезонных пальто для девочек пяти фасонов.
- 2) В универмаге проводится выставка-распродажа товаров для мужчин весенне-летнего ассортимента.

Второй тип – *неправильное употребление замещающего определения*:

- 1) И пусть на этих километрах ему встретятся хорошие люди, а попутный ветер поможет их преодолеть.
- 2) Эти костюмчики – сотая новинка для детей, производство которых освоено с начала года.

Вспомните, выше приводился пример подобной ошибки у Л. Толстого, когда у Кити появилась третья рука. Но у классиков такие погрешности единичны.

Есть масса безграмотных текстов из той сферы речевой деятельности, которая недостижима для литературного редактора. Это различные рукописные объявления и документы. Там встречаются всевозможные речевые перлы, которые наблюдательные читатели сатирических журналов и газет присылают в редакции для опубликования. Вот несколько примеров без комментариев:

- 1) Объявление в поликлинике: Девятое окно работает в десятом окне.

- 2) Объявление в жэке: Товарищи квартиросъемщики! При заполнении расчетной книжки выделяйте газ.
- 3) Из отчета завмага: Бумага израсходована на обертку покупателя. Прошу списать председателя на сумму 17 рублей.

Задание 9 (итоговое). Определите тип логической ошибки, используя термины, представленные в учебном пособии, объясните ее происхождение и, если можно, исправьте.

1. В результате отравления хлорным газом госпитализированы 16 жителей. (Газета).
2. Кроме прочих титулов Демидов числился и российским посланником во Франции. (Газета).
3. В этом общем каравае есть капли пота Максима, его трудовые мозоли. (Газета).
4. Самым бедным из этой группы действующих лиц является язык Варвары. (Популярная литературоведческая статья).
5. Умелой рукой он быстро разлил по стаканам содержимое бутылки с водкой. (Газета).
6. В противовес паразитическим червям следует подчеркнуть роль дождевых червей в почвообразовательном процессе. (Популярная биологическая статья).
7. В связи с проведением данного мероприятия правительство России обязано выделить мэрии Санкт-Петербурга помещение и сумму в количестве 1,5 миллиона рублей из бюджета мэрии для проведения данного мероприятия.
8. Жеребец Лабелист, на котором выступал Ненов, рожденный на Онуфриевском конном заводе, и его всадник оказались достойными друг друга. (Газета).
9. Голы посыпались, как ньютоньвы яблоки. (Телевидение).
10. Голова у зверя круглая, с выпуклым лбом, с косым разрезом крупных глаз, черным носом, со щеткой жестких усов, с длинным пушистым хвостом. (Популярная биологическая статья).
11. Военно-морской флот Коммунистической партии Советского Союза предан. (Плакат на фасаде Таллинского дома офицеров, 1990 г.).

Следуя традиционному изложению материала в учебниках по литературному редактированию, можно было бы на этом закончить раздел «Логические ошибки». Но настоящее учебное пособие рассчитано не на студентов-филологов, не на студентов-полиграфистов, а на студентов-журналистов, и в этом его основная отличительная особенность.

Почти все существующие учебники по редактированию оперируют текстами информационными, научными, деловыми. Если же в них и даются образцы редактирования экспрессивных текстов, то качество экспрессии обходится стороной. Поэтому в таких учебниках не нужны понятия авторской вольности и авторской глухоты. Но при редактировании публицистики, без

которой нет ни газеты, ни телевидения, ни радио, без этих понятий не обойтись.

Вообще описание экспрессивных речевых приемов можно строить параллельно с описанием речевых ошибок: каждому приему соответствует ошибка, ибо прием в широком понимании есть нарушение речевой нормы. Поэтому появилась необходимость в этом нетрадиционном учебном пособии в конце главы о логических ошибках продемонстрировать основные приемы нарушений законов и правил логики в экспрессивных целях – *стилистические алогизмы*. Дадим их в такой же последовательности, в какой описывались логические ошибки.

3. С некоторыми стилистическими алогизмами вы должны быть знакомы по курсам введения в литературоведение и практической стилистики. Целостного, системного описания этого явления не существует. Есть отдельные противоречивые термины, и часто бывает затруднительно соотнесение конкретного примера с тем или иным названием. Более того, большая часть стилистических алогизмов является приемами остроумия, которыми занимается психология, а у психологов другая терминология⁴⁶.

В учебном пособии предлагается термин «стилистический алогизм» как родовой, обозначающий стилистический, экспрессивный, выразительный прием, основанный на намеренном нарушении логических норм, правил, законов. Как и алогизмы-ошибки, стилистические алогизмы можно разделить на две группы: в одних нарушается логика мышления и реального мира, в других – логика речи. Не только терминов, но и такого деления в науке нет, а оно необходимо. Назовем их условно мыслительными алогизмами и речевыми алогизмами.

Опишем кратко шесть типов мыслительных алогизмов.

Катахреза (*греч.* неправильное употребление) – прием, состоящий в несовместимом сочетании слов, противоречащих друг другу понятиям. Но без контраста. Определение довольно туманно, ибо из него неясно, сколько слов может входить в катахрезу. Обычно катахрезой считают словосочетание, в том числе и короткое предложение.

Катахреза встречается всюду – от бытовой речи до высокой поэзии:

- без году неделя (фразеологизм),
- Эй, на барже! Лом не проплывал?
- «Что? Не слышу без очков!» (В. Маяковский).

В русской речи существует целый ряд катахрез со значением невозможности чего-либо: от жилетки рукава; пальто на рыбьем меху; птичье молоко; когда рак на горе свиснет и т.п.

Катахрезами считаются остранные метафоры: новость с бородой; разуй глаза; сапоги в вмятку; «у меня в душе ни одного седого волоса» (В. Маяковский).

Оксюморон (*греч.* остроумно-глупое) считается самостоятельной стилистической фигурой, но фактически это

разновидность катахрезы. Разница в том, что оксюморон строится на контрасте; это сочетание антонимических слов; «Живой труп» (Л. Толстой), «Оптимистическая трагедия» (В. Вишневский), «Воспоминание о будущем» (документальный кинофильм). Газетчики очень любят оксюморонные заголовки: «В теплом северном краю», «Зима – пора горячая».

Гистерон-протерон (*греч.* последующее-предыдущее).

Приходится пользоваться этим экзотическим полузабытым термином, ибо другого нет. Это прием нарушения временной последовательности событий. По-современному говоря – временная инверсия, событийная инверсия. Это такой редкий прием, что во всех словарях приводится один и тот же пример, такой же давности, как и термин – из Вергилия:

«Умрем и бросимся в бой». Можно прибавить еще два.

Одесская шутка: «Рыбак жене, уходя на рыбалку: «Ты жарь, жарь, бычки будут».

Булат Окуджава: «А уж как стрельба пойдет, Пуля дырочку найдет».

Ошибка с инверсией событий – тоже дело редкое. Газетный пример приводился выше.

На этом кончаются общепринятые термины для обозначения мыслительный алогизмов. Еще для трех типов алогизмов придумаем собственные названия.

Выше была описана ошибка (тоже не имеющая названия), в которой нарушался логический ряд, точнее допускалась путаница двух или более логических рядов. Возможны аналогичные стилистические приемы.

Нелогичное перечисление, хаотичное перечисление. Его очень любил Н.В. Гоголь: «Воле, мешки, сено, цыгане, горшки, бобы, пряники, шапки – все ярко, пестро, беспокойно...»; «Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные; кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал».

Нелогичное противопоставление: «Он приехал бог знает откуда, я тоже здесь живу» (Гоголь, речь Ноздрева); «Все жанры хороши, кроме скучного» (Вольтер). Заметьте, этот прием можно считать и речевым, потому что он строится на неправильном употреблении слов «тоже» и «кроме».

Попутно. Вы заметили, как много примеров из прозы Гоголя? Это не случайно. Стил Гоголя замешан на алогизмах.

В стилистических целях может использоваться и «**порочный круг**».

Пример – разговор пассажира с машинистом:

- Почему не едим?
- Потому что стоим.
- Почему стоим?
- Потому что не едем.

Огромный арсенал стилистических алогизмов не входит в шесть описанных типов. Для них остается общий, родовой термин. Надо сказать, что алогизмы в русской речи используются в экспрессивных целях так часто, что это явление следует считать национальной особенностью. Кто сомневается, пусть почитает любой сборник русских пословиц и поговорок. Да и примеров, приведенных в этом учебном пособии, немало. Немало и развернутых стилистических алогизмов: была у собаки хата, дождь пошел – она сгорела; ничего, что дом сгорел, зато клопы подошли.

Можно встретить и такие изоощренные, остраненные алогизмы, которые с первого раза трудно понять: Брось, а то уронишь; Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем устал; Быть было ненастью, так дождь помешал; В декабре светает поздно, да смеркается рано.

Не являются стилистическими алогизмами два речевых явления, похожие на них.

Первое – детские речевые ошибки вроде: «Петя, отгадай: как тетю Галю зовут?» Мы ими восхищаемся и добродушно приравниваем к стилистическим фигурам.

Второе – парадокс (*греч.* неожиданный, странный). Это суждение, противоречащее здравому смыслу. Но только на первый взгляд. Парадокс – это псевдоалогизм, прием афористики. Эффект парадокса строится на преодолении кажущегося алогизма. Причем преодоление это занимает у читателя (слушателя) минимальное время и соответственно требует минимальной остановки при восприятии парадокса в потоке речи.

Поразмыслите над примерами: Битая посуда два века живет; Тише едешь – дальше будешь; Лучшая новость – это отсутствие новостей (английская пословица); Дешевые дороги – это дорогие дороги (афоризм); Ничего не делать – очень тяжкий труд (О. Уайльд); Мы потерпели победу (газетный заголовок).

Надо иметь в виду, что обилие парадоксов в тексте затрудняет его понимание. Нельзя пересаливать. Саше Черному принадлежит такая шутка: «Один парадокс – недурно, два – плохо, а за третий нужно ноги ломать».

До сих пор речь шла об алогизмах мыслительных, в которых нарушаются нормы, правила мышления, свойства реального мира. Теперь – об *алогизмах речевых*, в которых нарушаются речевые нормы. Их меньше, и возможности их беднее. Один прием уже был описан – нелогичное противопоставление. Еще три.

Стилистический плеоназм, стилистическая тавтология: «В глазах огонь угаснувших очей» (П. Вяземский); «Раздери тебя на две части пополам» (И. Ильф). Есть даже редкий пример двуязычного плеоназма: такова се ля ви (бытовая шутка).

Стилистическая амфиболия. Используется с античных времен.

Античный анекдот: «Отец провожал сына на войну. Сын обещал ему вернуться с головой врага. Отец сказал: «Но даже если ты и без головы вернешься, все равно я буду рад».

Синтаксическая конвергенция. Самый распространенный речевой алогизм, в котором одно слово управляет двумя синтаксическими конструкциями, разнородными по смыслу. Прием, близкий к нарушению логического ряда:

– Шли двое студентов: один в пальто, другой в университет (старая шутка);

– «Тов. Насекомый был человек с толстой спиной и неплохой сцепщик вагонов» (М. Кольцов);

– «Я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его матери на выпускном вечере» (Ф. Искандер).

Часть IV.

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ

1. НОРМАТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ

1.1. Орфографические ошибки

1.2. Пунктуационные ошибки

1.3. Лексико-семантические ошибки

1.4. Грамматические ошибки

1.5. Фразеологические ошибки

1.6. Редакторский комментарий к теории языковой нормы

1.7. Авторская речевая вольность

2. НОРМАТИВНО-СТИЛЕВЫЕ ОШИБКИ

2.1. Внутрителивные ошибки

2.2. Межстилевые ошибки

3. НОРМАТИВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

3.1. Фонетические ошибки

3.2. Лексические ошибки

Как уже было сказано в I главе, речевые ошибки – это ошибки в коде, ошибки плана выражения. Редко, но такая ошибка может внести искажение и в план содержания, то есть стать фактической ошибкой.

В современной науке нет терминологического названия речевой ошибки, но когда-то оно было. Это хорошо известное слово «ляпсус», пришедшее в русский язык из ученой латыни – *lapsus*. Но в русском языке произошел сдвиг значения слова: ляпсусом стали называть не просто речевую ошибку, а грубую ошибку. В профессиональной среде «ляпсус» укоротился в просторечный «ляп».

Для любознательных: *lapsus* происходит от *labor* – работа, труд. Отсюда же – лаборатория, лейборист. Мораль: ошибается только тот, кто работает.

Речевые ошибки делятся на две неравноценные и неравнообъемные группы: нормативные ошибки и обыкновенные опечатки, о которых тоже нужно сказать несколько слов.

А. Опечатки

Опечатки не имеют отношения к языковой грамотности. Опечатки – это результат невнимательности или небрежности производителей текста: автора, машинистки, наборщика, корректора. Типология опечаток – замещения, пропуски, перестановки букв, слов, строк и т.п. – для литературного редактирования не представляет интереса, потому что механизм опечаток не лингвистический, а психологический. В устной

реализации текста опечаткам соответствуют разного рода обмолвки⁴⁷.

Опечатки – *механические ошибки*. Они легко распознаются, ибо уродуют слово. Но все-таки есть два типа опечаток, порождающих лингвистические проблемы.

Первый тип – опечатки, маскирующиеся под орфографические ошибки. Они создают трудности для учителя – трудности оценки грамотности ученика.

Второй тип – опечатки, превращающие одно слово в другое. Они создают трудности в понимании текста. Особенность опечаток в том, что их исправление не требует особой подготовки – их может исправить любой читатель. Опечатки как тип ошибок в научной и методической литературе не выделяются. Их считают ошибками орфографическими, пунктуационными, стилистическими и т.д. Иначе: класс ошибок по невниманию загоняют в класс ошибок по незнанию. Школьные учителя делают именно так. Это чисто формальный подход к ошибкам учеников. Причина такого формализма понятна: часто бывает трудно определить, почему допущена ошибка в школьном сочинении. То ли это досадная ошибка, то ли это элементарная орфографическая или какая-либо другая ошибка. В издательском деле трудности с выделением опечаток не следует преувеличивать.

Такой пример. В начале первой книги романа А. Чаковского «Блокада» есть фраза: «Он снял трубку телефона и, набрав на диске три номера, сказал...» очевидно, что персонаж набрал один номер из трех цифр и что автор различает слова «цифра» и «номер». То, что это ошибка на невнимание подтверждается аналогичной фразой в конце той же книги: «Он медленно набрал четыре цифры на диске». Ошибку эту должен был заметить и исправить редактор.

Еще несколько примеров опечаток из подборок журнала «Крокодил», опубликованных в 1983 году (читатели прислали). Найдите их и объясните сами.

«Восемь квалифицированных строителей, шестнадцать пар умелых, рабочих рук – хорошее подспорье...» (Газета «Маяк Арктики»).

«720 миллионов человек живет сегодня во Львове. 10 тысяч квадратных метров – таков жилой фонд города». («Строительная газета»).

«Воспитанный переход терпеливо ждет красного сигнала и затем чинно ступает на проезжую часть». (Газета «Советская Мордовия»).

«Колхоз имеет 17 тысяч овцематок, от которых ежедневно получает 35 тысяч племенных ягнят». (Газета «Знамя труда»).

«Вещи, обработанные антимолевым препаратом, в течение шести месяцев боятся моли». (Газета «Советское Причулымье»).

Ошибки такого рода – хороший материал для психологического анализа.

Совершенно естественно, что некоторые опечатки могут порождать вторичные, смысловые ошибки. Цифровая опечатка

сразу становится фактической ошибкой. Даже пропуск наборщиком одной буквы в слове может привести к смысловому сдвигу. Увидите ли вы такую, хорошо замаскированную опечатку в рекомендованной для вас книге А. Западова «От рукописи к печатной странице» (С. 194): «...Заводы потребители в тоже время бывают и поставщиками. Нарушения взаимных контактов, ссоры покупателей с продавцами при частой смене ролей ни к чему хорошему для них не приводят». Заменили опечатку? «Взаимные контакты» здесь ни при чем. У автора в рукописи были «взаимные контракты».

Существуют закономерности таких мелких опечаток. С точки зрения читателя и корректора:

- легче замечается замена буквы, чем ее пропуск,
- легче замечается замена или пропуск букв большой высоты (**р, ф, у**), чем низкой (**о, л, м**)⁴⁸.

Опечатка – мелкий профессиональный огрех – не более. Но в советское время за опечатку можно было поплатиться свободой. Были такие специфические опечатки, которые знали наизусть все корректоры и редакторы и истории вокруг которых служили профессиональным фольклором. Например, пропуск буквы «**р**» в слове «*Ленинград*», пропуск буквы «**л**» в слове «*главнокомандующий*».

В «Ленинградской правде» за 16 января 1938 года было опубликовано письмо читателя:

«В заметке одного из январских номеров «Сталинской правды» «выпали» две буквы. Эта «опечатка» исказила весь смысл заметки, придав ей явно контрреволюционный характер.

Трудно поверить, что эта опечатка появилась «по невнимательности наборщика» или «по недосмотру корректора», ибо подобные столь «досадные опечатки» имели место и ранее на страницах «Сталинской правды».

Точно ли уверен Волховский РК ВКП(б), что в газете и типографии не орудует вражеская рука?»

В районной печати всегда остро стояла проблема квалифицированных кадров. После такого доноса эта проблема в «Сталинской правде», видимо, стала катастрофической.

Задание 10. Найдите в трех фрагментах газетных текстов опечатки. Желательно, с первого чтения. Для несообразительных есть «Ответы...» в конце учебного пособия.

1. «10 мая 1921 года «Полтава» вместе с другими кораблями, находившимися у острова Готланд, попала в шторм, потеряв мачты... Работы затянулись, что вызвало беспокойство Петра I...»

2. «В канадский порт Галифакс на днях вошло судно «Сага Зиглар»... точная копия старинных лодок викингов... На таких судах, как полагают, тысячу лет назад викинги совершали смелые трансатлантические плавания».

3. «На прилавках и стендах внушительный по своему многообразию набор товаров – от современных компьютеров,

только что доставленных из Нью-Йорка, до элегантных женских бра и сумочек известных итальянских дизайнеров».

Б. Нормативные ошибки

Нормативные ошибки включают в себя различные нарушения норм речи. Этот тип ошибок дает, наверное, не менее 90% всех текстовых ошибок, поэтому будет классифицирован более подробно. Материал этот хорошо знаком по курсам русского языка и практической стилистики. Новым будет только подход.

Во-первых, вводится новый термин «*нормы речи*» («речевые нормы»), который объединяет известные вам понятия: из русского языка – языковой нормы и из стилистики – стилевой нормы. Во-вторых, в этом учебном пособии будет предложена и рассмотрена *третья норма речи – эстетическая*⁴⁹.

Соответственно трем нормам речи выделяются и три типа нормативных ошибок: 1) нормативно-языковые, 2) нормативно-стилевые, 3) нормативно-эстетические.

Кроме того, и это в-третьих, нормативные ошибки могут быть очень разными по своему весу, по своей неправильности. Эту разницу и в практических и в учебных, целях полезно градуировать, выделив четыре степени ошибок:

1) *индивидуальные ошибки* – редкие, поэтому грубые ошибки, которые допускаются немногими; это непростительные ошибки, безоговорочно осуждаемые редакторами;

2) *регулярные ошибки* – нередкие, поэтому негрубые ошибки, которые допускаются многими и встречаются довольно часто; это простительные ошибки, неоднозначно оцениваемые редакторами (то ли ошибка, то ли погрешность; то ли исправлять, то ли оставить);

3) *массовые ошибки*, которые допускаются почти всеми и которые уже не осознаются ошибками; это победившие ошибки, с которыми, как правило, но не всегда, невозможно бороться;

4) *узаконенные ошибки*, то есть массовые ошибки, признанные нормализаторами языка и подаваемые в словарях и грамматиках как норма. Они ошибки только исторически и, естественно, *не редактируются*.

1. НОРМАТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ

Нормативно-языковые ошибки – это, как было сказано, нарушения языковых норм, точнее норм литературного языка, поэтому и нормы иногда называются литературными.

Разновидностей, типов нормативно-языковых ошибок семь: а) орфографические, б) пунктуационные, в) лексико-семантические, г) грамматические (морфологические и синтаксические), д) фразеологические (структурные и семантические).

1.1. Орфографические ошибки

Вы изучали орфографию, по крайней мере, 13 лет, поэтому добавить можно немного.

Орфография – самая нормированная сторона языка. Правила орфографии – самые строгие нормы речи, своего рода, ГОСТы – Государственные стандарты, обязательные для всех. Вспомните пометы орфоэпических словарей: допустимое, разговорное, устаревающее и т.п. А сколько равноправных вариантов произношения? Ничего этого как будто нет в орфографическом словаре – только правильные варианты, все остальное – безграмотность.

Но это не совсем так: и в орфографическом словаре есть варианты, о которых многие и не подозревают. Просто их гораздо меньше, чем в орфоэпическом. На 104 тысячи слов орфографического словаря приблизительно 800 имеют двойное написание. В основном это специальная лексика иностранного происхождения, вроде: «висмутит» и «бисмутит» (минерал).

Рекомендованное вам в III главе слово «воляпюк» в орфографическом словаре имеет другое написание – «волапюк». Написание через «я» дает словарь иностранных слов. И этот нюанс редактор должен знать.

Вот несколько известных (нередких) слов с двойным написанием: *бескрайний – бескрайный, будничный – буднишний, вольер – вольера, козырной – козырный, кринка – кринка, матрац – матрац, ноль – ноль*.

Вопрос на засыпку: в какой газете допущена орфографическая ошибка?

«Известия»: «Неродившийся еще ребенок уже обещан одной лисабонской семье».

«Ленинградская правда»: «В лиссабонском дворце спорта состоялся массовый митинг».

Вроде бы правильный второй вариант, потому что на географических картах везде – Лиссабон. Но лучше навести справку. Где? Где лично вы будете наводить такую справку? Можно посмотреть в Энциклопедический словарь, хотя это и не авторитет для орфографии. Там только первый вариант – Лисабон. Проще всего и лучше всего обратиться к «Словарю ударений для работников радио и телевидения», посмотреть его вторую часть – «Имена собственные». Там вы увидите такую рекомендацию: Лиссабон (Лисабон). Вот теперь можно ответить на вопрос: обе газеты правы. Кстати, написанные с одним «с» ближе к португальской орфографии – Lisboa. И все это надо знать редактору.

Орфографический разнобой обычно отражает сложную историю слова. Чем отличается шпаклевка от шпатлевки? В словаре Ожегова приводится только первое слово, в 4-томном оба: шпатлевка – то же, что шпаклевка. И орфографический словарь дает два слова.

Разберемся. У слова «шпаклевка» два значения: замазка и замазывание, а производится шпаклевание лопаточкой, которая называется немецким словом «шпатель». Теперь ясно, что *первоначальная форма слова была «шпатлевка»*. А новая форма по происхождению ошибка. Причина ошибки – ложная этимология: *шпаклевать – затыкать паклей*. Но затыкать паклей в

русском языке называется «конопатить» (от «конопля»: см. «Этимологический словарь»).

Квалифицированный литературный редактор знает даже историю правописания некоторых слов, если эта история непростая и показательная. Например, название обезьяны «орангутан».

Оно пришло в европейские языки из малайского, где означает «лесной человек». Попав в русский язык в XIX веке, оно сразу получило окончательное «г» по аналогии с первой частью слова – «орангутанг». И эта орфографическая и произносительная ошибка была узаконена. Затем появилось дефисное написание слова, наверное, потому, что из-за двух «г» очень сильно ощущалась двусоставность слова. Орфографический словарь 1885 года дает двойную норму: «орангутанг (и орангутанг)». В словаре 1936 года остается только второй, дефисный вариант – узаконено второе изменение. А в последних изданиях орфографического словаря зафиксирован отказ от дефиса и наметился отказ от второго «г»: «орангутан (и орангутанг)». Надо ожидать, что в ближайших изданиях (начала XXI века) победит правильное написание этого слова, соответствующее его этимологии. И на все это уйдет около 130 лет.

Случай, который был продемонстрирован, очень сложный. А в общем-то орфографические ошибки в полиграфических изданиях встречаются редко. Наибольшее их количество найдем в низовой печати. Правда, есть одно исключение – массовая орфографическая ошибка: написание слова «*мэтр*» (учитель) через «э», хотя все словари дают «метр» через «е». Это стихийное изменение орфографии очень умное: оно разводит графику двух совершенно разных слов, существующих в одном обличье: «метр» (единица измерения) и «метр» (учитель). Орфографическим словарям нужно узаконить стихийную орфографическую норму. И еще одна незаконная подвижка в русской орфографии. Она возникла после развала СССР. В 1992 году эстонский парламент принял решение писать название своей столицы по-русски с двумя «н» на конце – Таллинн (как и по-эстонски – Tallinn). В России никто не удивился, никто не возмутился. Более того, новое написание быстро приняли, особенно на телевидении. Затем русскую орфографию поправили в независимом Казахстане: Алма-Ата превратились в Алма-ты. Так же Киргизия превратилась в Кыргызстан, а Белоруссия в Беларусь. Исправление русской орфографии происходило через информационные агентства так:

Был Ашхабад, стал Ашгабат

Ашгабат – так пишется и произносится теперь название столицы Туркменистана.

Президиум Верховного Совета республики принял постановление об упорядочении написания на русском языке наименований областей, районов и городов с сохранением туркменской транскрипции в соответствии с требованием закона Туркместана «о языке».

ИТАР – ТАСС («Известия», 6 мая 1992 г.)

Самое странное, что молчала Российская академия наук – Институт русского языка, который и занимается кодификацией русского языка, в том числе русской орфографии. Это то же самое, как если бы государственная дума России приняла постановление: английское написание Moscow, немецкое Moskau, французское Moscou отменить, всем писать Moskwa. От скандала Европу спасло бы только хорошее чувство юмора.

В России государственные органы три года не замечали смехотворной ситуации. Национальное самолюбие первым проснулось у того же телевидения: НТВ отказалось подчиниться эстонскому парламенту и перешло на прежнюю орфографию: в титрах прогноза погоды появился Таллин – с одним «н» на конце. И наконец в 1995 году орфографическая проблема была исчерпана правительственным постановлением. Приведем его полностью:

«Правительство РФ упорядочило использование названий иностранных государств – республик бывшего СССР и их столиц в соответствии с традициями и нормами русского языка. Вопрос был также рассмотрен и одобрен президентом РФ.

Отвергая возможные упреки в адрес правительства по поводу каких-либо скрытых политических мотивов, следует заметить, что новые (одновременно являющиеся не очень хорошо забытыми старыми) названия легко и привычно произносить по-русски, и они соответствуют исторической традиции.

Итак, отныне названия государств, бывших в прошлом республиками СССР, и их столиц будут звучать, в том числе и в официальной документации, следующим образом:

Название государства, полная форма*	Название государства, краткая форма*	Название столиц
Азербайджанская Республика	Азербайджан	Баку
Республика Армения	Армения	Ереван
Республика Белоруссия	Белоруссия	Минск
Республика Грузия	Грузия	Тбилиси
Республика Казахстан	Казахстан	Алма-Ата
Киргизская Республика	Киргизия	Бишкек
Латвийская Республика	Латвия	Рига
Литовская Республика	Литва	Вильнюс
Республика Молдова	Молдавия	Кишинев
Республика Таджикистан	Таджикистан	Душанбе
Туркменистан	Туркмения	Ашхабад
Республика Узбекистан	Узбекистан	Ташкент
Украина	Украина	Киев
Эстонская Республика	Эстония	Таллин

*Полные и краткие формы названий государств равнозначны⁵⁰.

И последнее. С появлением компьютерных программ контроля за правильным написанием слов орфографические пробелы перестают мучить даже бывших двоечников.

1.2. Пунктуационные ошибки

Правила расстановки знаков препинания менее строгие, чем орфографические. Здесь больше вариантов⁵¹, больше выбора, особенно в экспрессивных текстах. Даже возможны индивидуальные особенности в расстановке знаков препинания. Вспомним хотя бы известное пристрастие М. Горького к тире.

Вообще тире в наше время превратилось в агрессивный знак, вытесняющий другие знаки, прежде всего двоеточие, частота которого уменьшилась. Редко встречается в современной печати и точка с запятой. Вместо точки с запятой авторы предпочитают ставить просто точку и, тем самым, делить длинное предложение на два коротких. В этом отражается особенность газетного синтаксиса.

Индивидуальные знаки препинания встречаются не только в художественной литературе, но и в публицистике. У Анатолия Аграновского таким любимым знаком было двоеточие. Два коротких примера из очерка «Обтекатели»:

– «Место происшествия: авиаремонтный завод»;

– «Капаницына... лишили звания. Его и еще одного: алкоголика».

В обоих случаях на месте двоеточия по правилам необходимо тире. Что делать редактору? Очень непростая ситуация. Ее нельзя решать формально, ибо ситуация эта не в информационном тексте, а в художественно-публицистическом.

Если же мы перейдем к поэзии, то пунктуационные проблемы возрастут неизмеримо и надо будет признать, что, во-первых, расстановка знаков препинания в стихотворных произведениях наполовину субъективна, а во-вторых, многие поэты просто не в ладах с пунктуацией и полагаются на грамотность редактора. Рекордсменом среди них, пожалуй, является Джордж Байрон. Литературоведы часто цитируют его признание: «Я знаю, что такое запятая, но не знаю, куда ее ставить». За него это делала его кузина. В некоторых стихотворениях Байрона нет ни одной запятой. Из русских поэтов можно указать высокообразованного Федора Тютчева. Одновременные небрежность и оригинальность его пунктуации испортили много нервов его издателям⁵². Отклонения поэтической пунктуации от нормативной – это не каприз поэтов, а объективная особенность поэзии. И поэтому работа редактора с поэтом над изданием его стихотворений даже с точки зрения только знаков препинания превращается в серьезный экзамен профессиональной компетенции редактора.

В истории мировой поэзии есть случаи полного отказа поэтов от знаков препинания. Советскими редакторами это пересекалось безжалостно. Андрей Вознесенский вспомнил об этом недавно в газетном интервью: «...Стихи без запятых – это в застойные времена

было пострашнее, чем стихи против Советской власти...»
(Комсомольская правда. 24 ноября 1994 г.).

Задание 11. В знаменитом стихотворении О. Мандельштама, написанном в 1933 году, отметьте все случаи несовпадения авторской пунктуации с общими правилами.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы как черви жирны,
И слова как пудовые гири верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз, –
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

Попутно. И среди журналистов встречаются страдающие байроновской болезнью и высокомерно считающие, что для расстановки запятых есть корректоры.

Пунктуационная система русского языка более гибкая, чем система орфографическая. Поэтому она более открыта для стихийных процессов, не сдерживаемых официальными правилами. И редактор должен хорошо знать эти процессы. Продемонстрируем два из них, может быть, самых малозаметных.

Первый процесс – уменьшение количества закавыченных слов в газете. Кавычки, этот малозаметный знак препинания, был, между тем, самым любимым, самым агрессивным знаком препинания в советской печати. И в печати фашистской Германии тоже. Этот знак тоталитарной прессы. О нем есть небольшая научная литература⁵³.

Посмотрите еще раз в разделе об опечатках текст письма читателя с доносом на районную газету. Пять закавыченных слов и словосочетаний в четырех предложениях! Подумайте самостоятельно: о чем сигнализируют эти знаки? Зачем читатель их употребил?

Кроме своей прямой задачи – выделения цитат, чужих слов – *кавычки выполняли также очень специфическую функцию подстраховки автора текста: как бы меня не поняли превратно, как бы чего не вышло.* Закавычивались газетные метафоры: «второй хлеб», «королева полей». Вдруг читатель поймет буквально? Закавычивалось ироническое словоупотребление: «солидная» газета, новая «конституция». Вдруг читатель не поймет иронии? Закавычивались разговорно-просторечные слова: «заколачивать» деньги, «подкинуть» идею. Вдруг читатель подумает, что это слова из моего лексикона? Особенно тщательно закавычивалась идеологически чужая лексика: «холодная война», «советская

угроза», «права человека», «инакомыслие». Лингвисты усматривали в кавычкомании некоторую стилистическую ущербность советской газеты, но журналисты-практики этого в упор не видели.

Рухнула советская идеология, и кавычки незаметно исчезли со страниц обновленных газет. Следы старой болезни можно встретить у журналистов старшего поколения. Молодежь от нее свободна.

Второй процесс – стихийная попытка изменить правописание русских буквенных аббревиатур на западный манер: ставить в сокращениях после заглавных букв точки: театр-студия А.К.Т., фирма Т.А.К.Т., А.О. Наблюдаются колебания: на телеэкране – студия О.С.П., в телепрограмме – ОСП; на телеэкране – программа V.I.P., в телепрограмме – VIP. Примеров немного, но они показательны. Процесс пошел.

В «Словаре сокращений русского языка» 1983 года издания 17 700 сокращений, из них всего две аббревиатуры из заглавных букв, которые пишутся с точками: Ф.И.О. – фамилия, имя, отчество и В.О. – Васильевский остров. Уточним: встречается вариант ФИО без точек. Кроме того есть еще одна петербургская аббревиатура, не попавшая в словарь: П.С. (Петроградская сторона). Все, больше русских точечных аббревиатур нет.

Но они были в конце XIX века. Первые русские буквенные аббревиатуры писались с точками. Бесточечные написания появились чуть позже, но победили только в 1920-х годах. Новая аббревиатура Р.С.Ф.С.Р. поначалу писалась с точками.

Новая мода на точечные аббревиатуры как будто бы возврат к старому, но это не так. Новое написание – это влияние на русский язык английского языка, в котором сокращения из заглавных букв могут быть и с точками и без точек.

Если вы думаете, что разница между типами написания аббревиатур чисто формальная, то вы, как говорится, глубоко ошибаетесь. *Разница принципиальная, разница в произношении таких сокращений.* Английские буквенные аббревиатуры произносятся по буквам: U.S.A. (ю-эс-эй), С.N.N. (си-эн-эн), О.К. (о-кей). Подобные русские сокращения произносятся совсем иначе. Если сокращение состоит из одних согласных букв, то оно произносится, как и в английском – по буквам: БДТ (бэ-дэ-тэ), если же среди букв хотя бы одна гласная, то произношение меняется: аббревиатуры читаются как обычные слова: СКА (ска), ТАСС (тасс), НЭП (нэп), МХАТ (мхат), СМИ (сми). Поэтому русская аббревиатура может превратиться в обычное слово: вуз, мид, врио. Даже расшифровка аббревиатуры может быть забыта. Расшифруйте: дот, дзот, загс.

Таким образом, разделение точками заглавных букв в русских аббревиатурах на английско-американский манер – это, во-первых, безграмотно, во-вторых, неуважение своего языка, в-третьих, нарушение законов русского языка. И, в-четвертых, редактор должен безжалостно исправлять такие вольности.

1.3. Лексико-семантические ошибки

Лексико-семантические ошибки возникают от неточного знания значения слова, а иногда и от совершенно ложного знания и

изредка от невнимательности. Обычно такие ошибки допускаются в словах из периферийной зоны словарного запаса человека.

Общее количество слов в русском языке никем не подсчитано. Наверное, оно близко к миллиону. В новом Академическом словаре русского литературного языка будет около 200 тысяч слов. А. Пушкин за годы своего творчества употребил 21 200 слов. А. Блоку для написания цикла «Стихов о Прекрасной Даме» понадобилось 2500 слов. Сколько слов в вашем словаре? Имеется в виду активный запас слов – слова, которые вы употребляете. По некоторым оценкам лингвистов словарь человека с высшим образованием имеет объем порядка 10 тысяч слов. Это количественная сторона словаря. Теперь качественная.

Значения почти всех слов, которые мы знаем, находятся в зоне подсознания. Любая попытка дать рациональное определение тому или иному слову, превращается в непосильную задачу. Не верите? Тогда определите простое слово «стол», переведите его значение, которым вы пользуетесь без всяких затруднений, в сферу сознания. Попробовали? Получается что-то длинное и смешное. Теперь посмотрите в толковый словарь, прочитайте статью на это слово. У него, оказывается, не одно, а шесть значений. А вы, пользуясь безошибочно словом, и не подозревали об этом. А еще в словаре приводятся фразеологизмы со словом «стол». А еще есть и вообще другое, второе слово «стол» – историзм со значением «престол».

Так что ошибиться в значении слова, особенно нового, или старого, или специального, или редкого не так уж и трудно.

Остановимся сперва на механизмах возникновения лексико-семантических ошибок. Основных механизмов всего два: *ложная синонимия и ложная этимология.*

Ложная синонимия: человек не знает точного значения слова и приравнивает его к значению другого слова, считая его синонимом первого.

«Магазин быстро завоевал **авторитет** среди населения». (Газета).

Авторитет – это влияние, а в контексте речь идет о популярности, известности.

«Между нами есть **особенности**». (Ю.Бондарев). Автор хотел сказать: *различия*, но употребил ложный синоним.

Иногда ложные синонимы не совсем ложные. Смешиваются **частичные синонимы**, которые не во всех контекстах могут заменить друг друга.

«Мы уже накопили **незначительный** опыт в этом деле». (Газета). Надо: *небольшой опыт*. «Небольшой» и «незначительный» – частичные синонимы. Кроме того, смешаны словосочетания «уже значительный» и «еще незначительный».

«По-деловому **суетятся** члены новогодней комиссии». (Газета). Надо: *торопятся*. Суетиться – бестолково торопиться.

Особенно часто ложными или частичными синонимами оказываются однокорневые паронимы, поэтому **смещение**

паронимов – самая распространенная причина лексико-семантических ошибок⁵⁴.

«Машина лейтенанта стала **достигать** беглецов». (Газета). Надо: *настигать*.

«Десятки солдат химического центра **были подвержены** воздействию ЛСД. Он вводился также морским пехотинцам». (Газета). Надо: *подвергнуты*.

«**Нетерпимый** холод мучил нас всю дорогу». (Газета). Надо: *нестерпимый*.

«Так появилось желание **заново** вернуться в прошлое». (Газета). Надо: *снова*.

«Теоретический фундамент космических полетов **положен** трудами К.Э.Циолковского». (Газета). Надо: *заложен*.

«Комнату проветривать **возможно** чаще». (Медицинская брошюра). Надо: *как можно, по возможности*.

Существуют очень популярные пары слов, которым посвящены десятки статей по культуре речи и которые продолжают выступать в роли ложных синонимов: *стать и встать, надеть и одеть, предоставить и представить, обоснование и основание* и т.д. Если вы их не различаете, наведите справки в словарях.

Ложная или частичная синонимия могут привести к **контаминации словосочетаний**.

«Предлагается в **окружении** собора запретить автомобильное движение. (Газета). Надо: *вокруг (в районе) собора*. Но можно сказать: *в окружении президента*. Можно рассматривать эту ошибку и как смешение паронимов.

«Завтра, как сообщают синоптики, **состоится** облачная с прояснениями погода». (Газета). Погода *ожидается*, а *состоится матч*.

Ложная этимология (другое название – народная этимология) – явление, по сравнению с ложной синонимией, довольно редкое.

Приведем два типичных примера.

Первый пример без искажения формы слова: слово «**заглавный**» некоторые, по ложной этимологии, производят от слова «главный» и наделяют значением «самый главный», «первый».

«**Заглавным** шел жеребец Хиус». (Газета). То есть – *первым*.

«**Заглавная** профессия». (Газетный заголовок). То есть – *самая главная*.

В устной речи встречаются: *заглавная фигура, заглавный вопрос, заглавная должность*.

А между тем слово «заглавный» происходит от слова «заглавие». Отсюда: *заглавная буква, заглавная тема в печати*,

заглавная партия в опере, заглавная роль в пьесе (роль персонажа, именем которого названа пьеса). Поэтому в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» нет никакой заглавной роли.

Второй пример с искажением формы слова. Было когда-то русское слово «селянка» – *сельское кушанье*. Потом оно превратилось в «солянку» – *соленое кушанье*, хотя оно не более соленое, чем остальные. У Чехова мы найдем только селянку, у Горького – оба слова, у Фурманова (в «Чапаеве») – только солянку. Вот время народной переделки слова.

Это была раскладка лексико-семантических ошибок *по причинам их возникновения*. Но для литературного редактирования этого мало. Есть еще одна важная сторона ошибок – их *частота*. Выше по частотной характеристике ошибки были разделены на *индивидуальные, регулярные, массовые*.

Индивидуальные ошибки имеют субъективную основу и характеризуют отдельного человека. Кто-то не различает слов «*коренной*» и «*закоренелый*» и говорит: «Она закоренелая москвичка». Для кого-то синонимичны «*природный*» и «*прирожденный*», и у него в тексте можно встретить: «Он природный наставник молодежи», третий пишет в газете: «Большинство времени уделялось профилактике». Вместо: большая часть времени.

М. Горький допускал сочетание числительного с собирательным существительным: «полмиллиона молодежи, получающей высшее образование», «больше тысячи молодежи охвачены жаждой знания».

Р. Рождественский не различал слова «боязно» и «боязливо»:
«Ты в окошко глянешь боязно».

Здесь нужно: боязливо, то есть робко, с боязнью. Разница между словами не только семантическая, но и синтаксическая: боязно – только сказуемое (ей боязно); боязливо – только наречие (она чувствует себя боязливо).

В общем, у каждого свои недостатки.

Регулярные ошибки имеют другое качество. Их нельзя считать субъективными. Если многие регулярно спотыкаются на одном и том же месте, значит, там что-то есть. «*Заглавный вопрос*», «*надеть очки*», «*представить слово*» – такие ошибки встречаются нередко. Типичный пример регулярной ошибки в переводе И. Кашкина романа Р. Стивенсона «Владелец Баллантрэ»:

– К черту эти напыщенные речи! – воскликнул милорд. – Вы прекрасно знаете, что мне это ни к чему. Единственно, чего я добиваюсь, это оградить себя от клеветы, а дом мой – от вашего вторжения.

Нашли ошибку? Надо различать две конструкции: «единственное (числительное), чего я добиваюсь» и «единственно (наречие) правильное решение». На этом споткнулся очень квалифицированный переводчик, а может быть, наборщик.

Регулярные ошибки требуют такого же жесткого исправления, как и индивидуальные, хотя и могут быть частично объяснены. Разберем еще три характерных примера.

1. **Слово «миновать»** означает «проходить мимо, рядом». А на практике, кроме словарного значения, встречается и такое:

«Каждый день тысячи рабочих минуют проходную каждого завода». (Районная газета).

«Поднявшись по ступеням, Наполеон миновал неширокую калитку в крепостной стене и направился в город». (Популярная статья на историческую тему).

Получается, что тысячи рабочих прогуливают работу? Нет, конечно. Слово «миновать» употреблено здесь в значении «проходить через». И эту ошибку сделали два совершенно разных автора. Значит есть какая-то объективная причина для нее. Возможно, это самое начало процесса, в результате которого значение слова изменится – расширится. А может, процесс заглохнет. История покажет.

2. **Слово «обнародовать»** означает «объявить, опубликовать для всеобщего сведения». А в газетах 1970–1980-х годов встречалось такое словоупотребление:

«Так бы это и осталось неизвестным, если бы журналист не обнародовал подвиг героя».

«Лев Толстой впервые обнародовал слово «непротивление». А Ленин «партийность».

Нельзя обнародовать событие или слово. О событии можно рассказать, а слово впервые употребить. Но здесь ситуация совершенно не та, что в предыдущем случае. Здесь перед нами метафорическое употребление слова – не авторская глухота, а авторская вольность. Переносное значение – «показать, рассказать народу». Метафора была популярна у журналистов той эпохи, а потом умерла вместе с эпохой. Прервался процесс появления нового значения у слова.

3. **Слово «половина»** означает «одна вторая часть», «одна из двух равных частей». Мы говорим: одна половина, первая или вторая половина, обе половины. Неверно: последняя половина. Курьезно: большая или меньшая половина. Плеонастично: две равные половины. Ошибки очень прозрачные, но посмотрите, как настойчиво встречается одна из них:

«Перед нами стоит сейчас вторая, большая половина задачи, большая по трудности». «Тем самым что мы сбросили власть эксплуататоров, мы сделали уже большую половину работы». (В.И. Ленин. Речь на заседании пленума Моссовета, т. 31, с. 372, 373).

«Большая половина фабрики... была в огне». (Б. Полевой, «Глубокий тыл»).

«Большая половина неба», «большая половина загона», «большая половина мужиков». (А. Ананьев, «Годы без войны»).

«Ожоги покрывали большую половину тела». («Советская Россия», 1957 г.).

«Большая половина рабочих чертежей уже готова». («Ленинградская правда». 1976 г.).

«Большая половина матча прошла в равной борьбе». (Телевидение, 1985 г.).

Во все этих примерах слово «половина» употреблено в значении «одна из двух неравных частей». И тогда большая половина – это большая часть. Но это значение всегда останется ошибкой. Ибо оно открыто алогично.

Регулярность может проявляться очень слабо. М.С. Горбачев в телевизионном интервью в 1996 году сказал такую фразу: «Зюганов в теории блудит». Он хотел сказать: блуждает. Перепутал паронимы. Это индивидуальная ошибка? Нет. В одном военном приказе 1942 года встретилось такое же словоупотребление: «Части дивизии блудили по лесу». **Ошибка слабо регулярная.** Их авторы не знали, что слово «блудить» стоит в ряду: блуд, блудница, блядь и пр. Знали бы – поостереглись бы.

Массовые ошибки – это ошибки, получившие широкое, повсеместное распространение, но не узаконенные словарем.

Начнем с курьезной ошибки на идеологической подкладке. Выше, в разделе «Фактические ошибки», мы уже выяснили, что выстрел «Авроры» *не был сигналом к штурму Зимнего дворца*. Теперь займемся лексико-семантическими манипуляциями, связанными с этим событием. Вторая ложь родилась где-то в 1960-х годах, когда *выстрел «Авроры» превратился в залп «Авроры»*. Залп – это одновременный выстрел нескольких орудий. Сочетание «залп «Авроры» мог придумать только малограмотный человек, но эта лексическая и историческая ошибка получила массовое распространение. Был даже снят художественный кинофильм под названием «Залп «Авроры». В газетах можно было встретить расхожую фразу вроде: «Легендарный крейсер «Аврора». Это его залп возвестил о начале новой эпохи». Видный поэт и публицист того времени Николай Грибачев многократно выступал на эту тему. Вот только одна его фраза из журнальной статьи: «Однако будущий Пимен, бесстрастный летописец лет минувших, обязательно отметит, что в заревах залпа «Авроры» родилась все растущая волна необратимых перемен⁵⁵. Прочитайте еще раз внимательно. Почему от одного залпа образовалось не одно зарево, а много? Как в заревах может родиться волна? В одном предложении преувеличение, ломаная метафора и фактическая ошибка. Это образчик советского политического словоблудия. Основой пропагандистского стиля той эпохи была жажда экспрессии, ради ее утоления приносили в жертву и точность словоупотребления и даже историческую правду.

Третья неправда, связанная с событиями 25 октября 1917 года, заключена в словосочетании «*штурм Зимнего*». Что это за штурм, в котором не было ни одного убитого? Позднейшие инсценировки и художественные фильмы, в которых солдаты и матросы бегут из-под арки Главного штаба к Зимнему дворцу, прямо на пулеметную стрельбу юнкеров не имеет ничего общего с исторической правдой⁵⁶. Не было жертв, а значит, не было и штурма. *Был захват Зимнего дворца*, то есть разоружение и вытеснение его защитников без кровопролития.

Некоторые нынешние публицисты настаивают на том, что и революции не было – был Октябрьский переворот. Сами большевики в первые годы советской власти так называли это событие. Но все-таки, думается, что по своему историческому значению это была революция – Октябрьская, но не Великая. Величие оставим за Отечественной войной 1941–1945 гг.

Массовой ошибкой является также словосочетание «**правительственная награда**». Никто эту ошибку не видит, заметил рядовой читатель в 1987 году. Приведем полностью его письмо-заметку:

Правильно называйте награды

Хочу обратить внимание журналистов на распространенную ошибку – ее можно встретить почти во всех газетах. Нередко в печати советские ордена и медали – как боевые, так и трудовые – называют *правительственными наградами*. А это неверно, *Совет Министров СССР орденами и медалями не награждает*.

Советую работникам редакций, особенно очеркистам и репортерам, внимательно прочитать тот раздел Советской Конституции, где говорится о деятельности Президиума Верховного Совета СССР. Каждому станет ясно, что **в нашей стране ордена и медали правильно называются государственными, а не правительственными наградами**.

*Красноярск. К. Кузнецов, ветеран войны и труда*⁵⁷

Конституция теперь другая, а награды по-прежнему *государственные*, но и ошибка по-прежнему встречается. Это лексическая ошибка, ибо в ней – народное представление о том, что правительство – это и президент, и совет министров, и парламент вместе взятые.

Еще одна ошибка из ряда курьезных. В 1970-е годы (а может быть, и раньше) пришло в журналистику из науки и стало модным слово «**эпицентр**». Журналисты поняли его неправильно – как «*самый центр*» или просто «*центр*», но с некоей экспрессией, исходящей от начальной части «эпи». Как научный термин «*эпицентр*» означает проекцию центра (землетрясения, воздушного взрыва) на поверхность Земли. Журналисты это необычное, красивое слово стали употреблять метафорически. Определите сами переносное значение этого слова в примерах из разных газет:

«Париж оказался в то время эпицентром массовых студенческих волнений, охвативших многие страны».

«Девушка волей случая оказалась в эпицентре происходящих событий».

«И в тот самый момент, когда взрыв читательского возмущения неизбежен, автор резко толкает героиню в эпицентр взрыва».

«Сейчас мы подходим к «эпицентру» проблемы».

Во всех этих случаях «эпицентр» употреблено метафорически в значении «самый центр». То есть в представлении журналистов есть просто центр и эпицентр – самый центр, центрее центра. Это

логически ущербная метафора, не имеющая будущего. И с ней редакторы должны бороться. Вы обратили внимание: в последнем примере метафора закавычена, сам автор ее забраковал: почувствовал какое-то неудобство и огородил специальными страховочными знаками.

Еще газетный пример: «Опергруппа держалась в эпицентре района интенсивного поиска». Здесь нет метафоры, автор не знает значения красивого, эффектного слова.

И даже без всякого эффекта в прямом значении слово в журналистике употребляется неправильно: «Эпицентр землетрясения находился под дном Калифорнийского залива». Под дном находился центр землетрясения, а на дне залива – эпицентр. Это ошибка не из районной газеты, а из «Известий». Редакторам предстоит долгая и трудная борьба с этим лексическим уродцем.

До сих пор рассматривались массовые ошибки, требующие обязательного редактирования, причем редактирование это бесспорно. Но есть и другие, более сложные случаи массовых ошибок. Тогда приходится обращаться не только к толковым словарям, но и к словарям по культуре речи, к словарям трудностей русского языка.

Есть в русском языке старинное слово «довлеть». В словарях оно снабжается пометой «стар.». Его значение: *быть достаточным, удовлетворять*. Особое распространение получил оборот «довлеть себе», отсюда книжное слово «самодовлеющий» – значительный сам по себе, вполне самостоятельный.

Глагол управлял дательным падежом:

– с дополнением: «Довлеет каждому доля его» (пословица из словаря В. Даля),

– без дополнения: «Сколько не имей сил, их не довлеет» (А. Герцен).

Заметьте: все примеры из XIX века. Новых не найдете. Однако слово употребляется в наше время – и нередко, но в другом значении: господствовать, тяготеть над чем-либо. В современных толковых словарях значение или не указывается вовсе (в 4-томном) или указывается, но не рекомендуется, то есть считается ошибкой (в словаре Ожегова).

Из разных газет:

«Груз старых представлений довлеет над ним».

«Пережитки феодализма довели над сознанием японского народа».

«Прошлое не должно постоянно довет над нами».

«Над леспромхозом постоянно довет необходимость прибыли».

Кроме дополнения в творительном падеже с предлогом «над» изредка встречается и прямое дополнение с глаголом «довлеть»: «Но довет ощущение противоестественного».

Новое значение появилось в 1920-х годах после социальных потрясений (вместе со словом «солянка»). В 1930-х годах оно получило распространение и в словаре Ушакова помечено как

просторечное. Лингвисты борются с ним уже полвека и, в конце концов, сами стали его употреблять. В «Словаре лингвистических терминов» Ахмановой: «Фразеологизм. Словосочетание в котором семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов». Должен ли редактор после этого исправлять массовую ошибку? Нет. Тем более что некоторые специальные словари давно дают такие смелые рекомендации: «...в настоящее время следует уже признать вполне литературным»⁵⁸ новое значение глагола «довлеть». Уточним: пора указывать в толковых словарях два значения слова – старое и новое.

Что останавливает лексикографов в признании нормативным нового значения слова «довлеть». Думается, здесь две причины. Первая – конкретная, относящаяся именно к этому слову. Дело в том, что у его нового значения есть некоторая этимологическая ущербность, ведь оно явно возникло под воздействием слова «давить». Узаконить новое значение – значит узаконить ложную (народную) этимологию. К этому любопытный пример из научно-популярной книги: «Без мер по сохранению лесов от пожара все наши планы и работы по повышению продуктивности лесов становятся совершенно нереальными, потому что над ними всегда будет **давлеть** опасность нарушения их пожарами». (Новосибирск. 1981).

В слове «давить» ложная этимология доведена до логического конца – до изменения орфографии. Может быть, начался новый период в истории слова, который когда-нибудь закончится оправданием орфографической ошибки? Маловероятно. Но то, что период борьбы нового значения слова за свое литературное существование закончился, это следует признать и составителям толковых словарей и редакторам.

Есть и вторая причина, из-за которой тормозится это признание. Это общая причина, относящаяся к любому языковому новшеству, – принципиальный консерватизм составителей словарей, ведущий к торможению языкового развития, что является благом для передачи культуры. Если бы русский язык развивался хотя бы в два раза быстрее, для нас Пушкин был так же старомоден, как Ломоносов.

Сами лексикографы свой консерватизм не осознают, хотя механизм его очень прост. Человек усваивает нормы родного языка в молодости. А составляют словари люди профессионально подготовленные, опытные, то есть немолодые. И они бессознательно учитывают свою субъективную оценку при кодификации языковых явлений: из двух вариантов правильный тот, который старый, а неправильный тот, который новый.

Такой же трудный случай – слово иноязычного происхождения – **«апробация»**. И его производные – «апробировать», «апробированный», «апробационный», «апробирование».

Современное обрусевшее слово «апробация» имеет значение – *«официальное одобрение, вынесенное на основании испытаний, проверки»* (4-томный толковый словарь). У слова очень долгая, запутанная история, и, чтобы понять его нынешние проблемы, надо эту историю знать.

По происхождению это латинское слово – *approbatio*. Обратите внимание: в латинском слове два «р» на морфологическом стыке: *ar* (приставка) и *probatio* (основа). Но у латинского слова не только форма другая, содержание тоже: значение латинского слова – одобрение, признание, согласие. Нет никакого испытания и проверки.

В русский язык слово вошло именно в такой форме и в таком значении. Таким оно было у А.С. Пушкина: «26 августа написан был мирный трактат, и Румянцев повез его на аппробацию Петра...», то есть на одобрение, утверждение. Слово было редким и употреблялось в канцелярской сфере. В послепушкинскую эпоху началась его деформация. Сперва упростилось двойное «п» – это зафиксировано в словаре Даля.

Искажение формы потянуло за собой искажение смысла. Изуродованное слово «апробация» сблизилось с похожим словом «опробование», и тогда по закону ложной этимологии появились другие слова-уродцы: «апробованный», «апробовать» (в орфографическом словаре 1893 года). Тогда же, в конце XIX века, изменилось и значение слова «апробация»: оно стало означать – одобрение после опробования, испытания.

В XX веке слово перешло из канцелярской сферы в научную, а позднее попало в газету и получило широкое распространение и множество производных форм. Сейчас слово «апробация» (вместе с производными) встречается в трех значениях, хотя в словарях представлено только одно.

Все еще встречается старое значение слова – одобрение (без испытания): «Завершением подготовительного периода является апробация начерно написанной работы на заседании совета».

Распространено и словарное значение – одобрение после испытания: «К научным методам можно отнести только те методы лечения, которые прошли методологически правильную апробацию».

Но языковая практика обгоняет словарь, и слово «апробация» чаще всего употребляется в значении «опробование»: «Промышленники наотрез отказывались братья за никем еще не апробированный проект»; «Путь апробированный, правильнее будет сказать – традиционный»; «Три из семи посланных во Вьетнам на апробирование самолетов разбилось при выполнении первого же задания.»

Мало того что слово «апробация» стало вытесняться словом «апробирование», так еще и слово «апробирование» из-за туманной морфологии (что означает начальное «а»?) превратилось в понятное слово «опробирование»: «Сейчас эти модели после успешного опробирования в столичных кинотеатрах переданы в серийное производство». Очень логичная история слова: *аппробация – апробация – опробирование*. Но пока что последнего слова в словарях нет. Но обязательно появится, хотя у него есть более привлекательный синоним «опробование».

Таков должен быть научный багаж квалифицированного литературного редактора. А редактировать, просто заглядывая в словари, может и дилетант.

И еще один, третий сложный случай из практики редактирования.

В 1970-е годы в советских газетах распространилось, стало модным слово «напрочь». Но не в словарном значении.

В толковом словаре Ожегова издания 1978 года (9-е издание) слово «напрочь» снабжено пометой «просторечное» и *имеет значение – совсем, окончательно (отрубить, оторвать)*: «Сергей, бледный, оглушенный страшной болью, стоял, как во сне, и все пытался левой рукой приладить напрочь оторванную кисть правой.» (Газета).

Но слово употреблялось гораздо чаще в другом значении, хотя и близком первому: *совсем, совершенно*:

«В вас напрочь отсутствует стратегическое видение проблемы». (Ю. Семенов, роман «Испанский вариант»).

«Пойти за материалом – не значит, конечно, напрочь отказаться от какого бы то ни было творческого замысла». (Ю. Семенов, газетная статья).

«Чиновники посольства США напрочь отрицали свою причастность к событиям». (Газета).

«В старинной интеллигентной Валиной семье водочного духа не переносили напрочь». (Газета).

«И напрочь отсутствовал занавес». (Телефильм).

Исправлять эту ошибку уже поздно, она победила, что и было зафиксировано через четыре года. В 4-томном толковом словаре издания 1982 года (2-е издание) слово «напрочь» уже снабжено более мягкой стилистической пометой «разговорное» и *имеет значение – совсем, вовсе*. Иначе говоря, в словаре объединены оба значения – старое и новое – в одно.

Задание 12. Найдите ошибку в каждом фрагменте, исправьте ее и назовите. Сверьтесь с «Ответами». Без помощи толковых словарей не обойдетесь.

1. Земля пружинит под ногами, будто идешь по пенопласту.
2. Растянувшись цепочкой шествовала веселая пестрая кавалькада. Полные достоинства мужчины. Женщины в легких нарядах. Дети, норовящие отбиться от рук.
3. Другие сказали: незачем всякой там разъяснительной работой будировать настроения, вспоминать случившееся.
4. И в тот же день был произведен запуск космической субмарины на космодроме Плесецк.
5. В марте этого года консультативный совет предоставил свой доклад, в котором не содержится никаких предложений о наказании компаний.
6. Ракетный крейсер «Бидл» военно-морских сил США остановил в Красном море грузовое судно «Премьер», шедшее под флагом ФРГ. На борт корабля высадились десантная группа.

7. В середине дня некогда бежать обедать, да и некуда, кроме пресс-бара, а поужинать, если ты командировочный, и вовсе негде.

8. В универсаме на улице Молодогвардейская полчаса прстоишь у кассы, чтобы рассчитаться за булку хлеба или бутылку молока.

9. В одной своей книжке я рассказал о судьбе сверстников, с которыми побольше двадцати лет тому назад окончил десятилетку.

10. И треугольники гусиных стай,
И росчерк ястребиных крыл. (Б. Лозовой).

11. Шандор Радо, схваченный незримым, душным кольцом Шелленберга и Мюллера, тем не менее до последней минуты передавал из Берна архиважнейшие данные в Москву. (Ю. Семенов).

12. Наши ребята на корпус обходят соперников. И... ломается подножка. Лодка сходит с дистанции.

– Обидно, – резюмировал происшедшее тренер. – Так хотелось опробовать новый состав в деле.

13. «Хиро» – новое слово на букву хэ. (Телереклама).

Три разряда ошибок – индивидуальные, регулярные, массовые – это также и три ступени, которые может пройти каждое конкретное языковое изменение. Полный цикл такого изменения заканчивается тем, что можно назвать *узаконенной ошибкой*.

Узаконенные ошибки – это *ошибки в историческом плане, они не осознаются носителями языка и не являются объектом редактирования*. Но редактору полезно знать само явление. Поэтому рассмотрим несколько примеров таких бывших ошибок.

Лексико-семантические узаконенные ошибки можно разделить на две группы. В первой группе изменилось значение слова, но форма осталась без изменений.

«*Биточки*» – это круглая рубленая котлета. Но выделите корень слова, и вы сами догадаетесь, что так могли быть названы только отбивные котлеты. Предполагается, что слово пришло к нам из польского языка. Сдвиг его значения неясен.

«*Абитуриент*» – поступающий в вуз или техникум. Высокочастотное слово иностранного происхождения. Оно пришло в русский язык из немецкого, где означало – сдающий выпускные экзамены. В таком значении оно и пришло в русский язык. А его семантическая деформация быстрее всего связана с эпохой революции и гражданской войны, в результате которых понизился культурный уровень русского этноса – эмигрировало два миллиона образованных людей.

«*Бесталанный*» – лишенный таланта. Но что-то не то в этом слове. Куда исчезла из корня «талант» последняя буква? Слово воспринимается как морфологически деформированное, но форма-то в нем не изменилась.

Слово «бесталанный» исторически не имеет к таланту никакого отношения. *Оно происходит не от слова «талант», а от*

слова «*талан*», что значит: *счастье, удача, судьба*. «Талан» заимствовано из тюркских языков. Татарское «талан» – успех, удача. «Талан» – заимствование из греческого, где первоначально означало самую крупную денежную единицу и меру веса, а затем в результате метафорического переноса – дар, одаренность.

Слово «бесталанный» в старом значении (непутевый, несчастливый, неудачливый) употребляется только в народных песнях. Войдя в литературный язык, оно изменило свое значение из-за неясности внутренней формы слова, ибо слова «талан» в литературном языке нет. Сыграла ложная этимология. Это случилось в начале XIX века. У В.Г. Белинского слово встречается только в новом значении: «Слог отнюдь не есть простое умение писать грамматически правильно: гладко и складно, – уменьье, которое часто дается и бесталанности».

И в наши дни могут побеждать такие ошибки. На северо-западе России есть города с новыми названиями по модели «...горск»: Зеленогорск, Светогорск, Бокситогорск, Каменногорск. Люди, придумавшие эти названия, считали, что «...горск» – то же, что «...град». Зеленогорск – это Зеленоград. Но «...горск» *присходит от* слова «гора». Поэтому Зеленогорск этимологически должен происходить от Зеленой Горы. Слишком много гор в Ленинградской области. Опять победила ложная этимология.

Во второй группе узаконенных лексико-семантических ошибок изменились и форма слова, и его значение.

«Свидетель» – *тот, кто видел*. Но исторически слово «свидетель» происходит не от слова «видеть», а от слова «ведать» – *знать*. Сведетель – такова была старая форма этого слова (в современной орфографии). Сведетель – тот, кто знает. Сперва была изменена орфография слова, потом по ложной этимологии изменилось его значение.

«Злосчастный» – несчастный, злополучный. Уродливость слова видна невооруженным глазом, ибо прозрачная внутренняя форма слова – «злое счастье». Странное словосочетание. Но это словесный уродец.

Было старое русское слово «часть» в значении «участь». Злая часть – это злая участь; *злосчастный* – *неудачливый, непутевый*. Злосчастный – то же, что бесталанный. И историческая судьба двух слов одинаковая. В орфографическом словаре 1970 года последний раз приведены обе формы слова – старая и новая.

Подобных несуразностей в русском языке пруд пруди. Мы к ним привыкли и не замечаем их. Есть слово «*благовоние*», но есть слово «*вонь*» – дурной запах. В чем противоречие? А раньше слово «вонь» означало просто запах. Слово «*погода*» означает состояние атмосферы. Но почему слово «*распогодилось*» означает наступление хорошей погоды после плохой? А потому что раньше словом «погода» обозначалось только хорошее состояние атмосферы. Плохое состояние атмосферы называлось непогода. Язык далеко не так логичен, далеко не так системен, как нам кажется, как нам бы хотелось.

И последнее в этом разделе. Авторская вольность на лексико-семантическом уровне будет переносом значения, то есть метафорой, метонимией или иронией, которые вам хорошо знакомы.

1.4. Грамматические ошибки

Лексическим ошибкам было посвящено так много места не потому, что они составляют основной класс речевых ошибок, а потому, что они труднее других ошибок различаются в тексте, им меньше уделено внимание в справочной литературе, и последствия таких ошибок, как вы видели, могут быть очень серьезными.

Основной класс речевых ошибок составляют *грамматические ошибки*, место которых в курсах русского языка и практической стилистики. Не имеет смысла давать даже краткий обзор таких ошибок: весь этот материал вам известен. Ограничимся только некоторыми (несистемными) редакторскими замечаниями.

Грамматические ошибки возникают, как правило, тогда, когда в языке есть варианты: один вариант правильный, нормативный (*обеих рук*), другой – неправильный, ненормативный, неграмотный (*обоих рук*). Возможна, правда, ситуация, когда оба варианта нормативны, правильны (*обуславливать и обуславливать*). Поэтому главное понятие в этой области языка – понятие языковой (литературной) нормы, которое вами усвоено.

Грамматическим ошибкам посвящено достаточное количество словарей. Назовем два из них:

- **традиционный** – «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник». Л., 1973. Десять составителей, редактор – К.С. Горбачевич. В словаре 8000 привычных для вас словарных статей;

- **нетрадиционный** – «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов». М., 1976. У словаря три автора (Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская) и три редактора.

Нетрадиционность второго словаря видна уже в его названии: это первый числовой, а поэтому точный словарь вариантов русского языка. В традиционном словаре дается качественное описание языкового явления. Например, в словаре под редакцией Горбачевича в статье на слово «кофе» объясняется, что это слово мужского рода (черный кофе), но в разговорной речи встречается и в среднем роде (черное кофе). И приводятся примеры обоих вариантов. В частотном словаре дается статистика вариантов и их процентное соотношение: кофе остыл (65%) и кофе остыло (35%), а потом явление характеризуется стилистически и подробно комментируется. Это новая ступень в науке.

Словарь «Грамматическая правильность русской речи» предпочтителен для студентов-журналистов еще и потому, что это словарь не просто речевых вариантов, а газетно-речевых вариантов: он составлен на газетном материале. Его авторы взяли 10 центральных газет (480 номеров) за 1965–1972 годы и обследовали в них материалы общим объемом около двух миллионов слов. (Для

сравнения: полное собрание сочинений А.С. Пушкина имеет объем 550 тысяч слов). Среди этих двух миллионов слов оказалось 100 тысяч грамматических вариантов, которые и вошли в словарь.

Оцените вариативные возможности русской речи и вытекающие отсюда трудности для ее носителей: в среднем одно грамматически вариативное слово на двадцать слов речевого потока. Прибавьте сюда лексико-семантические варианты и варианты произношения – фонетические и акцентные. Оказывается, в нашей речи все зыбко и вариативно.

Грамматические ошибки (и варианты) подразделяются на две группы: 1) *морфологические* (словоизменительные и словообразовательные) и 2) *синтаксические*. Заглянем в каждую из них.

1.4.1. Морфологические ошибки

С точки зрения статистики есть варианты *равноправные*, *равно-употребительные* – в городе Суздале (48%) и в городе Суздаль (52%) – и *неравноправные* – у Василенко (95%) и у Василенки (5%). Предметом редактирования могут быть только неравноправные варианты, один из которых правильный, а другой неправильный. Но трудность в том, что существует масса переходных случаев: слесари (89%) – слесаря (11%), сто граммов (80%) – сто грамм (20%), в цехе (68%) – в цеху (32%) и т.д. Механического рецепта статистика не дает, нужен и качественный, стилистический комментарий: к речевой статистике нужно лингвистическое образование.

Выберем из этого материала три газетно-речевые проблемы и рассмотрим их подробно.

Первая проблема – склонение сложных и составных числительных.

Начнем с маленького задания. Попробуйте без предварительного проговаривания сразу вслух поставить в творительный падеж составное числительное в сочетании: я владею 2485 книгами. Девять студентов из десяти этого сделать не могут, а десятый, который может, все равно хотя бы немного запнется. Вот проблема! Для проверки: *двумя тысячами четырьмястами восемьюдесятью пятью книгами*. Вариант «восемьюдесятью» – разговорный.

В СМИ идет масса числовой информации. В письменных материалах она приводится в цифровом виде. В газетах такие числительные читаются читателями глазами. Но в эфирной журналистике диктор или ведущий должен их произнести вслух. Только тут и возникает проблема. И только в косвенных падежах числительных. Делают ошибки самые авторитетные телеведущие. Но заметьте теледикторы старой, советской школы с длинными числительными справлялись. Теперь на телевидение пришли новые люди, у которых много достоинств, но в них не входит солидная лингвистическая подготовка и высокая культура речи.

С точки зрения литературного редактора выход простой: переделать конструкцию так, чтобы составное числительное было в именительном падеже, но, как показывает практика, совет трудно

выполним, ибо на литературных редакторах экономят. Проще, наверное, научить телевизионщиков склонять составные и сложные числительные.

Трудностей в этом деле вообще-то гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. Если упростить то числительное, на котором вы споткнулись, до сочетания «2005 книг», то в творительный падеж вы поставите его почти не задумываясь... Так ведь? Значит, проблема в тех элементах, которые отброшены – 480. Это составное числительное состоит из двух сложных: четыреста восемьдесят. Каждое из них состоит, в свою очередь, тоже из двух частей, и склоняются обе части: четырьмястами восемьдесятью. В этом проблема: сложное числительное графически одно слово (пишется слитно), но морфологически два слова (склоняется как два слова).

Перед нами середина пути в длительном историческом, языковом процессе, растянувшемся на два века. Это *процесс сращивания сложных числительных в одно слово*. Процесс закончится, когда такие числительные будут не только писаться слитно, в одно слово, но и склоняться как одно слово. Но до конца еще далеко. Разного рода упрощенные варианты склонения затронули пока что разговорную речь, но в устной литературной речи считаются ошибками. А это значит, что нынешнему поколению литературных редакторов придется с ними бороться.

Основных ошибок в склонении составных и сложных числительных можно указать пять:

1) Составные числительные (двух- и трехзначные числа) склоняются как одно слово, то есть склоняется только последняя часть числительного:

«представители **сто двадцать** одной страны» (ТВ); надо: «**ста двадцати одной**»;

«из **девяносто** семи человек» (газета); надо: «**из девяноста семи человек**».

2) Сложные числительные 300, 400, 700 в родительном падеже получают окончание именительного: «участвовало свыше **семьсот** тысяч человек» (газета); надо: «**свыше семисот тысяч**». Это наблюдается даже в тех случаях, когда сложные числительные входят в составные:

«крылатые ракеты с дальностью полета до двух тысяч **четыреста** километров» (ТВ); надо: «**до двух тысяч четырехсот**»;

«Медаль «За освоение целинных и залежных земель» получили около миллиона **триста** тысяч человек» (устное выступление Л.И. Брежнева в 1973 г.); надо: «**свыше миллиона трехсот тысяч**».

3) Сложные числительные 500, 600, 700, 800, 900 в родительном падеже получают оригинальное окончание «...ста»;

«Экспорт **пятиста** тысяч тонн алюминия» (ТВ); надо: «**экспорт пятисот тысяч тонн**»;

«Собралось более **шестиста** депутатов» (ТВ); надо: «**более шестисот**»;

«Свыше **семиста** орудий» (ТВ); надо: «**свыше семисот**»;

«До двух тысяч **восьмиста** рублей» (ТВ); надо: «**до двух тысяч восьмисот**»;

«Протяженность дороги более **девятиста** километров» (ТВ); надо: «**более девятисот**».

Ошибка здесь в том, что числительные склоняются как две совершенно самостоятельные части: «до восьми рублей», «до ста рублей».

4) В сложных прилагательных, произведенных от сложных и составных числительных, не склоняется первая часть:

«**восемьсотлетие** памятника» (ТВ); надо: «**восьмисотлетие**»;

«**шестьсотсемидесятая** годовщина» (ТВ);

надо: «**шестисотсемидесятая**»;

«**стодвадцатипятитысячный** трактор» (газета);

надо: «**стадвадцатипятитысячный**».

5) В числительных полтора, полтысячи, полмиллиона перестает склоняться первая часть.

Процесс этот начался в сочетаниях «пол» с существительными. В настоящее время идет борьба в косвенных падежах старых и новых вариантов: *в получасе езды – в полчаса езды, с полудня – с полдня, до полуночи – до полночи*. В некоторых случаях старая форма в современной речи уже не встречается: сошлись на полудороге (П. Вяземский), выпили по полустакану (А. Чехов). А. Толстой употреблял новую форму «на полслове», а Н. Телешов через полвека старую – «на полуслове». В целом современная статистика дает такое соотношение:

около полугода 89%, старое, книжное;
около полгода 11%, новое, разговорное⁵⁹.

Писатели с ориентацией на разговорную речь предпочитают новую форму: в полверсте отсюда (А. Твардовский), в полкилометре от немцев (В. Быков).

Вернемся к числительным. Здесь варианты с несклоняемой частью «пол» в косвенных падежах имеют разговорный характер и в книжной речи требуют исправления. В следующих примерах из разных газет сделайте это сами:

«Когда-то у нас случилось до **полтысячи** преступлений в год».

«Около **полторы тысячи** писем пришло в адрес редакции».

«Здесь вырос большой город с населением более **полмиллиона** человек».

Вторая проблема – склонение топонимов на -ово/-ево, -ино.

Это очень распространенный тип русской топонимики, особенно на Северо-Западе. Приблизительно половина из них на -ово: Кавголово, Парголово, Горелово; четверть на -ево: Лосево, Толмачево, Конеево; еще четверть на -ино: Рощино, Репино, Колпино. Такие топонимы встречаются почти в каждом номере любой петербургской газеты.

По происхождению это притяжательные прилагательные, и в начале XIX века они склонялись: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина» (М. Лермонтов). Замечу попутно, что в это же время регулярно склонялись в русском языке украинские фамилии на -енко: Пушкин писал письма А.Г. Родзянке и Е.П. Люценке.

Считается, что приблизительно с 1930-х годов появилась тенденция к несклонению топонимов на -о. Сначала среди географов и военных, с тем чтобы развести совпадающие при склонении в косвенных падежах разные названия – типа Пушкин и Пушкино. Тенденция усилилась во время Великой Отечественной войны, когда в сводках Софинформбюро такие названия не склонялись.

Сейчас в книжной речи и в газетах кажущийся разноречивой:

московская газета: «Приглашает концертная студия в Останкино»;

петербургская газета: «в Кавголове лежит снег».

Но Петербург в языковом отношении консервативнее Москвы. Это научно доказанный факт, и литературный редактор должен об этом знать.

Нормативные указания Академической грамматики тоже колеблются:

1960 год: только склонять,

1970 год: все чаще не склоняются,

1980 год: нормативно склонение, но есть особые несклоняемые случаи: в поселке Репино, в районе Тушино.

Но стоит привлечь речевую статистику – и картина сразу проясняется.

Во-первых, в газетах суммарное соотношение всех форм топонимов на -о такое: в Перово – 80%, в Перове – 20%⁶⁰. Имея такую информацию, уже нельзя утверждать, что склонение подобных топонимов нормативно. Их склонение устаревает и может считаться допустимым, но не обязательным.

Во-вторых, процесс идет медленно. Отсюда отставание нормативных рекомендаций Академической грамматики от реальной речевой практики. Несклонение у носителей русского языка за 50 лет (1900–1940-е годы рождения) увеличилось следующим образом:

модель на -ово: с 20 до 38%,

модель на -ино: с 47 до 87%⁶¹.

С помощью простейшей экстраполяции можно сделать несколько выводов.

1) Топонимы на **-ино** начали не склоняться у людей, родившихся в начале XIX века, у современников Пушкина; топонимы на **-ово** – у людей, родившихся в середине XIX века, у старших современников Чехова.

2) Топонимы на **-ино** перестали склоняться у людей 1970-х годов рождения, у нынешних студентов. Топонимы на **-ово/-ово** не склоняет только половина нынешних студентов. И если языковой процесс будет идти со столь же низкой скоростью (прирост 2% за

десятилетие), то несклонение в этой модели победит только в самом конце XXI века – через 100 лет.

Вот теперь литературный редактор, с помощью статистики вооруженный объективным знанием, имеет объективные критерии при оценке языковых явлений.

И в заключение этой проблемы несколько слов о причинах отказа от склонения топонимов на -о. Их две.

Первая причина заключается в постепенном сокращении в русском языке категории среднего рода. Средний род уменьшается, но формы его сохраняются. Не склоняются заимствованные слова с окончаниями среднего рода; пальто, кино, кофе. В том числе фамилии – Гюго, Трюдо, Жирардо – и топонимы – Осло, Сорренто, Онтарио. Утрачивают склонение славянские наименования: Ровно, Гродно, Тосно. И фамилии на-енко: 25 лет назад их склоняли только 5% журналистов⁶².

Вторая причина несклонения топонимов на -о кроется в общей тенденции развития русской грамматики в сторону аналитизма.

Третья проблема – склонение нерусских фамилий на -а безударное.

Общее правило для таких фамилий⁶³ – склонять: Петрарке, Нерудой, у Гойи. Колебания наблюдаются у грузинских фамилий: привычное сочетание – «песни Окуджавы», но сам поэт в посвящении сборника своих стихов брату написал: «Посвящается Арчилу Окуджава». Не склоняется только вариант этой модели на -иа: стихи Гарсиа, рассказы Гулиа. В варианте на -ия колебания: зверства Берия/Берии.

Такова грамматическая норма. Но в СМИ, прежде всего в газетах, выработалось свое, особое правило, нигде не сформулированное, но работающее. Опишем его.

В силу специфики средств массовой информации в них очень много фамилий, которые упоминаются один-единственный раз. Среди них встречаются иностранные фамилии с финалями исходной формы, очень похожими на окончания косвенных падежей: Нетаньяху, НкOME. Ложная операция по поиску исходной формы приводит нас к безударному окончанию -а: Нетаньяха, Нкома. С другой стороны, за исходную форму может быть принят косвенный падеж фамилий на -а безударное. Чтобы не получилась путаница, *такие фамилии в газетах не склоняют:*

«Секретаря Лючано Лама хотели убить...»

«Речь идет о майоре Сальвадоре Пекорелла...»

«Визит в Китай министра иностранных дел Японии Охира».

Но когда фамилия становится известной, ее начинают склонять, как того требует грамматика. В 1970-е годы премьер министром Японии был Танака. Сперва его фамилию газеты не склоняли: «Заявление Танака». Когда же он посетил Советский Союз, начали склонять и даже сейчас склоняют: «Дело Танаки». То же самое было с фамилией мексиканского президента: «Визит в СССР президента Мексики Луиса АльваресЭчеверрия» (1973 год) – даже Альвареса не просклоняли, «Встреча между

Луисом Эчеверрией и Джеральдом Фордом» (1974). Поэтому общее соотношение склонения и несклонения таких фамилий в газетах пол на пол:

у министра Икэды – 51 %, у министра Икэда – 49%⁶⁴.

Кстати, тоже самое и с топонимами на -а безударное: выставка в Осака – 47%, выставка в Осаке – 53%⁶⁵.

Узаконенные морфологические ошибки похожи одновременно и на орфографические и на лексико-семантические. В морфологической ошибке подчеркивается ее именно морфемный характер, а семантика не искажается, хотя затушевывается этимология.

Пример – слово «глухомань» – глухое место. Его неискаженный вариант – «глухмень» – существовал еще в XIX веке: мень – это не слово, это суффикс – суффикс места. Другие слова с этим суффиксом: сухмень – сухое место, низмень – низкое место (отсюда низменность). В Западной Белоруссии течет речка Тихмень – тихое место.

Слово глухомань появилось в советское время. Деформация старого слова произошла, по-видимому, в результате затемнения внутренней формы слова, как в словах «бесталанный» и «злосчастный», но значение слова осталось прежним. Ошибка затронула только морфологию.

Название зверька – «морская свинка» – тоже деформировано.

«Морская свинка – это сухопутный грызун родом из Южной Америки. А если сухопутный, почему же такое странное имя? Привезенный в Европу еще первыми мореплавателями, по схожести мордочки с рылом свињи был назван свинкой, да не простой, а заморской, появился «из-за моря». Впоследствии слог «за» откинули – грызун стал морской свинкой, хотя никакого отношения к воде, к морю не имел и не имеет»⁶⁶.

Но почему «откинули» приставку – непонятно. Не все причуды языка поддаются объяснению.

Особый тип морфологических ошибок – грамматический плеоназм в заимствованных словах.

Проведу две регулярных ошибки, которые литературный редактор должен исправлять безжалостно.

«Первобытный художник изобразил два человеческих лица в анфас». (Газета). Анфас от французского en face – в лицо. Анфас – лицом к смотрящему. Под влиянием однотипных оборотов – в профиль, в три четверти, в поборота – появилась плеонастическая форма – в анфас.

«Городецкому казалось, что командующий слушает его лишь для проформы». (А. Чаковский, роман «Блокада»). «Обсуждение было проведено для проформы». (Газета). Проформа от латинского pro forma – для формы. Проформа – внешняя формальность, видимость. По аналогии с выражением «для видимости» родился уродец – «для проформы».

Особый случай грамматического плеоназма находим в русских заимствованиях из английского с сохранением английского

показателя множественного числа «s». *Все эти ошибки узаконенные и редактированию не подлежат.* В русском языке их, по крайней мере, пять:

рельсы: rails, единственное число rail;
бутсы: boots, единственное число boot,
джинсы: jeans, единственное число jean,
комиксы: comics, единственное число comic,
баксы: bucks, единственное число buck.

Но четыре аналогичных слова в русский язык из английского пришли без плеонастической ошибки: боты (boots), шорты (shorts), трусы (trousers) и битлы (beetles). Правда, пока последнее слово осваивалось, оно имело и другие формы: битлзы, битлсы: «В кинотеатре шел фильм с битлзами под коротким названием «Помогите». («Литературная газета», 1973).

Хоть это и языковая экзотика, редактор должен ее знать.

Задание 13. Найдите морфологическую ошибку в каждом фрагменте, исправьте ее и, если сможете, объясните ее происхождение. Используйте «Граматику русского языка» и словарь «Грамматическая правильность русской речи». Сверьтесь с «Ответами...»

1. Туристские горизонты
Москва. Объявлены результаты всесоюзного конкурса «Туристические горизонты – 76»... (Газета, 1976).
2. Строители потребовали от турков освободить помещение. (Газета).
3. Решение было одобрено около восьмистами делегатов. (Газета).
4. Наш спортсмен бежал в паре с экс-рекордсменом мира Л. Эфшиным. (Газета).
5. Здесь вырос большой город с населением более полмиллиона человек. (Газета).
6. Командир выпил чашку горячего чаю. «Больше нельзя, – пояснили нам медики. – После длительного пребывания в невесомости стакан выпитого чая ощущается как плотный обед». (Газета).
7. Хоккейный шлем в лабораторных условиях выдерживает удар силой до четыреста пятьдесят килограмм. (ТВ, Николай Озеров).

1.4.2. Синтаксические ошибки

Синтаксические ошибки так же, как и морфологические, очень разнообразны. Поэтому и среди них выделим только *три типа – три показательные проблемы*, требующие усиленного внимания редактора.

Первая проблема – координация сказуемого и подлежащего, когда подлежащее выражено количественным сочетанием типа «100 человек сидело/сидели». Так как газета богата количественной

информацией, то эта синтаксическая модель в газетной речи представлена широко.

В стилистической и справочной литературе существует длинный перечень правил подобной координации. Для литературного редактора проще оценить рассматриваемую вариативность с помощью газетно-речевой статистики (см. словарь «Грамматическая правильность русской речи»).

Расположим разновидность этой модели в последовательности нарастания множественного числа, имея в виду, что множественное число – новая форма, а единственное – старая:

1) ряд человек:	сидел сидело сидели	79% правильно 6% грубая ошибка 15% нежелательно
2) несколько человек	пришло пришли	75% правильно 25% допустимо
3) большинство:	сидело сидели	67% правильно 33% допустимо
4) один миллион:	бастует бастуют	63% правильно 37% допустимо
5) более 10 человек:	сидело сидели	60% равнозначные 40% варианты
6) 100 человек:	сидело сидели	46% равнозначные 54% варианты

Теперь комментарий. Начнем снизу. Процентный показатель ясно показывает, что множественное число глагола при количественных сочетаниях еще далеко от победы. Процесс перехода от старых форм к новым в самом разгаре. В простых случаях – числительное плюс существительное с уточняющими словами (более, свыше, около, почти, примерно, по крайней мере и т.п.) – оба варианта глагола равноправны и встречаются одинаково часто. Но нужно отметить, что в трех случаях вариантов нет:

1) Работал 21 человек: при составном количественном числительном, оканчивающемся на единицу, – *только единственное число глагола.*

2) Семеро одного не ждут: при субстантивированном собирательном числительном – *только множественное число глагола.*

3) Эти семь лет прошли быстро: при определении во множественном числе – *только множественное число глагола.*

Далее выше по списку в трех разновидностях модели глагол употребляется преимущественно в единственном числе, но и множественное не может считаться ошибкой, это *допустимый вариант.*

И, наконец, первой в списке идет конструкция с собирательным существительным, имеющим количественный

оттенок, – ряд, большинство, число, часть и т.п., – которое упрямо удерживает единственное число глагола. Это *нежелательный вариант*, хотя он и встречается еще у А.Пушкина: «И жемчугов ряд лицо осенят».

Задание 14. Найдите и исправьте ошибки на согласование и координацию. Выполнение задания не требует обращения к словарям или грамматике. Сверьтесь с «Ответами...»

1. За эти два дня погибло 34 человека, пострадало 1103 гражданских лиц и 61 полицейский. (Газета).

2. Объем продукции фермерских хозяйств будет на 44 процента ниже прошлогоднего уровня – наихудший показатель за последние четверть века. (Газета).

3. В южных районах республики сила толчков достигала пяти с половиной балла. (ТВ).

4. В заключение можно сказать, что ряд членов правительства России заранее говорят, что продержатся у власти не более 6 месяцев. (Газета).

5. К тому же при температуре свыше 20 градусов при магазинах будут работать свыше 120 выносных столика по продаже прохладительных напитков. (Газета).

6. Как передает агентство Рейтер, Заккаро считается одним из фигур, замешанных в скандале с махинациями в администрации города Нью-Йорк.

7. Как показал опрос, 61 процент американцев убеждены, что правительство скрывает информацию, которую люди должны знать. (Газета).

8. Один из ведущих американских официальных лиц призвал кокаинового барона сдать. (Газета).

Вторая проблема – ошибки в управлении. Среди множества подобного рода ошибок выделим специфически газетный тип.

Пример: Огромное поле было посеяно высокосортной гречихой. (Газета)

Формула ошибки: посеять что + засеять чем = посеять чем.

Это ошибка по аналогии. Механизм ошибки такой: точное слово заменяется на синоним или частичный синоним, но управление остается от замененного слова. По количеству этого типа ошибок у автора можно судить об остроте его языкового чутья.

Задание 15. Найдите и исправьте ошибки на управление. Попробуйте найти формулу ошибки. Одного языкового чутья будет мало – понадобится и словарь. Сверьтесь с «Ответами...»

1. Сенатор Люсс, переодетый под рабочего, выходит из аптеки. (Газета).

2. Он все свободные часы готов сидеть в машине или лежать под ней, испачкав руки по самые локти в грязи и масле. (Газета).

3. Но вот на тенистой пальмовой аллее, где уже совсем сгустился туман, появился капитан Макартни...; тихонько напевая что-то себе под нос, он сделал несколько шагов, споткнулся на какую-то, как показалось ему веревку, протянутую поперек аллеи, и, громко выругавшись, растянулся на земле

плашмя. (Рафаэль Сабатини. Хроника капитана Блада. Пер. Т. Озерской).

4. Эти книги очень малы. Размер томиков не превышает десять сантиметров. (ТВ).

5. Невольно возникает вопрос, как же соотносится разнообразие условий существования к общей численности птиц. (Научно-популярная книга).

6. Другая задача словаря состоит в предупреждении от типичных, распространенных в речи ошибок. (Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка).

7. И в случае птиц успешно достичь одной и той же цели можно разными путями. (Научно-популярная книга).

8. Он поблагодарил за письмо и документ и заверил, что доведет о них до сведения президиум конгресса. (Газета).

9. К тому же значительны запасы элементов, не имеющих однозначных параллелей в каждой из систем и характерных только одной из них. (Костомаров. Русский язык на газетной полосе).

10. Страна встает со славою навстречу дня. (Б. Корнилов).

11. Знание газетной специфики не обязательно для читателя, но для профессионалов пренебрежение к ее законам и нормам непростительно. (Журнал «Журналист»).

12. На Бухарестской улице водитель трамвайного парка имени Коняшина Ю. Афанасьев, упавший с балкона второго этажа, госпитализирован с ушибами и переломом руки.

Третья проблема – неправильное присоединение деепричастного оборота. Вообще деепричастный оборот – это, своего рода, индикатор культуры письменной речи. Его неправильное присоединение к основной части предложения русские писатели использовали в речевой характеристике малограмотных персонажей. Вот два ярких примера.

1) А. Чехов: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин» («Жалобная книга»).

2) А. Аверченко: «Севши на извозчика, дождь все усиливался».

Смешные неграмотности, причем вторая неграмотность смешнее первой. Смех вызывает нарушение нормы, во втором случае нарушение сильнее – и смех сильнее. А какова норма?

В русском языке деепричастие соотносится не только с глаголом – сказуемым, но и с подлежащим: подлежащее должно быть носителем действия, выраженного деепричастием. В шутке Чехова этого нет. Вернее носитель действия есть («у меня»), но он не подлежащее. Поэтому получается, что к станции подъезжала шляпа – вот причина смеха. В шутке Аверченко подлежащее – дождь, поэтому формально он сел на извозчика. А носитель действия вообще не указан. Причина смеха двойная.

Ошибки на присоединение деепричастного оборота у журналистов не часты, но обидны. Великолепный спортивный телекомментатор Николай Озеров совершенно не в ладах с деепричастным оборотом. Вот один из его перлов: «Потеряв шайбу, следует пас назад» (ТВ).

Присоединение деепричастного оборота имеет множество нюансов и допустимых отклонений от строгой нормы. Здесь мы лишь отмечаем особенности, на которые следует обращать внимание литературному редактору. Например, если вы встретите подобные ошибки у Пушкина или Л. Толстого, то не надо спешить их редактировать, ибо у классиков – это галлицизмы: во французском языке деепричастный оборот присоединяется свободно.

«Имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках». (А. Пушкин). «Проезжая по деревне, у коляски свалилось колесо». (Л. Толстой). «Убедившись, что понять это он не может, ему стало грустно». (Л. Толстой).

Современные авторы, даже знающие французский язык, не могут претендовать на снисхождение литературного редактора.

Задание 16. Определите, в каких предложениях не требуется исправлять присоединение деепричастного оборота.

1. Изучая русскую живопись XIV века, бросается в глаза одна любопытная деталь. (Газета).

2. Забросив две шайбы в ворота нашей сборной, польскую команду просто не узнать. (Николай Озеров, ТВ).

3. Не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. (М. Горький).

4. Слушая молдавские мелодии, невольно возникает ощущение праздника. (ТВ).

5. Стоя на высоком открытом холме, мне казалось, что я знаю этот городок с детства. (Газета).

6. Покупая костюм прямо с фабрики, он обойдется вам на 25% дешевле. (Телереклама).

7. Не приглашая представителей соответствующих организаций, решение было принято, можно сказать, кулуарно. (Газета).

8. Комиссия ГАИ за управление транспортом, будучи в нетрезвом состоянии, лишила водительских прав шофера Чуркина. (Газета).

1.5. Фразеологические ошибки

Фразеологические ошибки выражаются в деформации фразеологических оборотов. Основных причин деформации две: *затемнение смысла фразеологизма* и *смешение близких по смыслу фразеологизмов*. Поэтому и типов деформации два: *внутренняя деформация фразеологизма* и *контаминация (гибридизация) фразеологизмов*.

1.5.1. Внутренняя деформация фразеологизмов

Так как фразеологизмы, а также многие поговорки имеют весьма почтенный возраст, то затемнение их первоначального смысла – обычное дело в языке. Но десемантизация отдельных членов оборота не мешает его употреблению, ибо значение фразеологизма не складывается из значений его частей. Кто знает, что:

- в выражении «у черта на куличиках» слово «куличка», «кулыга» означает – расчищенная лесная поляна,
- в выражении «ни богу свечка ни черту кочерга» слово «кочерга» означает – лучина для освещения,
- в выражении «ни кола ни двора» слово «кол» означает – полоса пахотной земли шириной в две сажени?

Но бывает, что затемнение внутренней формы фразеологизма приводит к его переосмыслению. Модная сейчас в газетах идиома «власть предержажие», то есть власть держащие, власть имущие, впервые зафиксировано в тексте «Остромирова евангелия» (1056). Это даже не русский язык, а древнерусский – общевосточнославянский. Тысячу лет назад слово «власть» означало – страна, область (сравните – волость), а слово «предержажие» означало – управляющие. Древнее значение оборота «власть предержажие» – управляющие страной, волостью, новое значение – власть имущие. Значение изменилось, форма осталась прежней.

Но чаще затемнение значения фразеологизма приводит к искажению его формы. Идиома «взять в оборот» – это искаженное «взять в оброть»: оброть – часть упряжи лошади (от слова «рот»).

Во фразеологизмах, как и в лексике, идет непрерывный процесс изменения, трансформации, который современниками этих изменений оценивается как искажение. Искажения – это ошибки, и с ними надо бороться. И на наших глазах происходят такие искажения-изменения. Литературный редактор должен их знать. Мастерство редактора в данном случае заключается в том, чтобы различать: какой процесс закончился, и трансформация превратилась в узаконенную ошибку, а какой процесс еще идет, и деформация признается ошибкой.

В качестве иллюстрации опишем четыре распространенные деформации фразеологизмов и поговорок⁶⁷.

1. Фрагменты из газет: «пока кипит сыр-бор», «стоит ли поднимать сыр-бор», «сыр-бор начался», «зачем сыр-бор городить», «зачем затевать сыр-бор». *Здесь ни одного правильного употребления фразеологического оборота.* Более того, авторы этих фрагментов даже не подозревают что «сыр-бор» – это сырой бор, сырой лес. Выражение столь древнее, что в нем законсервировано краткое прилагательное да еще с существительным (в современном русском языке краткие прилагательные употребляются только с глаголами). Настоящий фразеологизм – «разгорелся сыр-бор».

2. Фрагменты из газет: «солидную лепту в загрязнение воздуха вносит вагоноремонтный завод», «вносят свою лепту в канцелярское усовершенствование русского языка и спортивные комментаторы», «большую лепту в успех сегодняшней работы внес...», «немалую лепту в разъединение рельсового пространства вносят и таможенные барьеры».

И опять *все употребления ошибочны*, потому что «лепта» – древнегреческая мелкая медная монета. Правильный фразеологизм – «внести посильную лепту». В речевом изъяснении проявляется образовательный, культурный изъян.

3. «Вот тебе, боже, что нам негоже» – именно этим принципом руководствуются монополии, сплавляя «третьему миру» все, что не пользуется спросом в развитых странах». (Газета). «Этим и воспользовался Едигей. Убедил начальника разезда, что надо самим поехать, а то ведь пришлют – на тебе, боже, что нам негоже». (Ч. Айтматов, «И дольше века длится день»). *Боже в этих примерах ни при чем.* Правильная форма фразеологизма – «на те, небоже, что нам негоже»: небоже – убогий, нищий.

4. Стало почти общеупотребительным выражение «возвратиться в родные пенаты». Но *это невозможно сделать*, так как пенаты – античные божества дома. Неискаженная форма фразеологизма «возвратиться к родным пенатам» – калька с французского.

Борьба с подобными ошибками имеет парадоксальный характер, потому что большинство из них в конце концов победят. (Заметили: большинство... победят?) Так надо ли с ними бороться? Надо! Почему? Ответ ниже, в разделе о статистической теории языковой нормы.

1.5.2. Контаминация фразеологизмов

Это основной, по количеству, тип фразеологических ошибок. Формула такой ошибки аналогична формуле ошибки на смешение управления.

Часто смешиваются выражения «играть роль» и «иметь значение», и появляются речевые уродцы «иметь роль», «играть значение». Знаменитое выражение «две большие разницы» – это гибрид двух выражений – «две разные вещи» и «большая разница». Иллюстративный материал велик.

Задание 17. Найдите в каждом примере фразеологический гибрид и определите два исходных фразеологизма, которые породили этот гибрид. Сверьтесь с «Ответами...»

1. Однако сбрасывать это обстоятельство со счета еще преждевременно. (Газета).

2. Мне предстояла встреча с ребятами 16–18-летнего возраста, которые заканчивают среднее образование. (Газета).

3. Они давно потерпели инфляцию. (Ю. Бондарев, «Берег»).

4. Голубеву за подвиг, проявленный при защите ленинградского неба, присвоено звание Героя Советского Союза. (Газета).

5. Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой натуре самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний. (Ч. Айтматов, «И дольше века длится день»).

6. Ну и влипли же мы в переплет под станцией Уманской! (А. Толстой, «Хождение по мукам, прямая речь»).

7. Вот над чем, мне кажется, стоило бы задуматься критикам, поспешающим порой выносить свой суд на основе «железных» законов того или иного жанра». (Ю. Семенов, газета).

8. Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного беславья...

(Демьян Бедный, «К памятнику Александру III»).

1.6. Редакторский комментарий к теории языковой нормы

Языковая (литературная) норма – «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации»⁶⁸. Нормативному языковому варианту противостоит ненормативный, и если бы в языке не было вариативности, не было бы и необходимости в понятии языковой нормы. Вариативность пронизывает все уровни языка, непонимающим ее сути она кажется чем-то лишним, ненужным – чудовищным несовершенством языка, которое нужно и можно исправить.

Но избавиться нельзя – пока язык жив. Языковая вариативность есть след языкового развития. Рядовой носитель языка видит только современное состояние языковой системы и оценивает ее как нечто застывшее. Но язык не стоит на месте, он развивается, изменяется – очень медленно и почти незаметно для одной человеческой жизни.

Существует две причины языковой эволюции. *Первая причина* – внешняя. Жизнь изменяется, появляются новые реалии, которые требуют новых слов – так расширяется словарь. Другие реалии уходят из жизни в историю, отмирают и слова, их обозначающие – так сокращается словарь.

Вторая причина – внутренняя. Язык сам со временем изменяется. Двигатель этого внутреннего изменения языка – языковая вариативность. В плане культуры речи варианты делятся на старые и новые. Например, если вы встретите в романе современного писателя выражение «ни за какие блага», то сочтете это за ошибку. И будете совершенно правы. Но это словосочетание взято из «Записок охотника» И. Тургенева, и тогда, в середине XIX века, именно этот вариант считался правильным, а вариант «ни за какие блага» был на периферии русской литературной речи.

Если с высоты нашего времени окинуть беглым взглядом историю русского языка, то откроется любопытная картина. Рассмотрим в этой картине несколько эпизодов.

В повести А. Чехова «Дуэль» (1881 год) встречаются такие слова и выражения: одежда, критериум, зала, по-полустакану, вверх тормашкой, паразитная жизнь, холерная микроба и другие. С современной точки зрения это ненормативные речения, устаревшие варианты. Всего в повести 30 таких слов. На 30 тысяч словоупотреблений (таков словесный объем произведения). То есть в повести Чехова «Дуэль» 0,1% всех словоупотреблений составляют морфологические архаизмы.

В повести Л. Толстого «Два гусара» (1856 год) доля архаизмов вырастает до 1%. Вот некоторые из них: четвероместная карета, энергический голос, дуэлист, спросонков, в третьем годе и другие. Все это устаревшие варианты с нашей точки зрения.

У А. Пушкина в повести «Пиковая дама» (1833 год) уже 2,3% морфологических архаизмов: распухлые ноги, потаенная лестница, угольный (то есть угловой) дом, пузастый мужчина, осьмидесятилетний, вчерась, сертук, будучи в душе игрок и т.д.

В повести Н.Карамзина «Бедная Лиза» (1792 год) архаизмов еще больше – 5,5%.

Это лишь отдельные ориентиры в массиве русской литературы. И, конечно, четыре произведения ни в коей мере не дают полного представления об изменении русского языка на протяжении двух веков. Это пунктир, но и он позволяет судить о многом, особенно если изобразить его графически (см. рисунок).

Увеличение степени грамматической архаичности русского языка за два века

С удалением от наших дней степень архаичности русского языка возрастает, и наконец наступает предел, за которым современный читатель перестает понимать родной, но устаревший язык. Требуется переводчик. «Слово о полку Игореве» читается в переводе, там морфологические архаизмы составляют приблизительно 2/3 всех слов. А вы помните: этот литературный памятник находится за пределами русского языка.

Движение, изменение русского языка, отраженное на рисунке, есть итог борьбы языковых вариантов. Эта борьба постоянно обновляет язык: новое приходит, а старое уходит. Языковые варианты существовали всегда, и будут существовать всегда, пока жив язык.

Таким образом, языковая вариативность – это способ постоянного внутреннего обновления языка, его движения, развития. Язык – это саморазвивающаяся система, которую можно сравнить с живым организмом. Пока язык жив, он полон вариантами. Удалить языковую вариативность – значит, прекратить развитие языка, значит, убить язык.

Живым носителям живого языка остается одно – приспособиться к постоянному обновлению языка, к языковой вариативности и понять механизм, который ею управляет.

А механизм, который ею управляет и есть языковая норма.

Нужно различать собственно языковую норму, которая объективна и о которой можно судить, наблюдая за языком, в том числе и измеряя его, и кодификацию языковой нормы, которой занимаются лингвисты: составители грамматик и словарей, учителя-словесники и, наконец, литературные редакторы. Людям свойственно ошибаться и в любом нормативном словаре можно найти несколько десятков рекомендаций, с которыми хочется поспорить, – они субъективны.

Рекомендации кодификаторов осуществляются с помощью словарных помет. Но беда в том, что нет единой системы таких помет, и от одного словаря к другому пометы меняются. Но все-таки всех их можно свести к одной иерархии на основе характера помет. Сделаем это в виде таблицы:

Типы помет			Характер помет
<i>Нормативные</i>	<i>Стилистические</i>	<i>Хронологические</i>	
нормативное	книжное	традиционное устаревающее	одобряющие разрешающие
и допустимое	разговорное	или новое	
не	просторечное	устарелое или новейшее	запрещающие
	ошибка		

Для литературного редактора сигналом к редактированию служат запрещающие пометы. Разрешающие пометы будут относиться к стилистическим особенностям автора текста.

Динамическая картина борьбы языковых вариантов и позиций кодифицирования языковых норм может быть представлена в виде идеальной, усредненной схемы (см. рисунок). Эта схема отражает соотношение объективных, стихийных языковых норм – они выражены статистически, процентами – и норм кодифицированных – они выражены пометами: нормативными, стилистическими и хронологическими.

Исходная, *нулевая позиция* – отсутствие варианта какого-либо языкового явления. Например, украинские фамилии на *-енко* в начале XIX века в русском языке склонялись. Несклоняемого варианта, который сейчас господствует в русском языке, не существовало. Пушкин последовательно склонял все такие фамилии. Это был конец эпохи, когда склонялись почти все иноязычные фамилии и вообще все иностранные слова (у Карамзина: Отеллу, какао, в розовом домине).

Первая позиция – появление варианта в языке. Новейший вариант в языке – это почти всегда ошибка, вернее он так оценивается. Это отметил еще полвека назад чешский лингвист В. Матезиус: «развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимаются как ошибки...» Если ошибка получает распространение, ее причину надо искать не в людях, а в самом языке.

Идеальная схема борьбы языковых вариантов и позиций кодифицирования языковой нормы

Здесь уместно провести аналогию с генетикой. Языковые ошибки подобно мутациям – внезапным и резким наследственным изменениям признаков и свойств организма. Благодаря мутациям обеспечивается эволюция вида. Благодаря мутациям обезьяна превратилась в человека. Мутации – это механизм эволюции животного мира. Языковые ошибки – это механизм эволюции языка.

Условимся считать языковыми ошибками варианты, дающие не более 5% употребления. Соответственно старый, традиционный

вариант, пока что непоколебимо нормативный, даст не менее 95% употреблений.

Если в языке появилась какая-то нежелательная, но упрямая ошибка, значит, в языке начался процесс, началась борьба двух вариантов, которая на этом, первом этапе еще не осознается как борьба: существует правильное решение, но в противовес ему появился какой-то языковой уродец – объект культуры речи. Он бракуется учителями-словесниками, оценивается весьма негативно словарями (созыв не созыв), исправляется редакторами, но тем не менее упорно существует. На этой позиции кодификаторы еще могут остановить нежелательное языковое явление. Дальше будет труднее.

Первые попытки не склонять фамилии на *-енко* появились в русском языке приблизительно в середине XIX века. Они противоречили правилам грамматики и оценивались как грамматические ошибки.

Раньше в XVI, XVII веках, когда не было лингвистов, когда некому и некуда было писать темпераментные письма о порче русского языка, ошибки получали распространение и вытесняли старый вариант гораздо легче и быстрее. Выше было продемонстрировано достаточное количество узаконенных ошибок.

Вторая позиция – ошибочный вариант получает распространение, его употребительность увеличивается и переходит условную отметку 5%. В словарях такие варианты приводятся с пометами «не» и «просторечное». Пример – склонение собирательного числительного «обе» по мужскому роду: *обоих стран, обоих рук*. В газетных текстах этот вариант дает чуть более 5%. Это значит, что в языке идет процесс родовой унификации склонения числительных «оба», «обе». Кто победит – языковая стихия или кодифицированная норма – сказать трудно. Но бесспорно: именно благодаря запретам лингвистов процесс развивается очень медленно.

Словоформы «слесаря» (11%), «в МИДе» (13%) тоже пока следует признать просторечными, хотя они очень агрессивны и их конечная победа почти не вызывает сомнений.

Склонение фамилий на *-енко* перешло в разряд просторечия, то есть стало употребляться в массовой городской некодифицированной речи, в начале второй половины XIX века.

Третья позиция – употребительность просторечного варианта возрастает. Тогда составители словарей отступают и снабжают новый вариант пометой «разговорное» или даже «допустимое», что для литературного редактора одно и то же. Это означает, что вариант допущен в бытовой литературный диалог.

Граница между просторечными и разговорными явлениями зыбка и неопределенна. Для статистически измеренных вариантов «разговорное» можно было бы ограничить снизу 20%, а сверху 40%. Это приблизительные границы, которые предлагаются впервые.

В разговорную зону проникло слово «кофе» в среднем роде (35%), винительный падеж (вместо родительного) существительного-дополнения при глаголе с отрицанием: *не ел хлеб* (вместо: *не ел хлеба*) – 28%.

Склонение фамилий на -енко стало разговорным вариантом в последней трети XIX века.

Наконец употребительность разговорного варианта настолько возрастает, что он начинает конкурировать на равных со старым, нормативным вариантом. Это **четвертая позиция** кодификации: пора признать равноценность обоих вариантов и снабдить их пометой «и» (околесица и околёсица). Употребительность каждого варианта заключена в пределах 40–60%.

Для фамилий на -енко равновесие склоняемого и несклоняемого вариантов наступило в конце XIX века. В прозе Чехова найдем употребление и того и другого.

До сих пор с ростом употребительности нового варианта менялась его нормативно-стилистическая оценка: ошибка, просторечное, разговорное, равноценное. В тоже время старый вариант, постепенно уменьшаясь количественно, не изменялся качественно – оставался нормативным, традиционным. После прохождения равновесной области происходит перемена знаков: новый вариант становится нормативным и воспринимается теперь как традиционный, а старый вариант оценивается как разговорный или допустимый. Так старый вариант управления «купить молока» (родительный падеж, 43%) уступил место варианту «купить молоко» (винительный падеж, 57%). Старый вариант «мало снегу» (25%) вытеснен новым вариантом «мало снега» (75%) в разряд разговорных, устаревающих.

В **пятой позиции** новый вариант – книжный, традиционный, а старый – разговорный, устаревающий.

В **шестой позиции** старый вариант переходит в разряд просторечий. Например, формы местоимений «мною», «тобою» (14%), уступили место формам «мною», «тобой» (86%) и в ближайшие десятилетия окончательно устареют.

Фамилии на -енко в наши дни склоняют только 5% людей, преимущественно старейшего возраста или испытавших влияние украинского языка, где такие фамилии склоняются. В русском языке склонение таких фамилий находится на грани просторечия и языковой ошибки. В начале следующего века оно станет бесспорной ошибкой. Это будет **седьмая и последняя позиция** кодификации языковой нормы. Процесс конкуренции двух языковых вариантов закончится, и тогда можно будет сказать, что он продолжался полтора века или чуть более.

Таков **полный цикл борьбы вариантов** – движения языковой, стихийной нормы и смены позиций ее кодификации. Это идеальная, усредненная схема с условным временем. Конкретное время существования и борьбы вариантов может быть и пятьдесят лет, и двести.

Литературному редактору важно понимать стилистическую шкалу оценки борющихся вариантов. В ее начале – бытовая речь, а в конце – книга. «Все изменения языка... куются и накаплиются в кузнице разговорной речи» (Л.В. Щерба). «Пусть книга способствует неподвижности языка, зато живая речь – всегда фактор движения» (Марк Блок). Новый вариант, если он принят языком, если он вытекает из часто необъяснимой языковой потребности, начинает свое победное восхождение по

статистической лестнице к ее вершине – от бытового разговорного языка к кодифицированному книжному литературному. И литературный редактор, квалифицированный литературный редактор, должен уметь оценить каждое вариативное языковое явление. А таких явлений, зафиксированных всеми нормативными словарями не менее 150 тысяч, в среднем одно на 20 слов речевого потока, то есть один вариант на одно предложение.

1.7. Авторская речевая вольность

Авторская речевая вольность выражается на уровне слова и словосочетания. На уровне слова – это, во-первых, *необычные употребления слов*, которые сводятся к метафоре, метонимии, иронии и каламбуру, а во-вторых, окказионализмы – *придуманные автором слова*. Это всё лексико-семантические явления, и с точки зрения редактирования здесь нет проблем – разве что метафора неудачная.

На уровне словосочетания – это *намеренные нарушения норм сочетаемости слов*, которые могут быть двух типов: *нарушение семантических норм сочетаемости* и *нарушение грамматических норм сочетаемости*. Семантическая несочетаемость слов порождает катахрезу или оксюморон, которые можно считать разновидностями алогизма. Они были рассмотрены в разделе логических ошибок. А вот *намеренные нарушения грамматических норм сочетаемости слов составляют особую проблему стилистики и литературного редактирования*.

Проблема эта называется очень старым, из античных времен, термином «**солецизм**». Он происходит от названия города Сола (или Сол), греческой колонии в Малой Азии, где вследствие национальной пестроты греческий (аттический) язык утратил свою чистоту. Хотя термину более двух тысяч лет, он неоднозначен: разные авторы трактуют его по-разному⁶⁹. Вычленим главное и бесспорное.

Термин «солецизм» одновременно обозначает грамматическую ошибку (авторскую глухоту) и стилистическую фигуру (авторская вольность). А граница между ними часто зыбка, ее определение субъективно. То, что литературный критик считает у поэта ошибкой, сам поэт считает намеренным нарушением языковой нормы, на которое он имеет право.

Вообще-то, критерий оценки нарушений грамматики существует. Вот он: «...В принципе возможны два отношения к норме... При одном отношении действует постулат: все, что не разрешено в явном виде (например, не внесено в нормативный словарь и/или грамматику), считается запрещенным, а при другом, наоборот, все, что не запрещено в явном виде, считается разрешенным. Первая тактика характерна для нормативной стилистики и в особенности для деятельности литературных редакторов... Вторая тактика встречается в поэзии...»⁷⁰

Но на практике, особенно в поэзии, это научное правило работает слабо. В словарях в качестве иллюстраций приводятся примеры из классиков, причем приводятся только явные грамматические дефекты:

«Внемли с улыбкой голос мой» (А. Пушкин),
«Из пламя и света Рожденное слово» (М. Лермонтов),
«Стреляем зверь да птицы» (А. Толстой).

Рядовому поэту за такие ошибки непоздоровится.

Но если мы переходим от поэзии XIX века к газетной речи XX века, то проблема грамматической неграмотности не выглядит столь уж сложной. А уж в разговорной речи мы без труда отличим ошибку (сколько время?) от приема (его ушли с работы). Критерий авторской вольности – намеренность, выделенность, которые хорошо ощущаются слушателем, читателем. Если этого ощущения нет, то это ошибка. Если же автор утверждает, что у него было такое намерение, а читатель (редактор) его не уловил, то прав не автор, а читатель (редактор). Это должно быть законом, но при одном условии: читатель должен быть во множественном числе – тогда будет исключен субъективизм. А так как редактор все равно остается в единственном числе, то для него и проблема остается. Вырывают языковое чутье, опыт, квалификация и авторитет.

Современные русские солецизмы совсем иного рода, чем грамматические то ли ошибки, то ли приемы XIX века. Тогда, 150 лет назад, ни у поэтов, ни у прозаиков не было вкуса к нарушениям грамматики, хотя Пушкин и утверждал в «Евгении Онегине»:

«Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю».

Теперь же этот вкус есть даже у рядовых носителей языка. Изменилась языковая ситуация, ибо появился целый город, производящий грамматические неправильности. Этот город – Одесса.

Речевые неправильности одесситов получили всероссийскую, всесоюзную известность и популярность. Этому способствовала известность и популярность самой Одессы как особого города России, СССР. До революции Одесса была, своего рода, порто-франко – свободным портом. В годы советской власти Одесса была романтизирована, не без помощи «Одесских рассказов» И. Бабеля, а позднее превратилась в символ свободы: вспомним песню В. Высоцкого «Москва – Одесса». Одесская свобода в языке заменяла всю остальную свободу.

Язык одесситов как явление чисто лингвистические получил свою особенность от многонациональности города. На русском языке, кроме самих русских, говорили украинцы, евреи, греки, молдаване, немцы. Одесса на окраине России стала историческим аналогом города Сола на окраине Эллады, поэтому русские *солецизмы* можно называть *одессизмами*.

М. Жванецкий назвал язык Одессы «прелестно-безграмотным». Это очень точное определение: речевая безграмотность воспринимается как некое достоинство речи. Заметим: точно так же мы оцениваем ошибки детской речи.

Даже после распада СССР культурная близость Одессы к России заметна без труда, а языковая ситуация в городе остается прежней. «На опросе, недавно проведенном в городе, девяносто пять процентов населения, где большинство составляют украинцы,

признало своим разговорным языком русский. Горсовет принял решение о делопроизводстве на языке, который предпочитает большинство граждан Одессы»⁷¹.

Хотя речевые неправильности в русском языке одесситов – результат влияния многих языков, все-таки основной их источник имеет еврейское происхождение. После опубликования «Одесских рассказов» Бабеля содессизмами познакомилась вся страна, и они вошли в русский язык как шуточные фразеологизмы. Вот некоторые цитаты из бабелевских рассказов:

«Я имею сказать вам пару слов»; «Я плачу за дорогим покойником»; «И живите до сто двадцать лет», «Говори сюда»; «Мне надо до Бени»; «Беня узнает за это»; «И пусть вас не волнует этих глупостей»; «Об чем вы думаете? Об выпить рюмку водки?»; «Возьми мои слова и начинай идти».

По образцам бабелевской прозы стали создавать шуточные выражения далеко от Одессы: «слушайте сюда», «есть с чего посмеяться», «что вы из-под меня хотите?» и т.п.

В языке появилась модель, но она не заработала бы, если бы у русского народа не было бы в ней потребности. Зерна упали на благодатную почву. Любовь к алогизмам у русского народа – это, своего рода, национальная особенность, а солецизм – это алогизм в грамматике.

Одесские корни грамматических неправильностей осознаются настолько отчетливо, что одессизмы в речи маркируются, особо выделяются – для этого появилось выражение «*как говорят в Одессе*». Один из первых вариантов этого выражения можно найти в книге К. Паустовского «Золотая роза» (1955 год): «...Как говорят одесситы, «сойти на нет»...»

Несколько разных примеров:

«Как говорят в Одессе, две большие разницы». (Бытовая речь).

«Как говорят в Одессе: чтобы вы нам все были здоровы». (Телевизионный репортаж из Одессы).

«Зачем нам этих неприятностей? – как говорят в Одессе». (Газета).

«Возвращение Надеина, как говорят в Одессе, очень сильно усилило ослабленный газетный юмор». (О возвращении Надеина в «Известия», интервью М. Жванецкого в «Известиях» 18 марта 1992 г.). Здесь, как видите, плеоназм, а не грамматическая ошибка, катахреза, а не солецизм. То есть Жванецкий понимает солецизм широко, как любую речевую неправильность.

Одно критическое высказывание. Кинорежиссер Кира Муратова, живущая в Одессе, заметила в телепрограмме «Намедни» (16 апреля 1994 г.): «В одесском юморе нет индивидуального: все шутят одинаково». Точное наблюдение. Вывод для литературного редактора: одессизм хорош в речи как украшение, если его много (извините за одессизм), то речь становится однообразной и вычурной.

2. НОРМАТИВНО-СТИЛЕВЫЕ ОШИБКИ

Кроме языковой нормы, точнее бы ее называть литературно-языковой, ибо это норма литературного языка, противопоставленного нелитературным разновидностям национального языка (городскому просторечию, диалектам, жаргонам), – так вот, кроме языковой нормы существуют нормы стилевые.

Русский литературный язык многослоен, он состоит, как вам известно, из *пяти функциональных стилей*. Внутреннее единство, системность каждого стиля поддерживается стилевыми нормами. Обобщенно: *стилевая норма – это совокупность речевых средств, преимущественно употребляющихся в данном функциональном стиле*. Здесь важно слово «преимущественно», ибо стилевая принадлежность того или иного языкового элемента имеет вероятностно-статистический характер, а не абсолютную привязанность. Например, наибольшая средняя длина предложения – в официально-деловом стиле, но это не означает, что в других стилях не встречаются очень длинные предложения.

Кроме стилистически отмеченных элементов языка существуют и нейтральные, универсальные элементы, которые могут встретиться в любом функциональном стиле, хотя и с разной частотой.

Если бы не было стилевых норм, не было бы и разделения языка на функциональные стили. Как Солнце удерживает планеты на орбите вокруг себя, так и стилевая норма удерживает специфические языковые элементы в пределах стиля.

Нарушение стилевой нормы порождает нормативно-стилевую, или просто стилевую ошибку. Не стилистическую!

В печатной продукции, с которой имеет дело литературный редактор, нормативно-стилевые ошибки, в отличие от нормативно-языковых, встречаются очень редко. И это, на первый взгляд, странно. Ведь овладение функциональными стилями и, соответственно, их нормами, это второй этап освоения языка. Первый – овладение общими нормами литературного языка, языковыми нормами. Но дело в том, что на втором этапе меньше трудностей, ибо уже фронт речевой деятельности. Кроме того, в каждом функциональном стиле выступают специалисты, которые хорошо знают свое дело и язык этого дела. Неприятности возникнут, когда, например, юрист, без труда составляющий сложнейшие, с языковой точки зрения, юридические документы, попытается написать газетную статью. А это занятие требует знания норм публицистического стиля. Не говоря уж о навыках журналистской работы. Короче, нормативно-стилевые ошибки допускают, как правило, дилетанты, выступающие в незнакомой для них области языка.

Нормативно-стилевые ошибки могут быть двух типов, которые, к сожалению, не имеют названий. Назовем их *внутристилевыми* и *межстилевыми*, закрыв глаза на некоторую ущербность такой номинации.

2.1. Внутрителиевые ошибки

Внутрителиевая ошибка – это нарушение какой-либо стилиевой нормы, не приводящее к стилиевому смещению. Это важно вычленить, ибо подобную неграмотность на уровне стилия можно рассматривать и как нормативно-языковую ошибку, искажающую речевой фрагмент, характерный именно для данного стилия, а не для всего литературного языка. Приведем три характерных примера.

Первый – из рассказа Л.Толстого «Рубка леса». В этом рассказе Толстой отошел от художественного стилия и попробовал использовать в художественных целях стилий деловой, требующий точного словоупотребления, часто дробного синтаксиса и соответствующей графики. Оказалось, что деловым стилием писатель владеет плохо. Поэтому он наделал элементарных ошибок. Найдите их сами в следующем фрагменте рассказа:

«В России есть три преобладающие типа солдат, под которые подходят солдаты всех войск: кавказских, армейских, пехотных, кавалерийских, артиллерийских и т.д.

Главные эти типы, со многими подразделениями и соединениями, следующие:

- 1) Покорных.
- 2) Начальствующих и
- 3) Отчаянных.

Покорные подразделяются на а) покорных хладнокровных, в) покорных хлопотливых.

Начальствующие подразделяются на а) начальствующих суровых и в) начальствующих политичных.

Отчаянные подразделяются на а) отчаянных забавников и в) отчаянных развратных.»

Сколько ошибок нашли? Что нужно исправить?

Ошибки сосредоточены только во втором абзаце. В исправленном виде он должен выглядеть так:

«Главные эти типы, со многими подразделениями и соединениями, следующие:

- 1) покорные,
- 2) начальствующие и
- 3) отчаянные.»

Итого семь исправлений, но ошибок две: восстанавливаем нарушенное согласование (следующие – покорные, начальствующие, отчаянные); исправляем точку на запятую, а заглавные буквы на прописные, так как у автора одно предложение.

Есть еще две мелочи, к которым можно придраться и которые вы, наверняка, пытались отредактировать. Во-первых, лучше «три преобладающих типа солдат»: тонкое правило русского языка и сейчас и во времена Л. Толстого различает два согласования прилагательного с существительным при числительном в зависимости от рода существительного: две глубокие лужи – два глубоких пруда. А. Чехов такие тонкости улавливал, Л. Толстой на них, кажется, не обращал внимания.

Во-вторых, из трех подразделений а) и в) в первом случае Толстой соединяет их запятыми, а во втором и в третьем союзом «и». Непоследовательно.

Но подобные мелочи найдем у любого автора и в большом количестве. Оставим их как особенности авторского, индивидуального стиля. Редактирование не должно превращаться в разглядывание текста в микроскоп.

Второй пример – из официально-делового стиля советской эпохи. Это фрагмент решения III Ленинградской областной конференции ВКП(б), июнь 1930 года. Найдите ошибку:

«На основе развертывания колхозов, организации конных и тракторных станций и дальнейшего, все более решительного наступления на кулачество необходимо добиться еще большего развертывания исистематического качественного закрепления колхозного строительства, исходя при этом из расчета проведения в основном коллективизации области к концу 1932/33 г.»⁷²

Перед нами образец усложненного канцелярского стиля. Автор зарапортовался и из-за сложности предложения впал в тавтологию. Она открывается, если обнажить скелет конструкции: «*на основе развертывания ...добиться еще большего развертывания*». Ошибка, достойная, как минимум, улыбки, а как максимум, сатирической пародии.

Вообще для официально-делового стиля главная проблема – это проблема понимания текста, имеющего самый сложный синтаксис и специфическую лексику. Эти тексты не рассчитаны на массового читателя, которому приходится самостоятельно продираться сквозь стилистические сложности. Явление это актуально не только для русского языка. Пример из языковой ситуации в соседней Финляндии.

«Финские служащие обязаны в соответствии с новым предписанием обращать особое внимание на стиль своей устной и письменной речи. Дело в том, что в бюро национального языка в Хельсинки участились жалобы от населения. Суть их сводится к одному – «бюрократический» стиль слишком далек от общеупотребительной речи и труден для понимания. Привычка служащих изъясняться на тяжеловесном, запутанном языке приводит подчас к тому, что граждане Финляндии с большой неохотой обращаются в какие-либо учреждения»⁷³.

В русском языке проблема официально-делового стиля не столь остра, но утрирование его особенностей ощущается остро, и высмеивалось неоднократно. О чем ниже будет сказано подробнее.

Третий пример из графоманской поэзии – строки стихотворения, напечатанного в стенгазете одного ленинградского НИИ в 1970 году:

Комса семидесятых!
Держи равенье на
Буденновцев отряды
Под стягом Октября
Хоть юбилей сегодня,

Не речи нам нужны –
Дела, чтоб были сходны
С предшествующими.

Это очень искреннее стихотворение, написанное очень молодой девушкой, но вызывающее очень смешной эффект. Оставим в стороне эстетическое несовершенство стихотворения, остановимся на двух нарушениях стихотворных норм, которые в основном и вызывают комическую реакцию, но которых вы ни указать, ни объяснить не сможете, ибо это требует специальных знаний.

Первое нарушение: оказалось разорванным на два стиха предложно-именное сочетание (на // Буденновцев отряды). В поэзии возможно несовпадение синтаксического членения текста с графическим, а значит и с паузационным. Это называется – перенос. Он может иметь самые разные формы, в том числе и необычные:

...говорю с тобою – но
Слова мои как тень проходят мимо. (М. Лермонтов).

Но все они намеренны, сознательны, так как перенос – поэтический прием. А в стихах из стенгазеты – простая ошибка, вызванная неумелой подгонкой речи под стихотворный размер. Короче, это авторская глухота, а не авторская вольность.

В стихах есть и второе нарушение стихотворных норм: при общем невладении рифмой (семидесятых – отряды; сегодня – сходны) автор рифмует целый стих с одним словом, равным стиху по слоговому объему (не речи нам нужны – предшествующими). Это само по себе уже необычно, но, кроме того, мужская рифма потребовала перенесения в этом длинном слове ударения на последний слог: предшествующими. Комическая реакция читателя обеспечена.

Таким образом, внутрстилевые ошибки – невладение конкретным функциональным стилем, неумение писать этим стилем. Особенно остро эта проблема стоит в научно-популярном стиле – в научно-популярных журналах, статьи в которые пишут специалисты, владеющие научным стилем, но слабо знакомые с инструментарием научной популяризации. Это очень специальная проблема, которая здесь может быть только названа.

2.2. Межстилевые ошибки

Под этим неуклюжим термином следует понимать **ошибки, основанные на нарушении межстилевых границ, на проникновении элементов одного функционального стиля в систему другого стиля.**

2.2.1. Простой пример. На первых моделях городских автобусов «Икарус», которые поставляла в СССР Венгрия, над дверями были краткие таблички: «Осторожно! Вовнутрь открывается». Ясно: сочинил этот текст венгр, учившийся в Советском Союзе. В трех словах две тонкие стилевые ошибки. Во-первых, «вовнутрь» – просторечное слово, а стиль объявления официально-деловой. На месте просторечия должно быть

нейтральное, литературное «внутри». Но и после редактирования остается небольшой стилистический дефект – обратный порядок слов («внутри открывается») явно разговорного происхождения, сообщающий словосочетанию и всему краткому тексту легкую экспрессию, которая противопоказана официально-деловому стилю. Это во-вторых. После второго исправления получается грамотный, правильный вариант: «Осторожно! Открывается внутри».

Мы исправили две стилевые ошибки, которые образовались в результате внешнего воздействия на стиль, в результате проникновения в официально-деловой стиль чуждых ему стилистических элементов разговорно-просторечного характера. Этот тип ошибки можно назвать – **разговорное в книжном**. Так его называет О.Б. Сиротина в книге «Русская разговорная речь» (М., 1983).

Это очень редкие ошибки. Их допускают или не очень грамотные люди, или иностранцы. Случаются промахи и образованных людей, но только в том случае, если просторечное слово слабо отмечено, не осознается как стилистически сниженное. Разобранное слово «вовнутрь» – как раз такое. Но даже если не сработало языковое чутье, должно было сработать чутье критическое: «вовнутрь» – наглядный грамматический плеоназм.

Грамматические плеоназмы были рассмотрены нами в разделе логических ошибок на примере иностранных слов типа «рельсы» и «битлзы». Они были все стилистически нейтральны. Русские же грамматические плеоназмы почти все стилистически отмечены (кроме литературного «вовне»). Редактор должен иметь в голове список таких слов. Иногда они представляют собой контаминацию двух слов: *напостоянно* (навсегда и постоянно), *напополам* (надвое и пополам). Обычно же плеонастический элемент выступает в качестве своеобразного грамматического усилителя – как в наречиях: *завсегда*, *зазря*, *задешево*, *задаром*. В народной поэзии встречаются плеонастические предлоги: *для-ради*, *с-из*. Это уже диалектизмы, их попадание в текст официально-делового стиля имеет нулевую вероятность.

Газетная речь, хотя и относится к книжным стилям, охотно принимает в себя разговорно-просторечную лексику, выполняющую в публицистическом стиле экспрессивную функцию. Иногда для этой цели используются даже диалектные слова. Но грубая лексика в газете – это и не выразительный прием и не стилевая ошибка. Это просто бескультурие.

2.2.2. Противоположный тип ошибки – **книжное в разговорном** – впервые подробно описан К. Чуковским в книге «Живой как жизнь» под названием **канцелярит**, от которого нет смысла отказываться.

Чуковский образовал этот термин по модели: дифтерит, бронхит, гастрит и т.д., то есть – *это канцелярская болезнь языка*. И из всех стилевых ошибок канцелярит – самый распространенный класс. Начнем с простого примера из книги Чуковского. Муж спрашивает жену на прогулке: «Тебя не *лимитирует* плащ?» Слово «лимитировать» – специальное и стилистически закрепленное слово. Оно употребляется в научном и деловом стилях, а в устной

разговорной речи в интимной обстановке звучит комично. Это стилевая ошибка, канцелярит.

Очень важно понять то, что ошибки разговорное в книжном характеризуют человека с недостаточным образованием, а ошибки книжное в разговорном, наоборот, свидетельствуют о серьезном образовании. Речь интеллектуалов интеллектуальна, то есть логичная и точна, а значит, насыщена терминами даже в кухонном разговоре. Часто это достигается за счет экспрессивности, образности.

В советскую эпоху канцелярит разъедал русский язык на всех уровнях. Он проник даже в художественную литературу. Не зря же первым против него выступил художник слова. Описание канцелярита в художественной литературе лучше всего сделано в книге Норы Галь, переводчика с английского и редактора художественных переводов, «Слово живое и мертвое». Приведем выдержку из главы «Берегись канцелярита»:

«Так что же такое канцелярит? У него есть очень точные приметы...

Это вытеснение глагола, то есть движения, действия причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным) а значит – застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву.

Это нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже – родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь.

Это – обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить русскими словами.

Это – вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.

Это – тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Это бесчисленные придаточные обороты, особенно тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

Это серость, однообразие, стертость, штамп. Убогий, скудный словарь – слова сухие, казенные... Всегда, без всякой причины и нужды предпочитают длинное слово короткому, официальное или книжное – разговорному, сложное – простому, штамп – живому образу. Короче говоря, канцелярит – это мертвечина»⁷⁴.

Это написано в эпоху канцелярита. Закончилась эпоха КПСС, закончилась и эпоха канцелярита в языке. Особенно это заметно на газетной речи, которая в советское время душилась канцелярскими оборотами. Поэтому в качестве иллюстраций приведем примеры из газет того времени.

Были особые обороты, любимые журналистами:

«**Задачи** контрольной деятельности, возложенные на нас, мы **стремимся** успешно **осуществить**». Что такое «задачи деятельности»? Почему не осуществляют, а стремятся осуществить?

«**Большое место занимают в работе вопросы** контроля за рациональным использованием техники». Подчеркнутое можно вычеркнуть.

Глагол вытеснялся эрзацами и связками:

«Передовым производственным производителем **является** токарь компрессорного цеха Архипов».

«Не первый год на молочно-товарной ферме нашего колхоза **имеется** красный уголок».

«Серьезные недостатки и упущения **имеются** в атеистической пропаганде».

«Ребята **направляются** на стадион». Это из телепередачи для школьников.

Страдательные обороты и возвратные глаголы вытесняли из текста носителя действия:

«Итоги начатого на комбинате конкурса между цехами **оценивались** каждые шесть месяцев. Результаты рассмотрения **обнародовались** в специальных информационных бюллетенях, которые **размножались** в нескольких экземплярах и **вывешивались** на видных местах по территории предприятия. В бюллетенях **назывались** фамилии победителей в борьбе за экономию, кратко **освещались** их достижения и опыт».

Кто все это делал?

Главное в канцелярите даже не слова, а синтаксис. Попробуйте через него продаться в таком газетном фрагменте:

«Всю организаторскую работу, связанную с проведением в жизнь решений декабрьского Пленума ЦК КПСС, Советы народных депутатов должны направлять на осуществление широкой программы конкретных мер по выполнению планов и заданий текущей пятилетки, эффективному использованию своих полномочий по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством, обеспечения комплексного экономического и социального развития на их территории.

В материалах Пленума подчеркивалась необходимость усиления внимания практическому решению задач по повышению эффективности производства и качества работы, рациональному использованию созданного экономического потенциала, концентрации капитальных вложений на важнейших пусковых объектах и своевременному вводу в действие основных фондов, росту производительности труда, усилению режима экономии в интересах дальнейшего подъема благосостояния советского народа».

Почему этот текст нечитабелен? В основном из-за синтаксиса. Два абзаца, каждый абзац – сложное предложение. Сложность предложений в нагнетании однородных распространенных членов предложения. В первом предложении один глагол-сказуемое – «*должны направлять*», к нему сложное дополнение – «*на осуществление программы мер по*» – и далее однородные члены предложения (отглагольные существительные), в свою очередь распространенные: «*выполнению.., использованию.., обеспечению...*». Второе предложение построено аналогично.

Полный набор примет, перечисленных Норой Галь. Плюс предлог «по», который встретился трижды.

В современных российских газетах былой агрессивности канцелярита нет и следа – только отдельные элементы.

2.2.3. Скажем несколько слов и о **стилевых выразительных приемах**, чтобы отграничить авторскую вольность от авторской глухоты.

Таких приемов всего два: *стилистическое смешение* и *стилистическая пародия*. **Смешение стилей** используется часто и в художественной речи, и в публицистике и в разговоре. Самый простой пример – нарушение стилового единства иностилевым словом, как в письме Антона Чехова Александру Чехову (2 января 1889 года):

«Велемудрый секретарь!

Поздравляю твою лучезарную особу и чад твоих с Новым годом, с новым счастьем. Желаю тебе выиграть 200 тысяч и стать действительным статским советником, а наипаче всего здравствовать и иметь хлеб свой насущный в достаточном для такого обжоры, как ты, количестве».

Высокий стиль нарушается грубым словом «*обжора*», рождается комический эффект.

В.Н. Вакуров даже предложил измерять такой стилистический эффект по «разности стилистических потенциалов» слов. Каждый стилистический тип слова имеет стилистический потенциал, который получает цифровое выражение. В случае столкновения двух слов из разных стилистических пластов производится вычитание их количественных показателей, представленных в таблице⁷⁵:

Стилистический тип слова:	Стилистический потенциал слова:
высокое книжное	+ 3
сугубо книжное	+ 2
умеренно книжное	+ 1
нейтральное	0
разговорное	– 1
просторечное	– 2
грубо просторечное	– 3

В письме А. Чехова грубо просторечное слово употреблено в контексте из высоко книжных слов. Стилистический эффект = + 3 – – 3 = + 6.

Стилистические пародии могут быть самыми разнообразными. Мини-пародия М. Зощенко – словосочетание «*собака системы пудель*»: пародируется техническое выражение «револьвер системы наган».

В фельетоне М. Булгакова «Торговый дом на колесах» (Гудок, 23 марта 1924) на стене кооперативной лавки висит лозунг:

«Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет мелиорацию, электрификацию, электрификацию и механизацию». Персонаж Гусев думает о лозунге: «Понять ни черта нельзя..., но видно, что умная штука».

В повести Андрея Платонова «Город Градов», сатире на зарождающийся советский бюрократизм, через весь текст проходят элементы пародирования канцелярского стиля: *«В хорошем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте...»; «Почти не имелось никакой природы на первый взгляд...», «Водка расходовалась медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке...»*

Иногда с помощью слов делового стиля авторы достигают очень тонкой иронии: «Андрей Андреевич... подошел к столу, **имея** под мышкой неизменную папку» (М. Булгаков, «Театральный роман»); «Он, директор треста, однажды утром, **имея** под мышкой портфель, ... взошел по незнакомой лестнице...» (Ю. Олеша, «Зависть»); «В полной тишине ломтик был **жеван, прижимаем** к небу, **посасываем** и медленно глотаем». (Там же).

Но в художественной литературе возможны ситуации, когда размывается граница между стилевым приемом и канцеляритом. Таких случаев много у М.Е. Салтыкова-Щедрина. Примеры можно привести даже из современной поэзии.

Задание 18. Определите для подчеркнутых слов – это канцелярит или стилевой прием? Сверьтесь с «Ответами...»

Леонид Мартынов:

«И если, никому не нужный,
Ни с кем не **согласован**,
Дождь, кутаясь в свой плащ жемчужный,
В дневной **ландшафт** врисован...»
«К нам ночь прийти мы просим позже и не спешим ложиться
На предназначенное ложе...»
«Вопросов тьма!
Больших! Глобальных!»

Константин Ваншенкин:

«И отпущенный сердцу **лимит**
Незаметно оно **перетратит**».
«Надо многое в жизни успеть
В относительно сжатые сроки».

3. НОРМАТИВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Класс таких ошибок в пособиях по стилистике и литературному редактированию не выделяется. Это очень тонкие ошибки, осознаваемые преимущественно художниками слова, которые *называют такие ошибки деликатно – шероховатостями.*

А.П.Чехов – И.А.Белому (3 августа 1887 года) по поводу его рассказа: «В стиле есть шероховатости. Наприм. Иль

один *от скуки ради...* Два *предлога*: от и ради... Или: *Беседуют два часовых...* *Толкуют двоечасовых* – так было бы звучнее и литературнее...»

В русской культуре художественная литература всегда занимала авторитетное место. Соответственно и язык художественной литературы обладает высоким авторитетом и у читателей, и у лингвистов-кодификаторов, и у журналистов. Журналистское образование у нас до сих пор имеет одной из опор – изучение мировой литературы. Предъявление высоких требований к языку СМИ в России, в отличие от Запада, явление традиционное и неоспариваемое. Поэтому эстетические критерии оценки нехудожественных разновидностей русского языка следует признать актуальными, хотя и не столь строгими, как в языке прозы, не говоря уж о поэтическом языке.

М. Горький как редактор исправлял у начинающих писателей восемь типов ошибок⁷⁶. Три из них традиционны: 1) фактические ошибки от незнания, 2) неправильное построение фразы, порождающее логическую ошибку и 3) неверное словоупотребление. Пять остальных – это нормативно-эстетические ошибки (*погрешности, шероховатости*): 1) *неблагозвучность речи (дисфония)*, 2) *случайная рифма в прозе*, 3) *многословие*, 4) *неудачное сравнение, метафора* и т.п., 5) *красивости*.

Если существует и широко представлена эстетическая оценка языковых явлений, значит, существуют эстетические нормы речи, наряду с языковыми (литературными) и стилевыми. Они нигде регулярно не описаны и бытуют в практике как бы факультативно. Но они есть. И если тот или иной автор или редактор не имеет о них понятия, то это проблема его профессионального уровня, а не проблема русского языка.

Опишем нормативно-эстетические ошибки подробно.

3.1. Фонетические ошибки

Именно для них М. Горький и придумал, прежде всего, термин «авторская глухота». Эвфонические требования Горького к прозе были очень высоки. У него было ухо поэта: он видел и слышал в прозе такие мелкие недостатки, какие не каждый художник слова может проконтролировать. Поэтому для редактора, работающего в СМИ, да и для журналиста – редакторский опыт классика русской литературы – это образец, но не идеал. Для начинающих авторов уроки Горького весьма полезны.

Можно выделить три типа фонетических ошибок: *дисфонию, случайную рифму и переразложение*.

3.1.1. Дисфония.

Дисфония – греческое слово, по-русски – *неблагозвучие*. Благозвучие – эвфония.

Дисфония – нарушение норм речевого благозвучия, скопление неудобных в произношении звуков. «Такая глухота весьма обычная у молодых писателей» – М. Горький (Собр. соч., с. 414).

Горький пишет К.А. Треневу о его рассказе «На ярмарку» (1911 г.): «Вы не обидитесь, если я скажу Вам, что Ваш хороший очерк написан небрежно и прескучно?»

Первые же два десятка слов вызывают у меня это вполне определенное впечатление скуки и не могут не вызвать, ибо посмотрите, сколько насыпано Вами свистящих и шипящих слогов: св, с, сл, се, ще, ща, че, затем четыре раза сядет в уши один и тот же звук – от, от, ог, од... А за слогосочетаниями Вы совершенно не следите: «вшихся», «вшимися» – очень часты у Вас... «Слезящийся и трясущийся протоирей» – разве это хорошо, метко?» (Собр. соч., т. 29, с. 206–207).

Заметим, что дисфония формально – это случайная аллитерация. И тут авторской глухоте противостоит авторская вольность, выразительный прием.

Особенно нехороша дисфония причастий⁷⁷.

Горький: «...Язык наш... достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: *вши, вша, вшу, ща, щей*. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: «прибывшую», «проработавший», «говоривших»... вполне можно обойтись без насекомых».

Искусственный пример, демонстрирующий этот недостаток русской речи: «Из соседнего помещения доносятся звуки, постепенно нарастающие и превращающиеся в надоедающий шум, наплывающий со всех сторон на каждого находящегося в комнате».

Существует остроумная пародия В. Ардова «Суконный язык» на канцелярский стиль, в которой на первом месте – причастия:

«Лица, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решеткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, приставающие к гуляющим, бросающиеся в пользующихся произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющихся детей, едzące на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и засоряющие, являются штрафующимися».

А вот стихи А. Твардовского, в которых много «вшей», но нет никакой дисфонии, ибо скопление труднопроизносимых согласных в них не случайно, а намеренно. Это аллитерация, звуковая инструментовка стиха, соответствующая теме:

«Вспомни с нами отступавших.
Воевавши год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас».

И последнее. Скопление шипящих – особенность польского языка. Старуха Изергиль называет его «змеиным языком». Это отголосок горьковской оценки шипящих звуков. Но для поляков эта оценка не действует: в польском языке другие эстетические нормы.

3.1.2. Случайная рифма

Случайная рифма в прозе почти всегда комична, особенно в устной форме, где она звучит. Эта ошибка имеет массовый характер и говорит о том, что пишущий, как правило, не слышит того, что пишет.

В русском языке есть три типа рифм: *близкая*, *кольцевая* и *отдаленная*.

3.1.2.1. Близкая рифма – это рифма в соседних словах. *Рифма-эхо*.

Из газетных текстов: Рядом с Ленинградом... Руководство пароходства... Пенсионерка Симоненко (подпись).

Из телевизионных передач: Знакомство с партнером по переговорам... На поле брани в Афганистане... Взаимодействие на новых основах... Увеличение поборов с импортеров... Решение о приостановке забастовки... Процесс приватизации в авиации... Мы приносим извинения за изменения в программе.

3.1.2.2. Кольцевая рифма – *промежуточный тип близкой и отдаленной*. Обычно между рифмующимися словами – одно-два слова. Но обязательное условие – законченность речевого отрезка – синтагмы.

Примеры из теле- и радиопередач: Отмена товарного обмена. На Камчатке прекратятся осадки. Дипломаты проводят дебаты. Брюгге в следующем круге. Органистка – народная артистка. Мавроди до сих пор на свободе.

3.1.2.3. Отдаленная рифма *режет речевой фрагмент на две части, как на два стиха*. Между рифмующимися словами может быть от одного до пяти-шести слов.

Телевизионные примеры: Увеличение роста объемов производства. Подписано постановление о его восстановлении. План призыва под угрозой срыва. Он прибывает в Дели на будущей неделе. Выполнение заказа по добыче газа. Писатели и критики говорили о политике. Не разжигать страсти между ветвями власти. Земля, – это мать, которой нельзя торговать. Разгорелись страсти в высших эшелонах власти. Кооператив объявляет прием на курсы стрижки, макияжа, контактного массажа.

В газете случайная рифма все-таки редкое явление по сравнению с эфирной журналистикой, где много спонтанных речевых ситуаций.

3.1.3. Переразложение

Звуковое *переразложение слова или словосочетания часто приводят к двусмысленности*. В «Поэтическом словаре» А. Квятковского это явление называется *сдвигом*. Русская речь дает много возможностей для переразложения: *сосна – со сна, подарку – под арку, Илья – иль я, подругу вели – подруг увели, приходит на ум – приходит Наум, занимаюсь сверкой – занимаюсь с Веркой, пойдём подождём – пойдём под дождем*.

Из редакторской практики М. Горького:

«Он писал стихи. Хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами» – автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает «мыло».

«Сквозь чащу кустарника продирался мокрый Василий и истошно кричал: «Братцы, щуку пымал, ей-богу!»»

Первая щука – явно лишняя. Признаки такой глухоты неисчислимы в «творчестве» начинающих «писателей». (Собр. соч., т. 24, с. 414).

Не каждый редактор такое увидит. А в нехудожественной прозе, если и увидит, то навряд ли станет редактировать: слишком строгий критерий. Тем более что словари приводят примеры таких шероховатостей и у классиков. У Пушкина: «Слыхали ль вы (львы) за рощей глас ночной»; «Шуми, шуми волнами, Рона (волна Мирона)».

Редактировать нужно случаи возможного непонимания и явного комизма. Приведем такие примеры.

Телеграмма: Черти живы слоны почтой. (*Чертежи высланы почтой*).

Стихи, звучащие по радио: Так дамы (*тогда мы*) говорили о любви.

Звучащее название телефильма: Прости насат (*Прости, нас, сад*).

Радиопередача: После работы он рисовал или пил (*и лепил*).

Фраза персонажа из кинофильма: Любое крупное дело надо решать сидя намышленниками. (Поняли – *С единомышленниками*).

Телепередача: Сделано это милосердное дело людьми немощными, сраными (*с ранами*).

Объявление на ТВ: В 14 часов программа «Спутники на зрителя» (*«Спутник кинозрителя»*).

3.2. Лексические ошибки

Нарушение норм эстетики речи на уровне лексики – это *неоправданный повтор в тесном контексте слова или употребление рядом однокоренных слов*.

Какая разница между повторами слов в двух текстах?

1) Заявление заводского рабочего начальнику цеха: Всем выдали сапоги. Мне не выдали сапоги. Прошу выдать сапоги.

2) Афоризм из «Литературной газеты»: Если у человека нет чувства юмора, то у него должно быть хотя бы чувство, что у него нет чувства юмора.

В первом случае – это малограмотная речь с претензиями на логическую выразительность. Авторская глухота. Во втором случае повтор слов – выразительный речевой прием. Авторская вольность.

Как возникают ненамеренные повторы слов? Давайте разберем один пример. Это заявление крестьянина Федькина о вступлении в колхоз в 1931 году.

«**В настоящем** прошу правление **колхоза** принять в члены вышеупомянутого **колхоза**, так как я осознал **настоящее** положение и убедился, что **колхозы** есть шаги к социализму, в **настоящее** время я вступаю **вколхоз** один, без семьи, обязуюсь в

некоторый период времени убедить свою семью, чтобы таковая вступила в колхоз. **И в настоящем** вношу, что причитается мне, нашего имущества. **В чем** и прошу не отказать моей просьбе. **В чем** и расписываюсь к **настоящему** заявлению. Федькин Александр Александрович»⁷⁸.

С вершин нашего времени и нашего образования заявление выглядит комично, но не для смеха оно приведено. На нем хорошо виден механизм дефектного лексического повтора.

Повторяются три слова. Слово «колхоз» употреблено 5 раз. Это самый безобидный, самый оправдываемый повтор, потому что слово «колхоз» – тематическое слово. Без него не обойтись, его повтор неизбежен. Задача автора (и редактора) в том, чтобы употребления такого слова разредить, найти ему два синонима, а три употребления оставить. Мораль для создателей текста: даже тематические слова не должны стоять рядом, ищи синонимы.

Второе слово – «настоящий» – имеет совершенно другой характер: оно канцелярское. Автор имеет представление о том, что такие документы пишутся особым стилем, особыми словами. Но его стилистический багаж ограничен: вышеупомянутый, положение, таковой... Из их числа и слово «настоящий», которое тоже употреблено 5 раз. Этот повтор производит удручающее впечатление. За ним обнаруживается малый запас слов.

Третье слово «в чем» повторено только однажды, но в соседних предложениях. Здесь другая, третья причина дефектного лексического повтора. Это что-то вроде эффекта «ближней памяти». Его механизм такой. Автор употребил в предложении слово, тут же о нем, как будто бы, забыл и в конце предложения или в начале следующего употребляет его снова как в первый раз. После первого употребления слово не уходит в «дальнюю память», оно остается в «ближней памяти» и легко оттуда извлекается. Повтор слова не контролируется сознанием. Для литературного редактора достаточно метафорического описания явления, строгое научное описание может дать только психолингвистика.

В литературоведческих работах упоминается правило, которое приписывается братьям Гонкур: одинаковые слова должны встречаться не ближе чем через 400 слов. Здесь необходимо видеть тонкий французский юмор. Это правило невыполнимо. Но вот его модификация: «Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе чем на расстоянии 200 строк друг от друга»⁷⁹. Если и советовали, то тоже шутя.

У русских писателей эта речевая норма существовала, по крайней мере, с начала XIX века, но сформулирована была только в XX.

М. Горький – К.А. Треневу:

«Трижды в одном предложении вы употребляете слово «сторона», в нем же даете три числительных – «одной», «двух», «четвертой», и все это нагромождено в двадцати двух словах.

Нет музыки языка и нет точности». (Собр. соч., т. 2б, с. 206).

К. Федин, из ответов на анкету журнала «Литературная учеба» (1930): «...В авторской речи надо избегать частых повторов одного и того же слова...»

В одном деловом письме К. Федин показывает образец саморедактирования. Он написал фразу: «Вообще исследование Ерымовского не пройдет бесследно...» И тут же прокомментировал: «Вот Вам образец притупления слуха – «исследование» и «бесследно», нотабена для редактора...»⁸⁰ А ведь это не художественная проза, а обычное деловое письмо.

Собственный корреспондент «Известий» в США Мэлор Стуруа в одном из интервью, где американская пресса сравнилась с советской начала 1980-х годов, отметил обычный языковой дефект американских журналистов: повтор одного и того же слова в одном абзаце в американской прессе не считается погрешностью. Значит сам Стуруа – считает. Правило живет в нашей журналистике. Оно живет и в американской речевой письменной культуре. О чем свидетельствует такая информация:

«Американская фирма «Смит-Корона» выпускает портативную пишущую машинку, которая подает сигнал, если в тексте слишком часто используется какое-то слово, и даже предлагает синоним для замены»⁸¹.

Резюмируем. В русской, и мировой, речевой письменной культуре существует эстетическая норма, запрещающая повтор одного и того же слова в одном абзаце. При редактировании повторенное слово следует заменить синонимом.

Несколько примеров:

1) **Вторую** же особенность строя речи разберем во **второй** части **второй** главы. (Студенческая курсовая).

2) На этих примерах **можно** убедиться, как **можно** избежать тавтологии с помощью синонимов. (Студенческая курсовая).

3) Но если тумбочку открыть, она **попросту** развалится. Не ищите **здесь** полку для книг. Да и многого другого инвентаря **здесь попросту** нет. (Газета).

4) Это **заметно** повысило щелочность океана. Расширение континентов и увеличение площади осадков и почв **заметно** меняли условия миграции катионов. (Научно-популярный журнал).

Все это бесспорные, а в трех первых примерах грубые ошибки, требующие вмешательства редактора.

Задание 19. В трех фрагментах из книги Г.В. Обедиентовой «Века и реки» (М., 1983) допущены повторы слов не в одном абзаце, а в соседних. Нужна ли правка в каждом отдельном случае? Почему да или почему нет? Сверьтесь с «Ответами...»

1) «...Всем странам света «поклонилась» река. Только не из вежливости. Глубоки и сложны причины, заставившие Каму изменять направление. Не сразу найдешь ответ.

На карте можно найти много рек и речек, изменяющих направление. Так же ведет себя основная река Русской равнины – Волга».

2) «В мезозое лишь в низовьях реки отклонили свои русла к юго-востоку и северо-востоку. В верхнем же течении некоторые из них сохранили восточное направление до наших дней.

С карбона сохранилось восточное направление верховьев Оки, Волги, Сухоны».

3) «Вслед за отступающим палеогеновым морем Палео-Волга, передвигая устье, понесла свои воды через высохшую Прикаспийскую синеклизу и создала в миоцене дельту в районе Дагестана... В толще принесенных Волгой песчаников и алевроитов формировались залежи грозненской нефти.

Формированию мощных толщ песчаных отложений способствовал относительно сухой климат миоцента».

Ошибок на повторение слова печатная практика дает не так уж много: редакторы не дремлют. Но и устная речь такими погрешностями не изобилует. Гораздо чаще в обоих видах речи представлен другой класс лексических ошибок. Вы, наверное, заметили, что в примере авторедактирования К. Федин писатель бракует не повтор слова, а *повтор однокорневого слова*. Это не одно и то же и по частоте и по эффекту.

Повтор однокорневого слова встречается чаще, повторяющиеся слова располагаются ближе друг к другу и отрицательный эффект сильнее. Обычно такой повтор комичен и вызывает у читателя или слушателя ощущение убогости стиля автора. Здесь одновременно и языковая глухота, и языковая бедность – в общем, языковая недостаточность. Начнем с длинного примера:

«О захвате немецких торпед было **немедленно** сообщено союзникам. Черчилль просил о **немедленной** передаче одной из торпед для изучения. Доставить торпеды, **возможно**, поврежденные взрывами, в Англию оказалось **невозможно**. Союзникам предоставили **возможность** приехать в Советский Союз и изучить трофей на Балтике». (Наука и жизнь, 1987, № 2, с. 68).

Серьезная научно-популярная статья вызывает улыбку при чтении, потому что языковая глухота, языковая неряшливость автора перешли все мыслимые границы. А ведь был еще и редактор!

Редко, когда такой повтор выступает только как шероховатость.

«Особенно **сложная** ситуация **сложилась** в Кузбассе». (ТВ).

«На большей **части** европейской **части** страны погода будет дождливой». (Радио).

«**Словом, условия** проживания в отеле отличные». (Газета).

«**Поэтому по этому** вопросу я предлагаю следующее». (Устное выступление).

«**Итогом** этих переговоров стал **итоговый** документ встречи». (ТВ).

«Ее мы **включили** в **заключительную** часть». (Радио).

«Надо **расформировать** незаконные **формирования**». (ТВ).

«В фармацевтике Куба **достигла** высочайших **достижений**». (Радио).

«Он **подчеркнул**, что в этом проявляются лучшие **черты** нашего поколения». (ТВ).

«**Следует** сказать **следующее**». (Устное выступление).

«По **сведениям осведомленных** источников...» (ТВ).

«По сведениям ряда источников **прошедшие** сутки **прошли** спокойно». (ТВ).

«В **заявлении** открыто **заявлено**, что...» (ТВ).

Чаще повтор однокорневых слов порождает легкий комизм.

«Сделка была **совершена совершенно** независимо от нас». (ТВ).

«За это граждане привлекаются к **соответствующей ответственности**». (ТВ).

«Надо стараться **не злоупотреблять малоупотребительными** словами». (Студенческая курсовая).

«С его именем **связывают развязанную** кампанию репрессий». (Газета).

«Сейчас **повсеместно** возникают **совместные** предприятия». (Газета).

«**Возникает** необходимость в **возникновении** альтернативных органов». (ТВ).

«Сегодня я могу вас в этом **с уверенностью заверить**». (Радио).

«**Решено** создать комиссию **по решению** этого вопроса». (Газета).

«Эти фонды дают нам **возможность** делать **всевозможные** выставки». (ТВ).

«**Концепция** очень **концептуальна**». (ТВ).

«Шахтеры продолжают **требовать** выполнения своих **требований**». (Радио).

«**Необходимо** поставить вопрос о **необходимости** новых принципов финансирования вузов». (Устное выступление).

Особенно смешны и нежелательны такие перлы в речах политических деятелей. Вот несколько комических примеров:

«Горбачев изменился **под воздействием** внешнего **воздействия**...» (Лигачев);

«Я **рассматриваю рассмотрение** этих вопросов как...» (Руцкой);

«Пора бы **определить определенный** предел...» (Руцкой);

«Худший **результат** получается в **результате**...» (Хасбулатов);

«Вы **неправильно представляете** мое **представление** о политике». (Явлинский).

Это все устные выступления, но ведь они стенографируются и попадают на стол редактора.

Комический эффект усиливается, когда повторы приобретают каламбурный характер. Среди каламбурных повторов много разных типов. И все они случайны, а поэтому нежелательны.

Самый простой случайный каламбур образует повтор слова с прибавлением частицы «не»:

«**Качество** инсулина было настолько **некачественным...**»
(ТВ). «Я уж **не говорю**, кстати **говоря**, о характере этого человека».
(ТВ).

«Представители «Национального **согласия**» заявили о своем **несогласии** с такой позицией». (ТВ).

«Это **не повлияло** на решение **влиятельных** сил Таджикистана». (ТВ).

«**Несомненно**, в ряде случаев **сомнения** по поводу того или иного теста вполне обоснованы». (Научная статья).

«Происходит **неуклонный** рост **уклоняющихся** от выполнения конституционного долга». (Газета)

Комичны повторы, которые порождают случайную этимологическую фигуру, когда неожиданно, но не преднамеренно проясняется этимология слова:

«На этом мы и закончим *наше* интервью с Андреем *Ненашевым*». (Радио).

Несколько примеров из книги Норы Галь «Слово живое и мертвое»:

«Шапка *ухарски* сползла на одно *ухо*».

«*Предвкушение* вкусной еды».

«Он вел *машину* *машинально*».

«*Максим Грек* переводил *максимально* точно».

«Люди *на празднике* казались *праздными*».

Все известные типы каламбуров могут возникнуть в речи случайно, ненамеренно и вызвать у читателя или слушателя такую же ненамеренную реакцию.

Закончим описание нарушений эстетических норм речи нарушением самой простой и сложной одновременно нормы речи – требованием простоты, хотя эта норма и выходит за наши рамки, рамкмикроредактирования. Простота как стилистическая категория вездесуща: она проявляется и в слове, и в синтаксисе, и в образности. Кроме того, простота относительна. Ее проявления разнообразны, и не в каждую эпоху она была бесспорной нормой.

Вот бесспорный дефект образной речи в одной повести:

«Тусклым малиновым пятном с тяжелой асматической отдышкой отрывается от горизонта солнечный диск... В алмазных сполохах, в буйном жемчужном блеске идет извечная междуусобица между морозом и солнцем.»

Такая буйная образность не поощрялась никогда:

Тацит: «Все-таки много лучше одеть речь в грубошерстную тогу, чем обрядить ее в кричащее тряпье уличной женщины».

Чехов: «Можно писать о кофейной гуще и удивить читателя путем фокусов».

В. Катаев: «Надо писать просто, без всяких литературных излишеств, – в излишних описаниях всегда есть какое-то жеманство... Перегруженность сложными приемами, метафорами вредна... Слово нужно ценить на вес золота».

Но простота и сложность противостоят друг другу не только как «хорошо» и «плохо». Они еще противостоят друг другу как две эстетики: *эстетика простоты* и *эстетика сложности*.

М. Горький пишет в 1916 году письмо к В. Мартовскому, начинающему писателю: «Вы пишете слишком многословно... Возьмите для примера первую фразу: в ней у Вас насовано «как-то», «так как», «да так»... Если бы ваш рассказ читал Л.Н. Толстой, он наверное сказал бы Вам: «Нельзя в одном периоде трижды такать и дважды какать».

М. Горький в письме осуждает сложность как недостаток: начинающий писатель не умеет писать кратко. Кстати, сам Л. Толстой позволял себе в одном периоде неоднократно и такать и какать. Но это совсем другая сложность. Это эстетика сложности.

Пример из редакторской практики А.С. Пушкина: «девица-кавалерист» Н.А. Дурова желала назвать свою автобиографическую повесть так: «Своеручные записки русской Амазонки, известной под именем Александрова». Пушкин в письме 1836 г. ей объяснил: «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н.А. Дуровой» – просто, искренне и благородно»⁸².

Думается, что Пушкин правил здесь не погрешность стиля, а сам стиль, ориентированный на стиль немецких романов.

И последний пример. Чехов – Горькому о его стиле (1899):

«У вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться, и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву». Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозг, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду».

Это прекрасные образцы двух эстетик в литературе – простоты зрелого реалиста и сложности молодого романтика. Фактически Чехов навязывает Горькому свою эстетику, свои стилистические пристрастия. Литературный редактор на это не имеет права.

Часть V.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подведем итоги. Вы получили почти полное представление о типах речевых ошибок, которые могут встретиться в тексте, и кое-какие навыки их исправления. Такое исправление недостатков текста было названо микроредактированием, ибо представляет собой редактирование небольших фрагментов текста – микротекстов. Макроредактирование – это работа редактора с целым текстом: сокращение текста, исправление композиции, сквозное исправление стиля и т.д. На практике оба вида редактирования не только не разделяются, но даже не имеют особых названий. Они были придуманы специально для данного учебного пособия, для учебных целей.

Намерение автора было простое: собрать материал, разбросанный по разным учебным и научным дисциплинам (русский язык, практическая стилистика, теория литературы, логика), и представить его системно в виде подробной классификации. И таким образом классифицировать в голове студента знания, которые он частично знал, а частично узнал впервые. Учебный эффект такой: 1) вы знаете классы ошибок, 2) вы знаете названия ошибок, 3) вы знаете характер ошибок, 4) вы знаете методику исправления ошибок.

Напоследок выполните итоговое контрольное задание, проверьте степень усвоения учебного материала.

Задание 20. Отредактируйте 35 фрагментов текстов по усвоенной вами схеме: 1) находите ошибку, 2) определяете, называете ее, 3) объясняете ее появление, 4) исправляете ее, минимально затрагивая текст. Во фрагментах представлены все основные классы ошибок – фактические, логические, речевые.

Первая часть задания простая, ибо фрагменты короткие. Вторая часть сложнее, ибо фрагменты больше, и есть даже целые тексты.

Посчитайте, сколько ошибок вы исправили? 50% – слабовато, 75% – хорошо, 90% – отлично.

А

1. Газетный заголовок: По заезженной колее.
2. Северная верфь получила отсрочку, и это помогло ей преодолеть кризисную точку. (Газета).
3. Он позволяет мне добиваться того, что я хочу. (Телереклама).
4. Тот самый Реформ-клуб, откуда начал и где закончил свое путешествие вокруг света за 80 дней знакомый читателям Жюль Верна англичанин по имени Филеас Фогт. (Газета).
5. Ряд издательств заинтересовались возможностью публикации книг по истории изобразительного искусства. (Газета).
6. Ночью из кратера началось извержение лавы. Огненные потоки устремились вниз шириной до четырехсот метров. (Газета).

7. Америка – самая «пробуренная» страна в мире: на ее долю приходится шестьсот тысяч из девятиста тысяч скважин, насчитывающихся на планете и приносящих нефть. (Газета).

8. В настоящее время население Каира составляет 8 миллионов человек. И эта масса людей ежедневно пополняется за счет 2 тысяч крестьян, перебирающихся в город.

9. Приходите! Вы удивитесь низким ценам и качеству! (Газетная реклама).

10. Вертолетчиками осуществлен искусственный сход пятьдесят одной лавины. (ТВ).

11. Домой замдиректору магазина несколько раз звонил неизвестный и, угрожая расправой, требовал 30 тысяч. (Газета).

12. Завтра Александр Солженицын прибывает в город своей юности Ростов-на-Дону. Во время изгнания из Вермонта сюда приходили письма и книги от писателя. (Радио).

13. Стоимость предприятия где-то около полтора миллиона. (Радио).

14. Хозяин, раскурив пеньковую трубку и вооружившись по обыкновению изрядным бокалом старого мозельского вина, начнет рассказывать. (Газета).

15. А излишки продовольствия поставляются для продажи даже в Сясьстрой. (Газета).

16. Разлилась, вышла на несколько километров, бурлит, пенится река Хор, что в переводе с языка адыгейцев – аборигенов Хабаровского края – означает «черт». (Газета).

17. Военный трибунал города Наблус приговорил к четырехлетнему тюремному заключению пять арабских граждан. (Газета).

18. Подпись к газетному фото: Вот таких три симпатичных тигренка родились в Лондонском зоопарке. Тройняшки Джеки, Джимми и Дози чувствуют себя превосходно и с удовольствием играют со служащими зоопарка. (Газета).

19. Расследование данного дела, начатое четыре года назад, постепенно приобрело масштабы политического скандала. В нем оказались замешаны около ста депутатов и мэров от ФСП. Многие из них, включая бывшего госсекретаря Жан-Ив Ле Дриане, предстанут перед следствием в ближайшие недели. (Газета).

20. Куплет из некогда популярной песни:
Здравствуй, столица! Здравствуй, Москва!
Здравствуй, московское небо!
В сердце у каждого эти слова,
Как далеко бы он не был.

Б

21. Газетная информация:

Самый высокий небоскреб Азии

Японская строительная компания Мори сооружает в одном из восточных пригородов Шанхая комплекс 90-этажных зданий, в которых со временем разместятся китайские и зарубежные деловые учреждения и конторы. Комплекс займет территорию в 40 000 квадратных километров. На строительство намечено затратить более одного миллиарда долларов. Проект финансируется

инвесторами из Японии и США. Первая его часть должна быть реализована уже через три года.

22. Молния, разившая столетний дуб, который рос в местечке Рудоземе (Болгария), помогла обнаружить клад. В глубине ствола находился сосуд, до краев наполненный турецкими золотыми монетами. Как полагают, золото пролежало в дереве по крайней мере 300 лет. (Газета).

23. Незаметно Белявский оказался в положении обороняющегося. К тому же уже после 23-го хода он явно испытывал недостаток времени. Напротив, Каспаров имел большой резерв его. Существенной ошибкой белых оказался неудачный замысел на 27-м ходу, связанный с разменом важного белопольного слона. Теперь черные оказались хозяевами положения. (Газета).

24. Существенную поправку в это определение внесли садоводы-любители поселка Рейдово, пригласившие ботаников в свой сад. Его создали работники местного рыбозавода. Используя рекомендации сахалинских ученых-селекционеров, итурупцы раскорчевали вековую целину и заложили на двух гектарах яблоневый сад. (Газета).

25. Газетная информация:

Контора Грекова работает без брака

Авторитетная лондонская газета рекомендует зарубежным бизнесменам, имеющим деловые интересы в России, пользоваться услугами охранной фирмы, представляющей собой совместное предприятие бывших бойцов подразделения «Альфа» и экспертов британской компании «Дефенс систем». За два года деятельности этой фирмы, возглавляемой бывшим майором КГБ Грековым, ни один из охраняемых ею лиц не стал жертвой заказного убийства и даже не был ранен.

26. В последние минуты тура по сцене метались демонстраторы с длинными шестами в руках, едва успевая воспроизвести в вертикальной проекции демонстрационных досок то, что происходило за столиками гроссмейстеров. Право, они в этот момент напоминали кочегаров у мартеновских печей. (Газета).

27. Быть может, эта привычка вызвала какие-то приспособительные изменения в организме, благодаря которым «переслащение» не грозит уже нам столь большой опасностью, как нашим предкам, привычным жить без сахара? Не преувеличивает ли санпросвет угрозу, якобы исходящую от сладостей? (Газета).

28. Из романа Ч.Айтматова «И дольше века длится день»:

Странно было видеть – черные нефтеналивные цистерны останавливались на разъезде сплошь белой, завьюженной, в изморози чередой. А стронуться с места поездам тоже было нелегко. Сцепленные парами паровозы как бы в два плеча долго сдергивали толчками, буквально отрывали с рельсов пристывшие колеса. И эти усилия паровозов, отдиравших вагоны, слышались в резком воздухе далеко вокруг лязгающим железным громоуханием.

29. Из газетной статьи писателя М. Алексеева (1976 г.) о молодых писателях:

И хочется пожелать всем им орлиной зоркости, чтобы речную зыбь и рябь, вызванную мимолетным ветром, а точнее бы сказать – поветрием, они не приняли за стремнину, за глубинное, главное течение.

30. Стихотворение Виктора Бокова из газеты «Правда» (1978 г.):

Присяга

Когда солдат дает присягу
Хранить Отечество свое,
Так это значит, что ни шагу
Он не отступит от нее.
Он будет преданно и свято
Беречь родные рубежи,
Чтобы в надежде на солдата
Цвели колосья мирной ржи.
Чтобы смотрелся мирный месяц
В свои речные зеркала,
Чтобы румянец у ровесниц
Опять война не забрала.
Две матери солдаты любят:
Мать-Родина и просто Мать.
Солдат, приняв присягу, будет
Свою Отчизну охранять.

Часть VI.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЗАДАНИЙ

Часть I. ОСНОВЫ МИКРОРЕДАКТИРОВАНИЯ

Задание 1

1. Ошибка в слове «казненный»: казненный не может принять яд, ибо он уже казнен. Других ошибок в тексте нет. Все, что вы пытались исправить сверх этого единственного случая, называется вкусовщина.

2. Механизм ошибки можно объяснить двояко. Первое объяснение: автору понадобилось причастие настоящего времени от глагола «казнить», но такого в русском языке не существует (хотя его и можно произвести – «казняемый»). Автор незаметно для себя употребил причастие прошедшего времени – получился курьез. Второе объяснение: автор употребил слово «казненный» вместо похожего слова «приговоренный». Психический механизм таких замен в словесном творчестве срабатывает часто. Вероятнее всего, верны оба объяснения: две причины связались воедино.

3. Если вы сумели объяснить ошибку, то исправить ее совсем несложно: «Приговоренный сам принимал яд.» Заметьте: исправление минимальное – заменяется одно слово на другое. Дополнение «к смерти» не обязательно.

Задание 2

1. Исправить в тексте необходимо следующее.

Первые слова в каждом из пяти абзацев после двоеточия должны начинаться с прописных букв, а не с заглавных, ибо это одно, к тому же простое предложение. Если бы абзацы были частями сложного предложения, заглавные буквы были бы уместны.

Необходимо исправить управление: не допускайте чего? – зачеркиваний..., исправлений и подчисток..., отделений..., несвоевременного (вместо – несовременного) опускания. Шесть исправлений в окончаниях и одно в середине слова.

Уже 12.

В последнем абзаце первого предложения серьезная синтаксическая ошибка – нарушение синтаксического параллелизма. Чтобы выровнять последний абзац по четырем предшествующим, придется вставить слово. Надо: опускания одной из частей. Два исправления.

И еще мелочь. Не поставлена точка после первого предложения – в последней строке.

2. Итого 15 исправлений – не больше и не меньше. Если вы пытались заменить пять раз точку с запятой на простую запятую, то это можно, но не обязательно, а раз не обязательно, то надо оставить как есть.

3. Автор может иметь диплом о высшем техническом образовании. Но если это и так, то качество этого образования подозрительное. Уровень же его лингвистического образования ниже школьного.

4. Издатели этого текста обошлись без литературного редактора и даже без типографского корректора. «Несовременное опускание» – это явная ошибка наборщика или машинистки, то есть опечатка, которую некому было исправить.

Часть II. ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Задание 3

1. Отчеканить можно звук, а не букву. 2. Наоборот: слово «лидер» происходит от слова «лид». 3. Не атмосфер, а миллиметров. 4. Получается, что США – западноевропейское государство. Вместо «другим» надо «по ряду». 5. Железобетонные не рельсы, а шпалы. 6. Ничьи и поражения не могут быть в активе. Надо: «семь побед, а также...» 7. Нет ультрафиолетовой краски. Это излучение, к тому же невидимое.

Задание 4

1. Посмотрите годы жизни Галилея и Лютера. Лютер умер за 18 лет до рождения Галилея и, следовательно, не мог принести ему вреда.

2. Без словаря видно, что здесь что-то не то. Самниты жили в I в. до н.э., то есть 2 тысячи лет назад. А захоронению 2,5 тысячи лет. Одна из дат неверная. А если заглянуть в словарь, то окажется, что Рим вел с самнитами войны еще в 343–290 гг. до н.э., когда они, судя по заметке, там не «проживали». Журналист совсем запутался.

3. Невероятная ошибка. Автор думает, что телеграф и радио – это одно и то же. В заметке описана передача первой телеграммы по проводному телеграфу. А год рождения радио – 1896, когда А. Попов в России осуществил первое телеграфирование без проводов, а Маркони в Италии подал первую патентную заявку на изобретение радиопередатчика.

Часть III. ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Задание 5

Автор шутки манипулирует разными логическими рядами, которые друг друга перекрывают и которые нельзя суммировать. Сколько таких уловок – столько и ошибок. Тут две хитрости. Во-первых, противопоставляются часы (п. 1–2) и дни (п. 3–5). Это порождает две ошибки: учитываются часы сна в нерабочее время и нерабочие часы тоже в нерабочее время. И, во-вторых, не учитывается, что праздники могут приходиться на выходные. Три уловки. В шутке – обнаженная софистика. В реальных текстах до нее нужно докопаться.

Задание 6

Большинство из этих плеонастических выражений можно считать или усилительными конструкциями (полное право), или традиционными словосочетаниями (нижнее белье). Надо иметь в виду, что в их оценке силен элемент субъективизма. Откровенные ошибки: военная оккупация, глубокая бездна, серьезная ЧП, народный фольклор, легкое облегчение, квартал домов. Возможно, вы этот список немного расширите. Здесь есть чем поспорить с конкретным автором.

Задание 7

1. Правка должна быть такой: «Пропал курцхаар в р-не Московского пр. Кобель, 3 года, охотн., коричн. С белым крапом». Исправлен порядок слов (этого требует логика), одна запятая убрана и одна добавлена, убраны скобки (в них было упрятано определение, равное по смыслу остальным), исправлены два сокращения. Итого семь исправлений.

2. Пропущена запятая после слова «путем» – здесь конец причастного оборота. Третья запятая лишняя. Тексты отражают низкий уровень массового усвоения русской пунктуации в средней школе.

Задание 8

1. Скорая увезла женщину в больницу в тяжелейшем состоянии.

2. Главная редакция программы для детей на центральном телевидении.

Задание 9

1. Плеоназм: хлор – это и есть газ.

2. Логический скачок, неправильное употребление конструкции с предлогом «кроме». Лучше всего построить фразу без этого предлога.

3. Ломаная метафора. Пусть автор исправляет.

4. Логический скачок. Можно так: Самый бедный язык в этой группе действующих лиц – у Варвары.

5. Плеоназм. Лучше: разлили по стаканам водку из бутылки.

6. Логический скачок. Исправление нелегкое. Если «в противовес роли паразитических червей следует подчеркнуть роль дождевых червей...», то получится тяжело. Предложение надо перестраивать кардинально.

7. Плеоназм. Оставаясь в пределах этого канцелярского стиля, надо: «Для проведения данного мероприятия правительство России...» Нужно также убрать «количество». Останется сомнение: почему правительство России распоряжается бюджетом мэрии?

8. Плеоназм и неправильный порядок слов. Можно исправить так: «Жеребец Лабелист, рожденный

на Онуфриевском конном заводе, и всадник Ненов оказались достойными друг друга». Остается какая-то двусмысленность.

9. Дефектное сравнение, похожее на фактическую ошибку. Автор должен заменить сравнение.

10. Повествовательный алогизм: «голова... с длинным пушистым хвостом». «Хвост» нужно оставить для следующего предложения.

11. Синтаксическая амфиболия: получилось, что у КПСС был свой ВМФ. Лексическая амфиболия: флот кем-то предан.

Часть IV. РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ

Задание 10

1. Надо: 1721 года.
2. Надо: На таких судах.
3. Надо: женских боа. Кто не знает, чем бра отличается от боа, посмотрите в словаре.

Задание 11

В этом стихотворении у Мандельштама два отступления от Правил пунктуации. Во-первых, автор не ставит запятые перед сравнительными оборотами с союзом «как» (стихи 5 и 6). Во-вторых, автор не всегда ставит запятые перед союзом «и», соединяющим два самостоятельных предложения (стихи 7 и 15). Правда, в последнем случае конструкция сложная и даже синтаксически двусмысленная: у него казнь и грудь.

Задание 12

1. Пружинит не пенопласт, а поролон. Пенопласт – хрупкий, пористый материал. Смешение паронимов.
2. Кавалькада – группа всадников. Но в описании нет лошадей. Автор не знает значения слова.
3. Будировать – проявлять недовольство, дуться. Устаревшее слово, пришедшее из французского языка. К «будить» не имеет отношения. Ложная этимология.
4. Субмарина – подводная лодка, а не просто корабль. Неудачная метафора на основе смешения частичных синонимов.
5. Доклад можно представить, а предоставляют слово. Смешение паронимов или ложных синонимов.
6. Грузовое судно не может быть кораблем. Корабль или военный, или парусный, а судно гражданское. Смешение ложных синонимов.
7. Командировочное (прилагательное) удостоверение, а человек – командированный (причастие). Смешение паронимов или ложных синонимов.

8. Ошибка, распространенная в Москве: то, что в столице называют булкой хлеба, везде называют буханкой хлеба. Смешение ложных синонимов. Более подробно: хлеб может быть ржаным – черным и пшеничным – белым. Булка – это белый хлеб. Ржаной хлеб имеет форму или буханки (кирпича) или каравай (круглый). Пшеничный хлеб – это или буханка, или батон (продолговатой формы).

9. Надо: более (больше) двадцати лет. Смешение паронимов.

10. Гуси, как и все птицы, не летают треугольниками. Они летают клином, углом. Смешение паронимов.

11. Надо: охваченный кольцом. Смешение паронимов.

12. Тренер прокомментировал происшедшее. А резюмировать – кратко излагать суть написанного или сказанного. Смешение ложных синонимов.

13. В русском языке нет буквы хэ, а есть буква ха.

Задание 13

1. Речевой дефект находится легко – разноречивой «туристский» / «туристический». Но ошибка ли это? И какую форму исправлять? Старое правило – туристский от турист, туристический от туризм – не работает, ибо трудно выполнимо: требует анализа. Есть общая статистика. Формы встречаются в газете в таком соотношении: туристский – 65%, туристический – 35%[[1]]. Заметьте, побеждает более короткий суффикс: работает закон речевой экономики. Редактору надо исправлять второе употребление прилагательного.

2. Конечно, «турок», а не «турков». Это родительный падеж множественного числа названий народов (см. «Граматику»): грузин, армян и т.д. У Пушкина найдем обе формы: турок и турков. В XX веке победила форма без окончания. Но сейчас в газетах наблюдается колебание. Редактору это не должно смущать: только «турок».

3. Трудный случай. Конечно, в склонении числительного явная ошибка, но это вторая ошибка. Первая же заключается в том, что предлог «около» требует активной конструкции, а перед нами пассивная. Можно исправить так: «Решение было одобрено почти восьмьюстами делегатами». Это тяжелый для прочтения вариант. Попутно: форма «восьмистами» нежелательна.

4. Немногие исправят эту ошибку. Хитрость ее в том, что Эфшин – иностранная фамилия, похожая на русскую. В творительном падеже русская фамилия имеет окончание -ым: Ивановым, Сидоровым, а иностранная -ом: Вильневым, Эфшином.

5. Легкий случай (для отдыха), правильно: «более полумиллиона».

6. Шероховатость такая же, как в первом примере. Желательно унифицировать формы «чаю»/ «чая». Лучше выбрать новую форму – «чая». Это тонкое редактирование. Погрешностей

такого рода в газете много, в спешке газетного производства они пропускаются.

7. Три несложных исправления: «силой до четырехсот пятидесяти килограммов». Форма родительного падежа с нулевым окончанием «килограмм» – разговорная (в отличие от литературной формы «турок»).

Задание 14

1. 1103 гражданских лица.
2. За последнюю четверть века.
3. Пяти с половиной баллов.
4. Ряд членов правительства... говорит.
5. Свыше 120 выносных столиков.
6. Одной из фигур.
7. 61 процент американцев убежден.
8. одно из лиц.

Задание 15

1. Переодет в рабочего (одет под рабочего).
2. Испачкав руки... в грязи и масле.
3. Споткнувшись о веревку.
4. Не превышает десяти сантиметров (статистика: при отрицании – родительный падеж – 73%, винительный – 27%).
5. Относится разнообразие... к численности (соотносится разнообразие... и численность).
6. В предупреждении типичных ошибок.
7. И в случае с птицами.
8. Доведет их до сведения (расскажет о них).
9. Характерных для одной из них (свойственных одной из них).
10. Навстречу дню (на встречу дня).
11. Пренебрежение ее законам (пренебрежительное отношение к ее законам).
12. Небольшая ловушка: ошибка не в управлении, а в порядке слов. Правильно: упавший с балкона второго этажа дома на Бухарестской улице. Обычная небрежность устной речи, попавшая в письменный текст.

Задание 16

Правильное присоединение деепричастного оборота только в третьем примере.

Задание 17

1. Сбрасывать со счетов, списывать со счета.
2. Заканчивать школу, получать образование.
3. Потерпеть поражение, претерпеть инфляцию.
4. Совершить подвиг, проявить героизм.
5. Наносить вред, учинить злодеяние.
6. Влипнуть в историю, попасть в переплет.
7. Выносить приговор, вершить суд.
8. Пожать плоды, получить в удел.

Задание 18

У Мартынова, интеллектуального поэта, все подчеркнутые слова стилистически оправданы, намеренны. У Ваншенкина, наоборот, явный канцелярит, языковая ущербность, соединение без стилистического эффекта канцелярского выражения и просторечного глагола «перетратить», употребленного к тому же неверно, вместо глагола «истратить». Однако нужно заметить, здесь есть о чем поспорить – критерии субъективны!

Задание 19

Конечно, нужно редактировать все три фрагмента. Это типичные случаи эффекта «ближней памяти».

Задание 20

А

1. Заезженная пластинка, а колея наезженная. Контаминация фразеологизмов.
2. Случайная рифма: отсрочку – точку. «Кризисную точку» заменить на «кризис».
3. Морфологическая ошибка на основе контаминации: того – чего; то – что.
4. Морфологическая ошибка: «Жюля» надо склонять. Это влияние устной речи.
5. Правильнее «ряд издательств заинтересовался», но ошибка настолько распространенная со времен Пушкина, что сомнение в необходимости редактирования остается.
6. Неправильный порядок слов. Надо: «Огненные потоки шириной до четырехсот метров устремились вниз». Тоже влияние устной речи.
7. «Из девятисот тысяч скважин» – распространенная морфологическая ошибка.
8. «За счет» – значит: из числа, а употреблено в значении: на. Надо: пополняется на...
9. Синтаксическая небрежность привела к тому, что прилагательное «низкий» относится сразу к двум

существительным – «ценам» и «качеству». Рекламируется низкое качество! Глубинная причина ошибки – процесс семантического включения: в слово «качество» включено значение опущенного определения «высокое». Качественный товар – значит: высококачественный; у меня температура – значит: повышенная температура.

10. «Сход пятидесяти одной лавины» – морфологическая ошибка: упрощенное склонение составного числительного. Это устная, телевизионная речь.

11. Дательный падеж от «замдиректора» (заместитель директора) так и останется «замдиректора» (заместителю директора). Форма «замдиректору» в дательном падеже – от просторечного «замдиректора». Это очень неудобное сокращение в русском языке. В последнее время в газетах появилась тенденция разъединять элементы: зам. директора.

12. При чтении получается: «во время изгнания из Вермонта». Слабое управление, синтаксическая двусмысленность. Исправление: «Во время изгнания сюда приходили из Вермонта...»

13. «Около полутора миллионов» – несклонение числительного в устной речи.

14. Трубку делают не из пеньки – волокна стеблей конопли, – а из пенки – огнестойкого пористого минерала: трубка пенковая. Смешение паронимов.

15. Рифма-эхо: продажи – даже, хотя и слабенькая: 9 из 10 читателей ее не заметят. Но уважающий себя автор редакторскую правку примет с благодарностью.

16. Адыгейцы живут в Краснодарском крае, а в Хабаровском – живут удыгейцы. Смешение паронимов. Можно восстановить и сокращение: река вышла /из берегов/.

17. «Пятерых арабских граждан»: одушевленное существительное мужского рода требует собирательного числительного (см. «Граматику»).

18. Неоправданная инверсия. Надо: «Три вот таких симпатичных тигренка...» Влияние устной речи. «Лондонский зоопарк» с заглавной буквы, видимо, потому, что это официальное название.

19. «Госсекретаря Жан-Ива Ле Дриане»: двойные французские имена склоняются как одно слово.

20. «Как далеко бы он ни был»: нужна усилительная частица, а не отрицательная. Ошибка очень распространенная. Формально – смешение паронимов.

Б

21. Прежде всего, надо исправить явную опечатку: не квадратные километры, а квадратные метры. Затем заголовок перевести во множественное число, ибо небоскреб не один. Вызывает сомнения выражение «зарубежные учреждения», которые должны находиться за рубежом, а не в Шанхае. Другое дело: офисы,

представительства зарубежных учреждений. Но с другой стороны, здесь, возможно, метонимический перенос (см. в словарях – эпитет перенесенный).

22. Золото не могло пролежать 300 лет в столетнем дубе. Фактическая ошибка, или логическая, если слово «столетний» употреблено в значении: очень старый.

23. Трижды в одном абзаце употреблено слово «оказался». Дефектный повтор слова. Второе употребление надо исправить на синоним, хотя бы на «стал».

24. Целину нельзя раскорчевать, ибо в ней нет корней. Целину поднимают, раскорчевывают лес, заросли. Фактическая ошибка, точнее – незнание значения слова.

25. «Ни одно из охраняемых ею лиц» – морфологическая ошибка, но по сути дела – контаминация: ни один из клиентов – ни одно из лиц.

26. У мартенов работают сталевары, а не кочегары. Формально фактическая ошибка, но возможно, это языковая небрежность.

27. «Предкам, привыкшим жить без сахара». Морфологическая ошибка. Смешение паронимов: причастие заменено на прилагательное. Аналогичная ошибка: командировочный человек.

28. Замена управления на основе контаминации словосочетаний: отрывать от... – срывать с...

29. Писатель выступает в роли публициста и пишет очень эмоционально – типичная ситуация советского времени. Эмоциональность порождает небрежное обращение со словом. Экспрессия фрагмента держится на синонимических повторах: зыбь – рябь, ветер – поветрие, стремнина – течение, глубинное – главное. В этих четырех парах слов – три ошибки. Первая ошибка. Зыбь и рябь – не синонимы: рябь действительно вызывается мимолетным ветром на реке или озере, а зыбь – это мелкое волнение без ветра, но после сильного ветра. Вторая ошибка. Мимолетный ветер и поветрие – тоже не синонимы. У слова поветрие два значения: старое – эпидемия (считалось, что болезни распространяются по ветру) и новое, переносное – мода. Автор не знает значения этого слова. Третья ошибка. Стремнина – место в реке с бурным, стремительным течением. Оно, конечно, главное, но не глубинное.

30. Та же эпоха, та же ситуация. Эмоциональность речи нарушает ее точность. Четыре ошибки. Первая: солдат не дает присягу, а принимает. Дают клятву. Контаминация фразеологизмов. Вторая: ни на шаг не отступить. Контаминация с фразеологизмом «ни шагу ступить». Третья: солдаты любят кого? Двух матерей (а не «две матери»), мать-Родину (а не «Мать-Родина»). Качество образов на том же уровне, что и качество языка. Будьте осторожны с языком в эмоциональной ситуации – это последняя рекомендация. Успехов!

Примечания.

¹ Учебное пособие не конкурирует с полными изложениями проблем литературного редактирования, а дополняет их. Для сравнения и справок можно указать три из них: Мильчин А.Э. Методика и техника редактирования текста. Практическое пособие. М., 1972; Справочная книга редактора и корректора. Редакционно-техническое оформление издания. Изд. 2. М., 1985; Накорякова К.М. Редактирование материалов массовой коммуникации. Общая методика работы над текстом. МГУ, 1982.

² Словарь издательских терминов. М., 1983. Далее все термины будут даваться по этому словарю – цитироваться или перефразироваться. Редактор от лат. *gedactus* – приведенный в порядок.

³ Есть интересное популярное описание издательского процесса в журнале «Наука и жизнь»: Сворень Р. Издательство на столе // Наука и жизнь. 1989. № 10. С. 24–32.

⁴ Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М., 1980.

⁵ Подробное описание см. в: Сворень. Издательство на столе.

⁶ Наука и жизнь. 1987. № 10.

⁷ Наука и жизнь. 1986. № 9.

⁸ 30 дней в мире научного книгоиздания США. Беседа с В.П. Карцевым // Природа. 1988. С. 116–117.

⁹ Вадим Соколов. Один с сошкой – семеро с ложкой // Литературная газета. 1 окт. 1986 г. – Это одно из полемических выступлений под рубрикой «Для чего издаются книги» (ЛГ, 1986, №№ 2, 11, 14, 18, 20, 25, 40).

¹⁰ Природа. 1986. № 8. С. 96. (Из переписки А.А. Любищева и П.С. Светлова. 1936–1969).

¹¹ Природа. 1986. № 10. С. 81. (Заметки по поводу юбилея).

¹² Цюрупа А. Пример бюрократизма // Литературная газета. 14 мая. 1986.

¹³ Буторин В. Чтобы эта работа была видна // Литературная газета. 1 окт. 1986.

¹⁴ Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. Пособие для учителя. М., 1982.

¹⁵ Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М., 1980.

¹⁶ Лучшие выступления: Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. Изд. 3. М., 1979.

¹⁷ Крокодил. 1983. № 27. С. 13.

¹⁸ По «Логическому словарю».

¹⁹ Ср.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. Ст. 1028; Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 81; Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1987. С. 278.

²⁰ Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 10. В других словарях этого термина нет.

²¹ Мильчин А.Э. Методика и техника редактирования текста. М., 1972. С. 305–316. (Глава IX. Методика правки текста).

²² См. об этом подробно: Западов А. От рукописи к печатной странице. О мастерстве редактора. Изд. 2. М., 1982. С. 178–179.

²³ Полное собрание сочинений. Т. 10. Изд. 3. М., 1965. С. 143–144.

²⁴ Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1964. С. 567.

²⁵ Палей А.Р. Почему бы не делать так? // Русская речь. 1977. № 1. С. 147.

²⁶ Безъязычный В. Что такое акрибия // Литературная газета, 14 сентября 1977 г. (Это греческие варианты упоминавшихся выше латинских терминов: ошибка в факте и ошибка в форме).

²⁷ Нестеров Ю. Как заклинило башню самоходки // Литературная газета, 19 ноября 1975 г.

²⁸ Мельников Р.О. О кораблях, встающих на дыбки, и боцманском лексиконе // Литературная газета, 20 марта 1985 г.

²⁹ Поляков В. Привычные парадоксы // Лес и человек. М., 1985. С. 189–190.

³⁰ Например: Леонид Круглов. Сколько ног у паука? Заметки о публикациях на темы экологии (1984, № 2); Леонид Плешаков. Возьмем в руки карандаш (1984, № 9).

³¹ Плешаков Л. А факт ли это? // Журналист. 1983. № 3; Он же. Правда одна // Журналист. 1984. № 2.

³² Цит. по: Кардан В. Легенды и факты // Новый мир. 1966. № 2. С. 239.

³³ Алямовский И. К Зимнему // Ленинградская правда, 27 сентября 1987 г.

³⁴ Фролов Б. Матросов был 59-м... // Известия, 12 мая 1991.

³⁵ Сычев А. Кто водрузил Знамя Победы // Аргументы и факты. 1990. № 18.

³⁶ Сидельников В. Как я правил «Малую землю» Брежнева // Аргументы и факты. 3 января 1996 г.

³⁷ Андреев Н. Любил охоту, хоккей, домино, аплодисменты и испытывал глубокое удовлетворение // Час пик, 15 июня 1994 г.

³⁸ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 314.

³⁹ Свинцов В.И. Логические основы редактирования текста. М., 1972. Свинцов В.И. Смысловый анализ и обработка текста. М., 1979. Свинцов В.И. Логика Учебник для факультетов журналистики и редакционно-издательских факультетов полиграфических институтов. М., 1987.

⁴⁰ Западов А. От рукописи к печатной странице. О мастерстве редактора. Изд. 2. М., 1982. (Раздел «О пользе логики»). Мильчин А.Э. Методика и техника редактирования текста. Практическое пособие. М., 1972. (Гл. VI. Анализ текста с логической стороны). Накорякова К.М. Редактирование материалов массовой информации. Общая методика работы над текстом. МГУ, 1982. (Гл. II. Логические основы редактирования текста).

⁴¹ Федор Григорьев, Сергей Осипов. Вегетарианцы против мясоедов // Аргументы и факты. 1966. № 35.

⁴² Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 314.

⁴³ Цит. по: Час пик, 21 сентября 1994 г.

⁴⁴ Цит. по: Литературная газета, 18 мая 1983 г.

⁴⁵ Наверяд ли знаете это слово. Загляните в «Словарь иностранных слов». Хорошее слово, пригодится.

⁴⁶ Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968. Он же. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977. В обеих книгах описаны 12 приемов остроумия.

⁴⁷ В латинской терминологии это тоже разграничивалось: lapsus calami – ошибка на письме (описка) и lapsus linguaе – ошибка в речи (обмолвка). Собственно опечатка по-латыни lapsus rennae.

⁴⁸ Роль формы печатного слова при чтении // Природа. 1984. № 10. С. 111.

⁴⁹ Есть еще нормы графического оформления текста. Но они, строго говоря, относятся не к литературному, а к техническому редактированию. См.: Мильчин А.Э. Методика и техника редактирования текста. М., 1972. (Гл. VIII. Анализ графической формы текста).

⁵⁰ Цит. по: Коммерсант-дейли, 2 декабря 1995 г.

⁵¹ О вариантности в современной русской пунктуации см.: Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация. М., 1988. С. 150–186.

⁵² Николаев А.А. Пунктуация стихотворений Тютчева // Современная пунктуация. М., 1979. С. 202–222.

⁵³ О кавычках в газете см.: Крон А., Успенский Л. Кавычки и какбычегоневычки // Литературная газета, 16 октября 1965 г.; Беззубое А.Н. Еще раз о кавычкомании // Журналист. 1979. № 2; Васильев В. Оскорбление кавычкой // Литературная газета, 18 июня 1980 г.

⁵⁴ См.: Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. Изд. 2. М., 1969.

⁵⁵ Журналист, 1979, № 12, с. 24.

⁵⁶ См.: Ефремов Е. Репортаж из Зимнего дворца, написанный 72 года назад // Литературная газета, 8 ноября 1989 г.

⁵⁷ Журналист, 1987, с. 46.

⁵⁸ Краткий словарь трудностей русского языка для работников печати. МГУ, 1968. С. 77. Рекомендация повторена в расширенном издании словаря: Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста. МГУ, 1974. С. 124.

⁵⁹ Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976. С. 349.

⁶⁰ Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи. С. 349.

⁶¹ Мучник Б.С. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 275. См. также: Русский язык по данным массового обследования. М., 1974. С. 187–199.

⁶² Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи. С. 349.

⁶³ Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию. М, 1994. С. 207.

⁶⁴ Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи. С. 350.

⁶⁵ Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи. С. 349.

⁶⁶ Строков В.В. Уголок юнната // Лес и человек. Ежегодник. М., 1983. С. 94.

⁶⁷ По: Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.

⁶⁸ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.

⁶⁹ Ср.: Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 274–275. (Статья «Солецизм») и Гаспаров М.Л. Солецизм // Краткая литературная энциклопедия, т. 7. М., 1972. С. 50–51.

⁷⁰ Ревзин И.И. Грамматическая правильность, поэтическая речь и проблема управления // Труды по знаковым системам. 5. Тарту, 1971. С. 225.

⁷¹ Известия, 16 марта 1994 г., с. 5.

⁷² Цит. по: Ленинградская область. Исторический очерк. Лениздат, 1986. С. 217.

⁷³ Правда, 16 мая 1983.

⁷⁴ Галь Н. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. М., 1972. С.48.

⁷⁵ Вакуров В.Н. Стилевой контраст в фельетоне // Вестник МГУ, серия журналистика. 1976, № 2. С. 60–70.

⁷⁶ Западов А. От рукописи к печатной странице. О мастерстве редактора. М., 1982. С. 150–152; Русские писатели о литературном труде. Том 4. Л., 1956. С. 9–226.

⁷⁷ Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974. С. 216. Далее примеры из этого учебного пособия.

⁷⁸ Цит. по: Ленинградская область. Исторический очерк. Л., 1986. С. 216–217.

⁷⁹ Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. М., 1977. С. 160. (Речь идет о стиле дипломатических документов).

⁸⁰ Старков А. Язык – стихия писателя // Наука и жизнь. 1986. № 10. С. 69.

⁸¹ Наука и жизнь. 1988. № 8.

⁸² Западов А. От рукописи к печатной странице. С. 66.